Казахский национальный университет имени аль-Фараби

УДК 39(=512.122):903’14 На правах рукописи

ИМАНБЕКОВА АЛЬФИЯ АМАНГЕЛЬДИЕВНА

Теоретические проблемы изучения традиционного хозяйства казахов XVIII- начала XX вв.

6D020800 – Археология и этнология

Диссертация на соискание степени
доктора философии (PhD)

Отечественный научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор А.Т. Толеубаев

Зарубежный научный консультант:
ассистент профессор,
PhD Г. Кендирбай

Республика Казахстан
Алматы, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……3

1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА НОМАДОВ (КАЗАХОВ-КОЧЕВНИКОВ) XVIII - НАЧАЛА XX ВВ. В ИСТОРИОГРАФИИ……21

1.1 Традиционное хозяйство номадов (казахов-кочевников) и проблема понятийно-категориального аппарата……21

1.2 Зарубежная историография XVIII - начала XXI вв.: становление - методологических оснований номадизма и ее теоретической проблематики ……34

1.3 Проблема типологии скотоводства в советской литературе в 50-70-е гг. XX века…… 52

1.4 Дискуссия 80-х гг. XX века о проблеме типологии скотоводства……. 71

2 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОБСТВЕННОСТИ НА СРЕДСТВА ПРОИЗВОДСТВА В КОЧЕВНИКОВЕДЕНИИ……87

2.1 Истоки изучения проблем собственности казахов-кочевников……87

2.2 Основные концепции изучения собственности казахов-кочевников в контексте феодальной стадии формационной теории……...96

2.3 Изучение и теоретические аспекты собственности казахов - кочевников в современном номадоведении……114

3 ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА КАЗАХОВ XIX-НАЧАЛА XX ВВ. В ИСТОРИОГРАФИИ ……133

3.1 Изменения в системе традиционного хозяйства казахов в трудах дореволюционных ученых XIX-начала XX вв.……133

3.2 Трансформация традиционного хозяйства казахов в советской историографии…….....151

3.3 Последствия перехода казахов к полуоседлости в трудах современных исследователей……175

ЗАКЛЮЧЕНИЕ……198

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ……202

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. С середины XX в. начинается активное изучение истории, культуры и быта кочевых народов, традиционного хозяйства, при этом в отличие от дореволюционного периода возрос интерес к общетеоретическим проблемам номадизма.

Дискуссии, возникшие при изучении номадов в зарубежной и русской историографии, с самого начала были связаны с проблемой интерпретации этой специфической, «не оседлой» истории. Европейские ученые называли кочевников варварами, которые не достигли должного уровня цивилизации по сравнению с оседлыми земледельческими народами. Кочевое общество в их трудах было представлено как недвижимое, застойное, противостоящее оседлым народам, не внесшее никакого вклада в мировую культуру. Негативное отношение к номадам, европоцентризм, наиболее ярко проявившиеся в концепции А. Тойнби, стали характерными чертами большинства концепций кочевниковедения XVIII-XIX вв.

Но исследование места и роли номадизма во всемирно-историческом процессе привело западных исследователей кочевничества к изменению их взглядов на историю кочевого общества. В XX в. изучением номадов стали заниматься историки, этнологи, археологии, экономисты, правоведы, философы и другие специалисты, привнося с собой междисциплинарный подход. В центре интересов исследователей XX в., помимо, изучения жизнеобеспечения кочевых обществ в целом, т.е. специфики кочевого образа жизни и кочевого хозяйства, особенностей культуры, быта, обрядов, общественно-политических структур, социальной структуры, появились такие новые теоретические проблемы, как генезис скотоводства, классификация и типология кочевничества, общинно-родовые отношения в кочевом обществе (специфическая социальная структура) и другие.

Номадизм был доминирующим архаичным типом хозяйства в аридной зоне степей, пустынь и полупустынь Средней Азии и Казахстана. В кочевом обществе знания, накопленные веками, передавались из поколения в поколение, неся жизненно важную информацию, являвшуюся системой жизнеобеспечения кочевников, без которой они не могли выжить в степи.

Кочевое скотоводство является традиционным хозяйством для казахов, коренного населения Казахстана, который располагается в центре Евразийского континента, в регионе, где с эпохи бронзы формировалась кочевая культура, существовавшая до первой трети XX века. С древнейших времен на территории Казахстана основой жизни наших предков было скотоводство. Главной причиной развития кочевого хозяйства были природно-климатические условия и аридная зона Казахстана, которые с неизбежностью обусловили ведение казахами кочевого хозяйства, закрепившееся в регионе на многие века и тысячелетия. Изучение хозяйственной деятельности казахов, населявших данную территорию, имеет большое научное значение в силу ряда причин.

Историко-этнографическое изучение традиционного хозяйства (скотоводства) Казахстана и кочевых народов Средней Азии, познание

сложившегося за тысячелетия производственного процесса в скотоводстве, их жизнедеятельности, хозяйственно-культурных традиций, социально-экономических, политических процессов является одной из актуальных задач этнографической науки.

Феномен кочевничества, безусловно, оказывает влияние на современное казахское общество. Объективно оценить это влияние смогла директор исследовательского Центра Центральной Азии, Востока и Африки Лондонского университета Ш. Акинер. По ее мнению, чтобы «понять современное казахское самосознание», нельзя игнорировать прошлое кочевников, потому что, «хотя кочевой образ жизни теперь и не является живой традицией казахов, он остается фундаментальным элементом национального самовосприятия» [1, с. 23] и «продолжает оказывать сильное символическое влияние, давая основу для современного восприятия самоопределения» [1, с. 12].

Современные казахи, по мнению Ш. Акинер, с «самым благоговейным трепетом и почитанием» [1, с. 24] относятся к культуре, этническим ценностям, ритуальным обрядам и примерам общественного поведения, восходящим к кочевым традициям, потому что они помогают ослабить взращиваемое советскими властями «чувство лишенности своих корней и отчужденности от традиционной культуры» [1, с. 104]. С обретением независимости оживился интерес у казахов к своему прошлому, каждый год выходят монографии и статьи, так, в 2018 по истории кочевничества вышла в свет обстоятельная, хорошо изданная на трех языках монография А. Таирова, посвященная ранним кочевникам Жайык-Иртышского междуречья в VIII – VI вв. до н.э.[2]

Традиционное хозяйство Евразии затрагивает целый ряд общетеоретических и конкретно - научных проблем. Об этом свидетельствует опыт исследования теоретических вопросов, связанных со скотоводством казахов, темы, изученной еще недостаточно, хотя о хозяйстве казахов, особенно XVIII – начала XX вв., накоплен большой и разнообразный материал. В истории казахского хозяйства в дореволюционный период есть еще немало нерешенных и спорных проблем. Это – вопрос о типе хозяйства казахов, о соотношении в нем скотоводства и земледелия, трансформация скотоводства, вопросы собственности и т.п. Таким образом, теоретико-концептуальное изучение кочевого общества является актуальной и сложной задачей.

Разработка теоретических проблем изучения хозяйства кочевников-казахов несет в себе важное и актуальное значение для разработки концептуальных проблем исторической этнографии номадов Средней Азии и Казахстана. Изучение традиционного скотоводства на территории Казахстана позволяет выявить общие черты и местные особенности кочевого хозяйства в одном из очагов возникновения номадизма. Современные ученые осознают, какую роль играло скотоводство для населения не только Казахстана, но и других регионах, где развивался номадизм.

Предлагаемое исследование посвящено историографии этнографического изучения традиционного хозяйства казахов. Традиционное хозяйство народов

Евразии, несмотря на высокие темпы его урбанизации и модернизации, продолжает и сегодня привлекать внимание специалистов-этнографов, историков, археологов, обществоведов и др. [3, с.126] Естественно, каждый из структурных элементов традиционного хозяйства титульного этноса Республики Казахстан изучен неоднородно: одни из них широко, другие скудно.

История изучения традиционного (скотоводческого – А.И.) хозяйства населения Средней Азии и Казахстана насчитывает более двух веков. В настоящее время существует большой объем научной литературы, раскрывающей различные аспекты кочевых обществ (историю, социально-экономические, общественно-политические, культурно-исторические и другие особенности). Особенное место в научной литературе о кочевом обществе занимает изучение традиционного хозяйства казахов XVIII – начала XX вв., а именно кочевого типа хозяйственной деятельности, который стал определенной формой адаптации человека к природно-климатическим условиям степей, пустынь и полупустынь Казахстана. В процессе его исследования, естественно, возникли различные аналитические и концептуальные подходы, что с неизбежностью привело к теоретическим спорам и дискуссиям. Историографическое изучение указанной проблемы, проанализировав весь спектр ее исследованности, должно восполнить имеющиеся пробелы. Поэтому обращение к данной многоаспектной проблеме в области отечественной этнологии считаем своевременной и актуальной научной проблемой.

Актуальность диссертационной работы определяется не только научными, но и практическими интересами. Практическая значимость исследования кочевого хозяйства казахов определена тем, что за период советской власти элементы традиционного экстенсивного скотоводства были утеряны. Современному Казахстану нужно возродить традиции кочевого хозяйства наших предков, тем самым поднять сельское хозяйство в животноводческом направлении. В настоящее время в Казахстане предпринимаются шаги по восстановлению экономики сельского хозяйства, возрождению на государственном уровне ее традиционной специфики.

Степень изученности темы. Впервые теоретические проблемы номадизма как специальную историографическую проблему в советской историографии обозначил Г.Е. Марков в 1976 г. в последней главе своей монографии «Кочевники Азии» под названием «Некоторые теоретические проблемы кочевничества» [4, с.278-313]. В 1989 г. и 1998 гг. он опубликовал две статьи, посвященные теоретическим проблемам номадизма в советской этнографической литературе» [5 - 6].

Автор рассматривал номадизм как системное единство, объединяющее кочевничество разной этнической принадлежности в различных регионах мира, представляющее единый кочевой хозяйственно-культурный тип в степных, пустынных и полупустынных частях света, причем не отменяющее его различные варианты с характерным для них своеобразием. Поэтому характеристика кочевничества, естественно, предполагает единую

теоретическую проблематику, но право ученых на то или иное решение тех или иных проблем создает широкое поле для различных концептуальных подходов.

В 1966 г. вышел в свет «Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР» Э.А. Масанова, переизданный в 2007 г. с переработкой двух первых глав. Автор объективно анализирует русскую дореволюционную литературу. Так, отдельные русские авторы этого времени пытались объяснить причины господства кочевого скотоводства в казахской степи. В частности, В.И. Бенкевич в 1903 г., отмечал, что причины эти «кроются не в каких-либо влечениях и симпатиях киргиз, в их сильно раздутой лености и проч., а лишь в прямом приспособлении к свойствам климата, почвы, растительности и орошения степей...» [7, с. 436]. С другой стороны, Э.А. Масанов согласен с В. Харузиной, что эта литература представляла «простое собирание и описание этнографических материалов, бессистемное и неполное», которое «господствовало до начала XX в.» и «задача обобщения собранных материалов еще не созрела в то время» [7, с.466]. Работы дореволюционных авторов, безусловно, интересны как исторический источник для научных исследований кочевничества, но они носят описательный характер, не переходят на этап теоретического обобщения.

Историография казахского номадизма имеет место в работах по историографии дореволюционного и советского Казахстана таких авторов, как Г.Ф. Дахшлейгер (1969г.) и Д.И. Дулатова (1984г.), но общий характер их трудов, большой хронологический период исследования и небольшой объем, нехарактерный для работ подобного типа, делают для них невозможным подробный аналитический обзор всего круга теоретических проблем кочевничества казахов в XVIII- начале XX вв.

У Г.Ф. Дахшлейгера вызывает интерес его характеристика представлений «об определяющей роли географической среды в истории хозяйства, экономической структуры казахского общества и даже формирования национального характера народа, сравнительно широко бытовавшие в литературе первых лет Советской власти» как ошибочного представления, которое постепенно изживается из советской историографии [8, с.47]. Рассматривая дискуссию о специфике патриархально-феодальных отношений в условиях казахского скотоводческого хозяйства, которая переросла в дискуссию о производственных отношений у кочевых народов вообще, в частности в спор о собственности у кочевых казахов он считает, что спор остался незавершенным, но оказался плодотворным [8, с.116-119]. Позже Г.Ф. Дахшлейгер опубликовал статью, специально посвященную некоторым проблемам историографии кочевниковедения [9-10].

Что касается Д.И. Дулатовой, то она раскрыла вклад отдельных дореволюционных и советских авторов, отметив особенно С.Е. Толыбекова и С.З. Зиманова, «в изучение хозяйственной структуры казахского населения в период господства феодальных отношений» [11, с.84-85]. По ее мнению,

интерес к аграрной проблематике пореформенного Казахстана ослабел» [11, с.169].

Отсутствие теоретической направленности у дореволюционной русской литературы лишило Г.Ф. Дахшлейгера и Д. И. Дулатову возможности для теоретического анализа. К сожалению, такая ситуация характерна и для советского периода историографии Казахстана. Что касается, к примеру, темы нашего исследования, авторы только обозначили проблему собственности и не дали собственного авторского анализа двух концептуальных позиций, приведенных в их работах. Авторы не дали также анализа, пусть с ортодоксальных марксистских позиций, дискуссий 20 - 30 гг. о сущности социально-экономического развития дореволюционного Казахстана, а просто обошли их молчанием. Этот пробел в истории исторической науки был закрыт в 1993 г. С.А. Кожкеновым, автором диссертации «Роль научных дискуссий в 20-30–х гг. в становлении исторической науки в Казахстане» [12].

Теоретические подходы советских историков к изучению хозяйства казахов, а именно вопросов собственности на скот и землю были подняты в диссертации Ж.Ю. Мансуровой, которая явилась первой попыткой комплексного изучения хозяйства казахов Младшего и Среднего жузов [13].

Поэтому при всей своей научной значимости некоторые историографические исследования, не затрагивающие теоретических проблем кочевничества, остаются за пределами данного обзора [14].

Из этого ряда выбиваются статьи Н. Алимбая, одна из которых написана в соавторстве с Х. Аргынбаевым [15]. Статья написана на излете советской власти, в период перестройки. По мнению авторов, «стремление кочевниковедов определить разнообразные способы принуждения и закабаления непосредственных производителей как формы реализации отношений собственности в кочевой среде, не привело к желаемым результатам». Причиной этого было отсутствие в историографии необходимого уровня глубины и конкретности в «обосновании того, что именно способы, формы и уровни производства, распределения и перераспределения совокупного общественного продукта, базирующиеся на отношениях производства, распределения, обмена и потребления, являются непосредственным функциональным выражением механизма реализации отношений собственности на условия и средства производства». Авторы отметили, что дискуссия относительно отношений собственности у кочевников практически не внесла «ясности в методологию проблемы» [15, с.125].

Очень важно отметить статью Н. Алимбаева об изучении истории Казахстана в советской литературе 20-х - середине 30-х гг. прошлого столетия [16].

Прежде всего, необходимо отметить ту жесткую оценку теоретико - методологических основ советской историографии, которую дал автор, определив их как «вульгарно-материалистический, догматический стиль мышления», как ультраклассово ориентированную идеологию [16, с.74]. Н. Алимбаев подчеркнул «изначальное отрицательное отношение большинства

исследователей к традиционному способу экономической деятельности кочевников, представляющему собой гармоничное сочетание хозяйственного и бытового начал» [16, с.74]. «Для ультраклассово настроенных исследователей» было совершенно неприемлемым вывод о том, что казахское хозяйство можно рассматривать как наиболее приспособленное к определенным естественно-географическим условиям.

Историографию «целой гаммы взаимопротиворечивых концепций о характере отношений собственности на средства производства у кочевников и сущности формационной природы кочевых обществ» проанализировал М. З. Цинман [17]. Он считал, что задачей «теоретической историографии кочевых народов» является выяснить, «какие трудности в области общей теории и методологии собственности» детерминируют этот процесс выдвижения новых «взаимопротиворечивых концепций о характере отношений собственности на средства производства у кочевников» [17, с.7].

А.И. Оразбаева - автор ряда трудов, в которых рассматриваются теоретико-методологические основы кочевой цивилизации казахов, а также проблемы генезиса и эволюции казахской государственности [18-33]. Для нас особый интерес представляет монография А.И. Оразбаевой «Цивилизация кочевников евразийских степей», в которой использовав в качестве теоретико-методологической основы цивилизационный подход, автор впервые в исторической науке Казахстана ввела в научный оборот понятие «цивилизация кочевников евразийских степей» [32]. В данной работе ученый, рассмотрев «соотношение формационного и цивилизационного измерений исторического процесса в изучении номадного общества», показал однобокость догм материалистического восприятия исторического процесса. [32, с.118]. По мнению А.И. Оразбаевой, марксистская методология изжила себя на современном этапе научной мысли и породила «…вопрос замены их новой теорией» [32, с.118]. Автор выделил четыре причинно-следственные характеристики смены методологии: 1. ограниченность материалистического восприятия «истории человечества в целом и истории культуры кочевников в частности»; 2. не учитывалось множество «элементов общества как системы»; 3. невозможность «…выявить историко-философскую сущность многомерного процесса становления культуры кочевников…»; 4. формационная теория «…не могла объяснить многих возникших в новейшее время противоречий», таких как прогресс, регресс, стагнации и тупики и т.д. [32, с.119].

Исходя из перечисленных условий, для исторической науки нужно было найти наиболее подходящую теорию, которая могла раскрыть особенности кочевого общества. По мнению А.И. Оразбаевой, наиболее подходящей «категорией исторического процесса была признана теория цивилизаций [32, с.120]. В результате исследователем была выделена и введена в научный оборот «цивилизация кочевников евразийских степей», в ее основу была заложена «… особая хозяйственно-экономическая деятельность насельников территории Казахстана с древнейших времен» [32, с.73]. Автор выделяет пять вариантов локальных кочевых цивилизаций, различающихся, прежде всего, видовым

составом скота, «подвидами хозяйственной специализации, типами кочевания и степенью развития социальной организации, нормативами и образом жизни» [32, с.73]. По той причине, что в Казахстане существовали различные формы хозяйствования, помимо кочевой, были также полукочевые и полуоседлые хозяйства, которые привели к росту городов и поселений, А.И. Оразбаева считает «целесообразным выделить из евразийского пространства цивилизации кочевников евразийских степей» [32, с.74].

Следует отметить серию историографических статей А.К. Ешмуратова, посвященных феномену собственности в дореволюционной и советской историографии, созданных уже в независимом Казахстане, результатом которых стало специальное исследование об истории изучения института собственности в Казахстане во второй половине XIX – начале XX вв. [34-38].

Появились исследования, в которых изучены взгляды крупнейших казахских ученых С.Е. Толыбекова и Х.А. Аргынбаева [39-41].

Значительный объем исследований посвящен такой узловой проблеме теории и методологии кочевничества, каковой является классификация и последующее типологическое обобщение скотоводческих хозяйств. Но до настоящего времени не существует, ни единой типологической классификации скотоводческих хозяйств, ни единых критериев их выделения, ни унификации понятий и терминов скотоводства, как и историографического обзора по данным проблемам.

Такая же ситуация с проблемой оседания кочевников. Ни наличие солидной литературы по этому вопросу, ни дискуссионность этой темы не стали причиной ее историографического анализа.

Практически нет специальных исследований, посвященных изучению теоретико-методологических основ изучения кочевничества. Можно отметить в этом отношении работы К.Л. Есмагамбетова по зарубежной историографии истории Казахстана, где освещается ряд теоретических конструктов, используемых западными авторами как методологический инструментарий для объяснения феномена кочевничества [42-44]. Кстати, примечателен сам факт эволюции методологических позиций автора относительно зарубежной историографии, который четко иллюстрируется в названиях его трудов: «Действительность и фальсификация: англо-американская историография о Казахстане» в 1976 г. и «Зарубежная историография истории Казахстана (с древнейших времен до начала 90-х гг. XX века)» в 2000г.

В этом отношении более объективна И.В. Ерофеева в статье о влиянии европейского Просвещения на дореволюционную русскую историографию, но для справедливости надо отметить, что она была издана в годы перестройки [45].

Неоднозначное отношение англо-американских авторов к проблеме влияния русской колонизации на кочевое хозяйство казахов показано в докторской диссертации К.Р. Несипбаевой [46].

Обзор основных этнологических концепций, на теоретико-методологической основе которых развивается современная этнология, сделан С.В. Лурье [47].

Отдельные сведения по зарубежной историографии можно найти в работах М.Т. Лаумулина [48-50], и Р. Таштемхановой [51].

Наиболее дискуссионной остается проблема социологической идентификации кочевого общества, она нашла широкое освещение в работах Н.Э Масанова [52], Н.Н. Крадина [53-54], А.М. Хазанова [55], С.А. Васютина [56], П.К. Дашковского [57] и других, которые в своих научных изысканиях попытались обобщить основные подходы в номадологии, дав обзор концептуальных вопросов.

Таким образом, неисследованность всей проблематики теоретико-методологического характера номадизма в историографическом плане, также детерминирует необходимость их специального изучения.

Хронологические рамки диссертации. Конкретно-исторический формат изучения традиционного хозяйства казахов определен XVIII – началом XX вв. Выбор XVIII – начала XX вв. в качестве временных рамок для изучения скотоводства сделан потому, что этот период наиболее обеспечен историческими источниками, которые были использованы в исторических трудах с первой трети XVIII в. до начала XXI в.

Объектом исследования являются научные работы, в которых рассматриваются теоретико-методологические вопросы традиционного хозяйства казахского народа.

Предмет исследования – научные подходы, концепции и точки зрения, имеющиеся в научной литературе с 30-х гг. XVIII века до настоящего времени, которые позволяют проследить историю изучения теоретических проблем ведения кочевого хозяйства, прежде всего, казахского.

Цель исследования – на основе историографического анализа фундаментальной научной литературы по кочевому хозяйству казахов и по кочевничеству вообще проанализировать развитие основных концептуальных подходов, идей и теоретических посылок по важнейщим проблемам традиционного хозяйства казахов в рассматриваемый период.

Задачи исследования:

- выявление спектра теоретико-методологических проблем традиционного хозяйства казахов XVIII – начала XX в. в системе традиционной скотоводческой системы жизнеобеспечения народов Евразии;
- показать процесс формирования научно-методологических основ изучения номадизма в западной общественной мысли XVIII – начала XX вв.;
- анализ научной литературы по теоретико-методологическим проблемам казахского номадизма в зарубежной историографии XIX – XXI вв., выявление этапов и теоретико - методологических основ ее эволюции;
- рассмотрение понятийно-категориального аппарата традиционного скотоводческого хозяйства вообще, и казахов, в частности;

- выяснение вопросов типологии скотоволческого хозяйства в научной литературе (зарубежной, досоветской, советской и постсоветской);
- анализ различных теоретических подходов относительно объекта собственности у кочевников-скотоводов;
- анализ научной литературы XIX-XXI вв. по вопросам трансформации традиционного хозяйства казахов XVIII – начала XX в.

Источниковедческая база научного исследования. Историографический характер исследования в качестве основной источниковой базы, естественно, предполагает анализ теоретических проблем кочевничества в обширном материале мировой литературы, который в зависимости от проблематики и теоретико-методологических основ их изучения можно условно разделить на три временных отрезка:
- первый период начинается в XVIII в. и оканчивается началом XX в.;
- второй период охватывает 20-е - 80-е гг. XX в.,
внутри этого периода ясно прослеживаются два этапа:
20-30-е гг. XX в. и послевоенный;
- третий период: 90-е гг. прошлого века - до настоящего времени.

Из всего комплекса теоретических вопросов кочевничества для анализа отобраны следующие проблемы: понятийный и терминологический аппарат номадологии, проблемы типологии скотоводческих хозяйств, вопросы о наличии собственности у кочевников и трансформации кочевого хозяйства казахов в XVIII – начале XX вв.

Безусловно, следует отметить, что в рамках каждого периода анализируются труды дореволюционных, советских и постсоветских авторов, которые соответственно находят отражение в параграфах каждой главы.

Хотя в трудах древних и средневековых авторов можно найти сведения о кочевниках, все же переломный момент в изучении кочевничества наступает в XVIII - первой половине XIX в.

В этот период европейское Просвещение заложило основы тех философско-исторических и социологических теорий, на фундаменте которых до настоящего времени выстраиваются аналитико-объяснительные конструкции номадизма, их принципы, подходы и методы. Поэтому труды мыслителей этого периода, ставшие теоретико-методологической основой всех исследований номадизма, безусловно, являются одним из самых значительных источников для изучения теоретических проблем кочевничества, если исходить из представления о нем как о системном единстве.

Вторую группу источников представляет большой неоднородный нарратив, созданный дореволюционными русскими авторами.

Прежде всего, это конкретно - исторические исследования дореволюционных русских историков, таких, как П.С. Паллас [58], И.П. Фальк [59], И.Г. Георги [60], Н.П. Рычков [61], Я.П. Гавердовский [62], А.И. Левшин [63], В.В. Радлов [64] и др. Они при написании своих фундаментальных трудов опирались на письменные (архивные, арабо-персидские источники), вещественные источники (археологические), сведения об этногенезе казахов на

основе устных преданий и экспедиции топографического так и этнографического характера [65, с.206].

Большой вклад в исследование расматриваемой нами проблемы дореволюционного периода Казахстана в XIX - начале XX вв. внесли экспедиции Н.П. Рычкова [61], В.В. Радлова [64], Г.Н. Потанина [66], Ф.А. Щербины [67], О.А. Шкапского [68] и других ученых. Было собрано внушительное количество этнографического и исторического материала о номадах Средней Азии и Казахстана.

Ценность этих работ заключается в том, что отмеченные ими особенности ведения хозяйства коренного населения подтверждаются типами хозяйств, которые существовали вплоть до начала XX в. в регионе. Необходимо отметить то, что работы дореволюционного периода для изучения традиционного скотоводства казахов имеют большую историческую и источниковедческую ценность. С.Е. Ажигали оценил высоко научно-познавательное значение дореволюционной историографии 2-ой половины XVIII - начала XX вв. для этнографического изучения казахов - кочевников, так как на сегодняшний день для специалистов полевые исследования с информаторами невозможны, «а сбор историко-этнографических материалов по традиционной культуре в сельской местности уже давно утратил свою тотальную информативность» [69, с.189]. Сведения, собранные со второй трети XVIII - до XIX вв. больше носят описательный характер. В более поздний период, с конца XIX века - до начала XX вв., российские ученые начали анализировать информацию предыдущих авторов и создавали на основе собранного материала свои труды по этнографии и истории кочевого общества. Однако каких-либо концептуальных проблем по скотоводству не наблюдается.

В эту же группу источников входят официальные документы, переписка чиновников, дневники и записки, которые были созданы на основе наблюдений административных чиновников. Царская Россия не могла осуществлять политические и колонизационные меры без изучения казахского общества в целом. Царская администрация для большей осведомленности и всестороннего изучения отправляла в регион различные экспедиции, чиновников русской администрации для сбора информации разного характера, в основном по социально-экономическим отношениям, традициям народа, его культуре, быту, воззрениям и верованиям. Работы данного направления рассматривали современное состояние того или иного региона, который был интересен для правительства в основном их интересовала стратегическая сторона информации, которую можно использовать в интересах Российской империи. Такие исследования практического направления в период колонизации региона, претендовали на чисто прагматичные цели (торгово-экономические и пр.).

Следующим элементом этой второй группы источников являются работы дореволюционных казахских этнографов. Конечно, прежде всего, следует отметить Ч. Валиханова [70], Х.М.-С. Бабаджанова [71], Б. Даулбаева [72], М. Шорманова [73-74], А. Букейханова [75-77], А. Байтурсынова [78], М. Дулатова [79] и других. Практически все исследователи акцентируют внимание на

преобладании в хозяйственной деятельности кочевого скотоводства. Они подробно раскрывают видовой состав животных, способы ухода за ним, использование пастбищ для перекочевки в разное время года и т.п.

Большая часть дореволюционных исследователей XIX – начала XX вв. уделяла внимание изучению земельной собственности у кочевников-казахов, потому что со второй половины XIX в. для русских крестьян особенно остро стал вопрос о земле в связи с земельным кризисом на территории Российской империи.

К началу XX века было накоплено достаточное количество этнографических материалов по истории кочевых народов, которые нуждались в анализе и концептуальном осмыслении. В них кочевые народы преподносились в противопоставлении с оседлыми народами. В трудах не прослеживаются теоретические или какие – либо концептуальные проблемы номадоведения, исследования в основном носили описательный характер, где преобладала констатация фактов.

20-30-гг. XX в. занимают особое место в развитии историографии кочевничества. Дело в том, что в Западной Европе в это время наблюдается методологический плюрализм, разнообразие конкретных концептуальных подходов, осуществленных на основе выше сказанных исторических теорий. Лучшим примером этого положения является дальнейшая разработка цивилизационного подхода к объяснению всемирно-исторического процесса, основы которого были заложены Дж. Вико, развиты впоследствии Н.Я. Данилевским [80] и О. Шпенглером [81]. В 1934 г. был издан известный труд А. Тойнби «Постижение истории», которого считают самым читаемым ученым современности. В этой работе автор отказывается от единой линейной истории развития человечества и находит в ней ряд цивилизаций, которые он противопоставляет примитивным обществам, в том числе кочевым [82].

Другая картина наблюдается в советской России. После победы Октябрьской революции в России продолжали работать дореволюционные историки, стоящие на разных философско-теоретических позициях: Н.Н. Кареев (позитивизм), Д.М. Петрушевский (неоканитанство), Р.Ю. Виппер (второй позитивизм), Н.А. Рожков (экономический материализм) и т.д. Только после окочания гражданской войны большевики перешли в наступление на идеологическом фронте. Речь шла, прежде всего, о характере общественного строя в странах средневекового и нового Востока. К этому времени часть историков разделяла тезисы «о коренной специфике восточного общества, об отсутствии частной собственности на землю, всеобщем равенстве соседских или даже родовых общин, надклассовости государства и т.п.», другая часть описывала их как феодальные [83]. В 1925г. Д.Б. Рязанов отметил, что К. Маркс писал об азиатском способе производства, а в 1927 Дж. Пеппер, представитель компартии США в Китае, опубликовал статью об азиатском способе производства в Китае [83, с.177-178]. Так начались знаменитые дискуссии 20-30 гг., которые окончились утверждением в советской

исторической науке известной формулы о пяти общественно-экономических формациях в истории человечества.

В январе 1933 г. на I Всесоюзном съезде колхозников – ударников из обрисованных С. Дубровским десяти хозяйственных систем И. Сталин в своём выступлении выбрал пять общественно-экономических формаций и тем самым завершил дискуссию 20–30 гг. Эта схема вошла затем в советские учебники по историческому материализму. Речь идёт о пресловутом формационном подходе к истории, которая свела все многообразие истории человечества к способу производства, базису и надстройке, классовой борьбе и т.д., тем самым отныне советская историческая наука, основанная на одной единственной методологической парадигме, на полстолетие обеднила себя.

Параллельно со всесоюзной дискуссией шел спор среди казахстанских историков о сущности социально-экономического развития дореволюционного Казахстана. При этом определились два концептуальных подхода: П. Кушнер [84], Т.Р. Рыскулов [85], А. Лекеров [86], Е. Федоров [87-88], Е. Полочанский [89], В. Соколовский [90] отстаивали теорию родового быта у казахов, а А.П. Чулошников [91-92], Г. Тогжанов [93-94], А. Бернштам [95], С.П. Толстов [96], С.Д. Асфендияров [97], П. Погорельский, В. Батраков [98], – феодальную концепцию исторического развития. Но поскольку феномен западноевропейского феодализма плохо приживался к кочевым обществам, для них стали использовать понятие «кочевой феодализм», авторство которого принадлежало С.П. Толстову и Б.Я. Владимирцову [99-100].

Казахстанские ученые твердо стояли на позициях «пятичленки», не выражая никаких сомнений в научности концепции В.В. Струве, никоим образом не поддерживали в новой дискуссии 50-80 - х гг. сторонников отказа от «пятичленной формулы» и введения новой периодизации всемирной истории. Так, философ Д. Кшибеков в начале 70 - х гг. критиковал сторонников существования как «азиатской», так и «смешанной» формации [101]. Что касается историков, не сомневавшихся в концепции существования феодальных отношений в дореволюционном Казахстане, то им было необходимо лишь найти экономическую основу феодализма, что стало причиной острой дискуссии о наличии в Казахстане собственности на скот и на землю, как в научной литературе, так и на Ташкентской научной сессии.

Наконец, четвертый период изучения казахского кочевого скотоводства, наступивший после зкономического, политического и идеологического краха Советского Союза, когда ученым бывшего СССР в новых условиях постсоветских государств предстояло отказаться от идеологического диктата советского марксизма и начать поиски новых методологических подходов, которые привели одних казахстанских историков к провозглашению методологической основой отечественной исторической науки цивилизационой теории, а других - теории модернизации. Обе эти концепции имеют серьезные методологические ограничения, вызванные их слабыми сторонами. Тем временем в западной науке стали популярными неоэволюционизм и многолинейные подходы, чем теория модернизации.

Современным мощным теоретическим направлением считается мир-системный подход, у истоков которого стоял Ф. Бродель, далее развитый И. Валлерстайном. Этот подход представляет «методологический синтез между стадиалистскими интерпретациями истории и видением истории как совокупности различных крупных локальных систем» [102, с. 78].

Особое внимание в 50-е гг. ученые уделяли проблеме собственности у кочевников. Объяснялось это тем, что, приняв феодальную интерпретацию кочевых обществ, необходимо было ее обосновать, установив частную собственность на землю, аналогичную европейскому феодальному способу производства.

С 50- х гг. как в советской, так и зарубежной историографии, можно проследить постоянное внимание к теоретическим проблемам номадизма, а именно к ее категориальному аппарату, к проблемам генезиса кочевничества, собственности у кочевников, их седентаризации, классификации кочевых хозяйств и т.д. Автор диссертации не ограничивается работами казахстанских историков, широко привлекая к анализу труды других советских исследователей, которых объединяла единая марксистская методология. Знаменательный поворот в постановке теоретических проблем кочевничества совершился в 80-е гг., когда впервые одновременно были поставлены вопросы, с одной стороны, о понятиях и терминах номадизма, и с другой стороны, о типологии скотоводческих хозяйств.

В этот период советские ученые стали активно изучать кочевничество в разных регионах Советского Союза: С.Е. Толыбеков [103-104], В.Ф Шахматов [105], С.З. Зиманов [106-107], А.Е. Еренов [108-109] и др. (Казахстан), Б.Х. Кармышева (Узбекистан) [110-111] и, С.М. Абрамзон (Киргизия) [112-116], В.М. Шамиладзе (Грузия) [117-118], С.М. Мкртумян (Армения) [119-122], С.И. Вайнштейн (Тува) [123-128] и т.д. Авторы этих исследований, тщательно изучив формы ведения скотоводства, а именно характер годичного цикла за уходом, территориальное расположение основных поселений и сезонных пастбищ, формы эксплуатации пастбищ, особенности заготовки корма и кормление животных, перешли к классификации скотоводческих хозяйств по типам жилища, по продолжительности и направленности кочевания, по видовому составу скота, по характеру хозяйственных занятий. Тогда перед советскими этнографами ставится задача создания типологического обобщения скотоводческих хозяйств.

Еще одной теоретической проблемой, активно поднимаемой в советской историографии в этот период, стал вопрос о трансформации традиционного хозяйства казахов в течение длительного периода, начиная с середины XIX в. и начала XX в. Она исследовалась М. Тынышпаевым [129], С.П. Швецовым [130], Н.Н. Мацкевичем [131], М.Г. Сириусом [132], А.Н. Челинцевым [133], А.Н. Бернштамом [95], Е.Б. Турсунбаевым [134-137], Х.А. Аргынбаевым [138], И.Ф. Макаровым [139], М.Х. Асылбековым [140], Е.Е. Тажибаевым [141], В.Ф. Сундетовым [142], Б.С. Сулейменовым, В.Я. Басиным [143], Т.Ж. Шоинбаевым [144] и другими.

Ощутимый вклад в концептуальную разработку хозяйственно-культурных типов внесли известные ученые С.П. Толстов [96, 145], А.М. Золотарев [146], М.Г. Левин [147-149], Н.Н. Чебоксаров, [148; 150], Т.А. Жданко [151-152], С.И. Руденко [153], Я.В. Чеснов [154-155], С.А. Арутюнов, А.М. Хазанов [156], Г.Е. Марков [157], Б.В. Андрианов [158-159], Э.Л. Мелконян [160], С.И. Вайнштейн [123-125], К.П. Калиновская [161], Б.Х. Кармышева [110-111], М.-З.О. Османов [162-165] и др.

Труды таких известных ученых, как Р. Капо-Рей и Г. Бёш, позволяют проследить идейно-теоретические позиции западного кочевниковедения [166-167]. Западная историография по казахам-кочевникам представлена работами М. Олкотт [168-170], В. Мартин [171-172], С. Сэбола [173], Р. Роттьера [174-175], Р. Киндлера и других [176-177]. М. Олкотт, опираясь на усовершенствованную теорию модернизации, рассматривает осознанную трансформацию традиционного кочевого общества под влиянием царской России и внешних факторов. Современная цивилизационная теория обоснована в широко известной книге С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» [178].

Новизна диссертационного исследования. В работе предпринята попытка анализа теоретическо-методологических проблем традиционного хозяйства казахов XVIII – начала XX вв. и его трансформации. До настоящего времени история изучения концептуальных проблем традиционного скотоводческого хозяйства XVIII – начала XX вв. не являлась предметом специального исследования.

В диссертации предпринята попытка историографического анализа существующих концепций традиционного хозяйства казахов - кочевников XVIII – начале XX вв.:

- был сделан анализ теоретико-методологических основ традиционного хозяйства, и предпринята попытка анализа понятийно-категориального аппарата, а также типологизации скотоводства;

- проанализированы взгляды ученых-кочевниковедов по дискуссионным проблемам собственности;

- проанализированы труды по проблеме трансформации кочевого скотоводства;

- показаны последствия политики России на процесс оседания казахов в конце XIX – начале XX вв.

В диссертации последовательно, в хронологическом порядке и комплексно рассматривается историография по этим важнейшим теоретическим проблемам кочевого хозяйства, которые на протяжении длительного времени остаются дискуссионными.

Научно-практическая значимость исследования заключается в возможности использования теоретико-концептуальных проблем по традиционному хозяйству казахов не только этнологами и историками, но специалистами смежных дисциплин. Итоги и результаты научной работы могут быть использованы для выработки общих концептуальных проблем не только

по этнологии кочевников - казахов, но и для дальнейших разработок теоретических проблем, связанных со специфичностью ведения скотоводческого хозяйства кочевых народов мира. Выводы диссертационного исследования могут быть использованы при проведении научных изысканий, при разработке лекционных курсов по истории и этнографии Казахстана для студентов вузов. Исторический опыт изучения традиционного скотоводства казахов может быть применен в процессе модернизации скотоводческой отрасли в экономике современного Казахстана.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Дореволюционный период можно поделить на два этапа: первый этап со второй половины XVIII - до середины XIX вв. шел процесс накопления материала по этнографии казахов-кочевников, работы в этот временной отрезок носили описательный характер; второй этап с середины XIX – до начала XX века (1917 г.) для него характерен анализ работ предшественников и научно-обоснованное освещение традиционного хозяйства казахов с попыткой теоретизирования.

2. В советский период, с 1917 года и практически до 30-х гг. XX в. существовала определенная преемственность с дореволюционной историографией и ее подходами. После дискуссий второй половины 20-х гг. и выхода в свет «Краткого курса ВКП(б)» окончательно утвердилась марксистская методология с характерной для нее «пятичленкой». Советским историкам была поставлена задача на основе марксистской модели развития общества определить формационную принадлежность кочевых народов Средней Азии и Казахстана. Работы советского периода отличаются своеобразной материалистической методологией освещения концептуальных проблем кочевого общества.

3. В современный период (90-х гг. XX в. – до начала XXI вв.) в методологическом плане нет ограничений как в советское время, хотя продолжает существовать некая преемственность с советской историографией.

4. В центр своих исследований историки номадизма поставили такие теоретические проблемы, как генезис скотоводства, классификация и типология кочевничества, государственность, общинно-родовые отношения в кочевом обществе (специфическая социальная структура), традиционное хозяйство и другие. Кочевниковеды поднимают большой объем теоретико-методологических проблем при изучении кочевых обществ, как в обобщающих трудах, так и регионально-географических.

5. Этнография как самостоятельная наука сложилась во второй половине XIX в., и ее теоретико-методологические основания, как и всех исторических дисциплин, сформировались под воздействием идей эпохи Европейского Просвещения и классической немецкой философии, идеалом которых не повествовательная, а научная история, которая исходила бы из идеи всеобщего прогресса и единства человечества, стремилась объяснить все происходящее в истории, старалась свести воедино отдельные эмпирические факты, создав единую причинно-следственную цепь и выявить основные

движущие силы исторического процесса. Только в середине XIX в. на основе методологических положений, выработанных европейскими просветителями, была сформирована первая собственно этнологическая теория – эволюционизм, а также возникли такие теоретические конструкты, наиболее часто применяемые при интерпретации кочевого хозяйства, как географический детерминизм, поссибилизм, цивилизационная концепция, неоэволюционизм и т.д.

6. Зарубежная историография отмечена наличием специальных трудов, посвященных изучению традиционного хозяйства казахов и трансформационных процессов, происходивших в XIX – начале XX вв., которые характеризует плюрализм методологических подходов, среди которых особенно следует отметить неоэволюцинизм, как этнографическую теорию, исключавшую идею однолинейного поступательного развития человечества. Обширный материал историографии, в зависимости от ее проблематики и теоретико-методологических основ ее изучения, можно условно разделить на три временных отрезка: первый период (XVIII в. - начало XX в., второй период (20-е - 80-е гг. XX в.), третий период (90-е гг. прошлого века - до настоящего времени).

7. Теоретическая зрелость любой науки определяется качеством разработки ее понятийно-категориального аппарата. Большинство ученых согласны с тем, что традиционной хозяйственной деятельностью казахов было скотоводство (кочевое, полукочевое (полуоседлое), оседлое), казахи вели традиционный образ жизни, в связи с вынужденной адаптацией к окружающей среде. Хотя традиционное хозяйство и связанные с ним понятия не унифицированы и поэтому, оставаясь важнейшей теоретико - методологической проблемой номадизма, подлежат дальнейшей разработке.

8. В историографии отсутствует единое мнение относительно как типологии скотоводческого хозяйства у разных кочевых народов, расселенных в разных ландшафтно-географических регионах мира, так и основных критериев определения типов (форм, систем). Разработка типологии скотоводческого хозяйства в научной литературе до сих пор остается дискуссионной проблемой, хотя отечественные исследователи традиционно единодушно разделяют классификацию в которой представлено три типа скотоводства: кочевой, полукочевой (полуоседлый) и оседлый.

9. В дореволюционной русской литературе большинство исследователей описывало родовую собственность на скот, другие отмечали в своих работах отсутствие собственности на землю, другие писали о существовании у казахов общинно-родовой собственности на землю.

В советской историографии к кочевому обществу была применена феодальная концепция исторического развития, которая в большей мере подходила к оседлым земледельцам. Большинство ученых считали, что основой производственных отношений у кочевых народов является частная собственность на землю, хотя другие в качестве основы феодальных отношений у кочевых народов предлагали скот. Но чтобы не встал вопрос о существовании

у них особой общественно-экономической формации, последние специфику феодализма в Казахстане стали определять, как патриархально-феодальные отношения: феодальные отношения в Казахстане развивались на основе общих закономерностей, но в условиях кочевого хозяйства существовала своеобразная форма присвоения земли (пастбища). Это было феодальное право распоряжения кочевьями, которое по существу являлось правом собственности на землю хана, султанов и других феодалов.

В результате классический феодализм, разработанный учеными-марксистами, искусственно был применен для кочевников, что привело к дискуссиям и тупику. Кочевые народы предлагали рассматривать как специфичную и отдельную общность, отношения в которой строятся на основе кочевого ведения хозяйства (номадный способ производства).

Современные исследователи выделяют три составляющие традиционного хозяйства номадов: пастбища, водные источники и скот. Исходя из анализа научной литературы наиболее рационально считать, что земля у казахов-кочевников находилась в общинной собственности, и не могла принадлежать кому-то единолично, в связи с спецификой кочевой хозяйственной деятельности. Относительно собственности на скот, наиболее логично считать собственностью семьи (рода). Водные источники в зависимости от природно-климатических условий подразделяют на водоемы искусственные (колодцы) в аридной зоне и естественные. В первом случае преимущественно колодцами пользовались кочевники, которые применили труд и выкопали их, а во втором те, кто занял первым пастбища кочуя на определенной территории.

10. Одной из актуальных проблем в истории кочевниковедения является переход номадов к полуоседлости, трансформация их жизни, быта и общественно-экономических отношений. Существует несколько концептуальных подхода к проблеме процесса перехода к оседлости: поссибилистский и геодетерминистский, эволюционный и цивилизационный. Ученые по-разному оценивают процесс перехода к оседлости, учитывая все факторы: эффективность, прогрессивность и рациональность перехода и его последствия. На современном этапе существует несколько точек зрений по поводу влияния колонизации на кочевое хозяйство казахов: одни считают, что никаких значимых изменений не произошло, по мнению других ученых, трансформация была проведена в крупных масштабах и имела негативные последствия. Проблема трансформации кочевого скотоводства наиболее ясно прослеживается с середины XIX - начала XX вв. и продолжает оставаться актуальной, которую нужно исследовать на основе современных подходов без предвзятости и идеологического давления.

Методология исследования, построена на научных принципах историзма и объективности познания, исключая при этом марксистский принцип партийности исторической науки.

Кроме того, методологическим и методическим инструментарием выступает, как в любом научном исследовании, весь аппарат аристотелевской формальной логики: анализ и синтез, индукцию и дедукцию, обобщение,

аналогию и т.д. [179]. В работе использованы также современные методы исследования, как, например, системный подход, позволяющий восстановить общие черты кочевого скотоводческого хозяйства в его целостности, а компаративистские, сравнительно-исторические и сопоставительные методы дают возможность выяснить специфику скотоводства казахов по сравнению с номадной экономикой других обществ евразийских степей.

Любое этнографическое исследование невозможно «без группировки изучаемых явлений и отнесения каждого нового объекта, входящего в поле зрения исследователя, к той или иной группе объектов», т.е. без обращения к типологическому обобщению [180, с.3]. Поэтому в диссертационном исследовании была использована таксономия - общая теория классификации и систематизации сложных объектов, каковыми в нашем случае выступают скотоводческие хозяйства. Классификация должна представлять иерархическую систему, основанную на общих критериях классификации, которые могут быть применены к скотоводческим хозяйствам разных стран.

Апробация исследования. Диссертация была выполнена на кафедре археологии, этнологии и музеологии Казахского национального университета имени аль-Фараби. Основные положения диссертации были апробированы в пяти научных докладах и тезисах выступлений на международных конференциях, проходивших в городах Алматы и Москве в 2014-2016 годах. По теме и материалам диссертации опубликовано 4 научных статей на русском и английском языках, в которых получили отражение основные результаты исследования: одна публикация, входящая в базу Scopus, три публикации входят в журналы, рекомендованные Комитетом по контролю в сфере образования и науки Министерства и науки Республики Казахстан.

Диссертация прошла обсуждение и была рекомендована к защите на заседании кафедры археологии, этнологии и музеологии Казахского Национального университета имени аль-Фараби.

Структура диссертационной работы состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА НОМАДОВ (КАЗАХОВ-КОЧЕВНИКОВ) XVIII - НАЧАЛА XX ВВ. В ИСТОРИОГРАФИИ

1.1 Традиционное хозяйство номадов (казахов-кочевников) и проблема понятийно-категориального инструментария

Как известно, теория - это система обобщенного, достоверного знания, которая истолковывает и объясняет область исследования, давая ему концептуальное обеспечение и разрабатывая его терминологию.

Структурными элементами теории являются понятия, принципы, законы, аксиомы. Поскольку понятия отражают предмет в его существенных признаках, они выступают одним из исходных оснований любой теории, так как теоретическое осмысление исторических явлений и событий осуществляется, прежде всего, благодаря понятиям. Известный советский этнограф Ю.В. Бромлей отмечал, что «представляя собой обобщённый результат познания действительности, существенных свойств, связей и отношений предметов и явлений, понятия, фиксированные в терминах, выступают важнейшим инструментом научного исследования» [181, с. 69].

Чтобы теория адекватным образом отражала историческую реальность, она должна основываться на идеальном понятийном аппарате. Языковым выражением понятия является термин, который должен быть точным обозначением определенного понятия, иметь однозначное содержание и объем. Теоретическая система должна быть внутренне непротиворечивой, это является наиболее важнейшим критерием ее научности. Поэтому термин не может иметь синонимы, он не должен быть многозначным, нельзя одним термином называть различные явления, различными терминами одно и то же явление. Поскольку понятие, фиксированное в термине – важный инструмент любого научного исследования, разработка понятийно-терминологического аппарата является необходимым показателем методологической зрелости любой науки.

Ю.В. Бромлей отмечал, что «трактовка содержания многих этнографических терминов до сих пор вызывает расхождения между специалистами». Исходя из того, что «в любой теоретической системе важнейшая роль принадлежит ее понятиям, составляющим как бы опорные узлы этой системы, представляется необходимым ... уделить особое внимание понятийно-терминологическому аппарату», он считал необходимым уточнение и унификацию этнографических понятий, а иногда и введение новых терминов [182, с.7].

Ученые единодушны в понимании того, что научная теория предполагает наличие четко разработанного категориального аппарата, выраженного в терминах, имеющих одно единственное значение. По мнению Г.Е. Маркова, «дело обстоит особенно неблагополучно» в терминологии скотоводства и кочевничества. «Достаточно сказать, что отсутствуют общепринятая классификация типов и видов скотоводства и соответствующие дефиниции.

Неодинаково понимаются и обозначаются одни и те же виды и формы хозяйственной и социальной жизни скотоводов. Большая часть терминов трактуется авторами различно, и одним термином обозначают разные явления» [183, с.83]. Поэтому своей статьей «Скотоводческое хозяйство. Дефиниции и терминология» Г.Е. Марков в 1981г. инициировал на страницах журнала «Советская этнография» дискуссию, в которой приняли участие советские исследователи Г.Е. Марков, И.Ю. Семенов, Б.В. Андрианов, Г.Н. Симаков, В.М. Шамиладзе. Предметом дискуссии стали такие термины, как скотоводство, «кочевничество», «кочевое хозяйство», «полукочевое скотоводство», «полуоседлое скотоводство», «оседлое скотоводство», типы, виды и формы скотоводства и др.

Традиционное хозяйство казахов как предмет исследования также имеет свою совокупность представлений, взглядов, обобщенных положений, понятий, законов и принципов, которая создает целостное представление о его сущности, закономерности, структуре и развитии.

Прежде всего, необходимо остановиться на дефиниции «традиционное хозяйство», которое состоит из двух элементов: ключевого слова «хозяйство» и его определения «традиционное».

Термин «хозяйство» многозначен, но в данном случае идет речь об исторически сложившейся в определенных территориальных границах системе общественного производства для обеспечения человека и общества необходимыми средствами для существования и развития.

Что касается термина «традиция», то он также многозначен, в нашем случае он обозначает «элементы социального и культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в определенных обществах и социальных группах в течение длительного времени» [184, с. 239].

Следовательно, семантически традиционное хозяйство - это хозяйство с традиционными устоями, сохранившее и сохраняющее набор хозяйственных традиций, знаний, методов и приемов ведения хозяйства, исторически сложившийся привычный уклад жизни. Сегодня понятие «традиционное хозяйство» выступает как элемент системы традиционного общества, которое само регулируется традицией, что, несомненно, является его самой качественной характеристикой. В системе традиционного общества хозяйство составляет экономическую составляющую его жизни.

Само понятие «традиционное общество» связывают с историей племен, этносов, народов и цивилизаций, которые в результате великих географических открытий столкнулись с европейцами и которых относят к аграрным, доиндустриальным обществам, тем самым противопоставляя их обществам современным, индустриальным. Отсюда и происходит тот оттенок архаичности, отсталости, неизменности, противостояния новациям, прогрессу, с которым воспринимается традиционное общество. Но ведь и традиция, и традиционность занимают определенное место в духовной и материальной жизни и современного общества, обеспечивая и его прогрессивное эволюционное развитие.

Специфика традиционного хозяйства объективно обусловлена теми природными условиями, в рамках которых оно существует, в нем явно присутствует тесная взаимосвязь производственного фактора и природных условий. Конечно, в любом обществе человек связан с природой, так как она дает необходимые ему ресурсы, но человек традиционного общества полностью зависим от природы. Так, традиционной хозяйственной деятельностью казахов было кочевое скотоводство (кочевничество, номадизм), они вели кочевой, традиционный для них образ жизни, потому что были вынуждены приспосабливаться к окружающей среде, жить в унисон с природой, поскольку номады напрямую были зависимы от нее (джут, падеж скота, бескормица и т.д.)

«Эта зависимость, - пишет российский этнограф А.М. Курышов, - выражается в приспособлении хозяйства к природным условиям, т.е., в конечном итоге, в формировании оптимального для данных условий способа природопользования, метода изъятия у природы необходимых для поддержания жизни ресурсов» [185, С.47]. «Способ хозяйственной деятельности,- продолжает он, - таким образом, является, прежде всего, способом природопользования. Общество приспосабливается к природным условиям, а не приспосабливает природу под себя. Хозяйственная деятельность обусловлена природной целесообразностью и имеет объективный характер, т.е. не зависит от общества в целом или отдельных его членов. ... Прерывание связей с природой, приобретение «автономии от нее знаменуют начало краха традиционного хозяйства» [185, С.48].

Эту позицию могут разделить большинство исследователей, у которых имеется целый список признаков традиционного хозяйства, среди которых они считают значимыми, например, стагнацию его хозяйственной жизни и скудость его форм. Но А.М. Курышов предлагает отбросить эти явления при определении традиционного хозяйства, хотя и не отрицает их связь. Он не приемлет представления традиционного хозяйства как некоего набора хозяйственных традиций, которые предстают как совокупность традиционных методов, приемов и обычаев. Он рассматривает традиционное хозяйство как систему, которая предполагает наличие «интегративного начала и системообразующего фактора» [185, С.43].

Его интересуют существенные признаки традиционного общества, т.е. те признаки, без которых оно не может существовать, а не те, которые имеют место быть, но не являются системообразующими. Поэтому обусловленность хозяйственной деятельности в традиционном обществе природной целесообразностью, которая широко известна и подчеркнута всеми исследователями, А.М. Курышов считает первым и главным признаком традиционного общества.

Концепция традиционного хозяйства, содержащая его определение и признаки, так тщательно, а самое главное, убедительно разработана А.М. Курышовым, что не имеет смысла ее пересказывать, поэтому будут даны прямые цитаты.

Вторым признаком традиционного хозяйства этнограф считает натуральный характер хозяйства, который отмечается всеми исследователями традиционного хозяйства. «Хозяйственная деятельность, поставленная в зависимость от природных условий, оптимально подходящая для них, позволяет все необходимое для жизни добывать или производить, не прибегая к обмену. Это не означает, что обмена нет как такового, но он не является, ни основным способом распределения благ, ни главной формой существования экономических отношений. Приоритет натурального хозяйствования не обусловлен каким – либо способом природопользования, он в равной степени присущ и охотникам, и скотоводам, и земледельцам, и зависит от наличия или отсутствия излишков, а также востребованности этих излишков» [185, С.48].

Третий признак традиционного хозяйства у А.М. Курышова вытекает из его бережного отношения к природе, из понимания необходимости разумного использования природных ресурсов, поскольку они должны обеспечивать будущее этого общества. «Это своего рода четкий экономический расчет, конечная цель которого – физическое охранение народа (группы, рода семьи). Нарушение этого расчета может быть инициировано только внешними факторами, например, влиянием соседних народов. Наличие природоохранных, экологических традиций является третьим признаком традиционного хозяйства. Экологические традиции обуславливают целеполагание экономической деятельности» [185, с. 49].

Целью традиционного хозяйства является не потребление благ, а удовлетворение насущных потребностей. Но когда «появляется потребность в потреблении благ, не связанная напрямую с жизнеобеспечением», начинается отход от традиционного хозяйства, проявляющийся в приоритете личных интересов над интересами общественными и потере родом или общиной контроля над экономической активностью человека [185, с.49-50]. Поэтому неотъемлемым признаком традиционного хозяйства является примат общественных интересов. «Этот контроль может осуществляться посредством перераспределения продуктов потребления, регламентации хозяйственной жизни, общественной собственности на средства производства или общественного пользования ими» [185, с.50].

Таким образом, существенными признаками традиционного хозяйства, признаками, без наличия которых оно перестает им быть, являются:

«- прямая зависимость преобладающих способов хозяйственной деятельности от конкретных природных условий;

- натуральный характер хозяйственной деятельности;

- наличие комплекса экологических традиций;

- обеспечение минимума благ, необходимых для воспроизводства населения как цель хозяйственной деятельности;

- контроль общества над хозяйственной деятельностью при признании приоритета общественных интересов над индивидуальными» [185, с.50].

Уже отмечалось, что автор рассматривает традиционное хозяйство как систему. По мнению автора, система традиционного хозяйства состоит из

элементов, которые представлены хозяйственными традициями, т.е. способами, приемами и правилами получения материальных благ. Но как подчеркивает автор, «Сами по себе эти способы, приемы и правила не могут характеризовать традиционное хозяйство, поскольку любая экономическая система, в том числе и современная, имеет свои традиции...». Характеризуют традиционное хозяйство вышеназванные признаки, которые определяют эти хозяйственные традиции и «связаны между собой и в совокупности составляют систему внутренних связей системы традиционного хозяйства». «Только тесная связь этих признаков обеспечивает устойчивость хозяйственных традиций, воспринимаемых людьми априорно, как данность» [185, с.51]. Автор подчеркивает, что эти признаки характеризуют традиционное хозяйство любого народа (группы, этноса).

Для А.М. Курышова неприемлемо представление о застойности традиционного хозяйства, его неспособности к развитию. Он утверждает: «Система традиционного хозяйства обнаруживает поразительную гибкость и способность к прогрессивным изменениям именно потому, что она обусловлена самой природой и естественной необходимостью». Но духовная власть обычаев и традиций, сохранение которых нивелирует влияние роста производительности труда, усложнение родоплеменных отношений, возникновение институциализированного сознания, оказывается бессильной перед внешними влияниями, пробуждающими меркантильные устремления индивидов. В таком случае система распадается» [185, с.50-51].

В итоге, по А.М. Курышову, традиционное хозяйство: «это совокупность хозяйственных феноменов, представляющих собой целостную самоорганизующуюся систему, фактором образования которой является способ природопользования» [185, с.55].

Н.Э. Масанов, характеризуя традиционное хозяйство казахов, также определил его как «целостную систему взаимодействия и взаимодополнения различных видов производственной деятельности, но жизнедеятельность, которой детерминировалась ведущей отраслью хозяйства – кочевым скотоводством» [52, с. 295].

Конечно, определение традиционного хозяйства Н.Э. Масановым, по сравнению с А.М. Курышовым, является более узким. Это вполне объяснимо потому, что для Н.Э. Масанова теоретические аспекты этой проблемы не были доминирующими в его исследовании.

Дореволюционными и советскими исследователями был проделан большой пласт работы по изучению истории и политики кочевых народов. Однако следует отметить, что ученые уделяли мало внимания теоретическим проблемам типологии, классификации кочевого скотоводства и сравнительного анализа с другими видами хозяйства. В результате планомерного изучения теоретико-методологических и общих проблем социально-экономической истории скотоводов ученые осознали важность более подробной классификации скотоводческого хозяйства, отсутствие которой приводило к

неточностям в терминологии и к путанице в типологии скотоводческого хозяйства

Прежде всего, о термине «кочевники - номады». Зачастую этот термин применяют ко всему неоседлому, подвижному населению. Не только в бытовом сознании, но и в этнографической литературе образ жизни кочевников воспринимался как бродяжничество. Например, знаменитый словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона, в конце XIX в. определял номадов как «кочевые, бродячие племена», противопоставляя их оседлым, земледельцам. Еще в 1934 Д. Форд писал, что номадизм должен ассоциироваться только с пастушеской жизнью, одновременно вводя термин «собиратели» [159, С. 43].

Но и в XX в. такое представление о кочевниках продолжало существовать. Так, Р. Капо-Рей пишет в 1953 г., что «Кочевниками называют людей, которые перемещаются круглый год в поисках пищи для себя или своего стада. ... Жизнь кочевника - это постоянное перемещение» [166, с.192]. Первой формой кочевой жизни он называет охоту и сбор диких плодов, далее он перечисляет кочевников рыболовов, кочевников скотоводов, участие кочевников в караванной торговле [166, с.192 – 197]. Ю.В. Маретин называет номадами собирателей и охотников восточной Суматры [180, с.41]. Ю.П. Аверкиева – конных охотников на бизонов, де Планоль австралийских аборигенов, а Ли и Ди Во – всех охотников и собирателей [55, с.83]. Таким образом, кочевник представал как «бродячий», а его образ жизни был противопоставлен оседлости.

Поэтому Ю.И. Семенов заявил, что «необходимо остановиться на терминологии. Дело в том, что понятия «оседлость» и «бродяжничество» не имеют четко определенного содержания. Разные авторы вкладывают в них далеко не одинаковый смысл ... между полной оседлостью и полностью бродячим образом жизни существует масса переходных форм, которые по-разному оцениваются различными исследователями. Мало помогает и употребление терминов «полуоседлый», «полубродячий», ибо каждый из них опять-таки не имеет четко очерченного содержания» [186, с. 56].

Что касается производного от слов «кочевники» – «номады» понятия «кочевничество» - «номадизм», то оно интерпретировалось соответственно пониманию основного термина. В «Большой советской энциклопедии», изданной в 1953 г., кочевничество представлено как «*образ жизни* (выделено авт.) различных народов земного шара, возникающий при первом общественном разделении труда и связанный с их производственной деятельностью. Близки к кочеванию также некоторые формы хозяйственной жизни более ранних этапов общественного развития, при господстве *собирательства, рыболовства и охоты.* Индейцы прерий, например, большую часть года кочевали вслед за стадами бизонов, охота на которых являлась главным источником их существования. ... Наиболее типичны формы кочевничества в скотоводческом хозяйстве» [187, с.170 - 171]. Таким образом, главным признаком кочевничества здесь выступал кочевой образ жизни,

правда, при этом признавалось, что этот образ жизни был определен их производственной деятельностью.

Как известно, в Советском Союзе энциклопедические статьи считались каноническими, их авторами были наиболее известные ученые. В 60 -70-е гг. автором статьи о кочевничестве стал Г.Е. Марков. Сначала в 1965 г. в Советской исторической энциклопедии, а затем в 1973 г. в Большой советской энциклопедии он предложил принципиально новый подход, согласно которому кочевой образ жизни являлся следствием хозяйственной деятельности кочевника. Вот его определение кочевничества: кочевничество, номадизм - это «*особая форма хозяйственной деятельности* (выделено авт.) и связанного с ней образа жизни. Термин «кочевничество» в основном применяется к образу жизни скотоводов аридной (засушливой) зоны, но иногда употребляется и по отношению к более архаичным ХКТ бродячих охотников и собирателей … Скотоводство, составляющее основное занятие кочевников и полукочевников, сочеталось с другими видами занятий: земледелием, торговлей, охотой. Нередко часть того или иного племени кочевала, а часть была оседлой» [188; 189, с. 298]

Итак, Г.Е. Марков не воспринимает кочевничество как бродяжничество, наоборот, определяет его как *особую форму хозяйственной деятельности,* а кочевой образ их жизни является следствием этой деятельности. Немаловажным признаком кочевничества, является, по его мнению, что, помимо скотоводства, люди заняты другими видами хозяйственной деятельности, тем самым он допускал земледельческие занятия у кочевников.

Этот подход к кочевничеству можно увидеть у А.М. Хазанова, который заявил, что кочевничество «особый род производящего хозяйства, при котором преобладающим занятием является экстенсивное подвижное скотоводство, а большая часть населения вовлечена в периодические перекочевки» [190, с.6]. Это отнесение кочевников к производящему хозяйству абсолютно исключало для охотников и собирателей, занятых присваивающим хозяйством, возможность их включения в сообщество номадов. Для А.М. Хазанова положение о номадизме как особом виде производящей экономики было принципиально важным.

В отличие от Г.Е. Маркова, который просто констатировал употребление в литературе термина «кочевничество» и по отношению к более архаичным бродячим охотникам и собирателям, А.М. Хазанов в своей монографии «Кочевники и внешний мир» снова заявил о принципиальной невозможности объединения охотников и собирателей, с одной стороны, и подвижных скотоводов, с другой, под общим наименованием «номады» потому, что первые ведут присваивающее хозяйство, вторые – производящее. А.М. Хазанов считал, что термины «кочевники» – «номады» неприменимы к тем, кто ведет хоть и подвижный, но присваивающий образ жизни, как, например, охотники и собиратели. Их он предлагал назвать «бродячими». Термин «кочевые», по его мнению, необходимо закрепить за подвижными экстенсивными скотоводами, хозяйство которых носит производящий характер.

Вместе с тем он не принимал слишком широкого и неопределенного употребления термина «номады», если понимать под ними любых подвижных скотоводов. По его мнению, кочевое скотоводство «с хозяйственной стороны можно определить, как особый вид производящей экономики, при котором преобладающим занятием является экстенсивное подвижное скотоводство, а большая часть населения вовлечена в периодические кочевки» [55, с. 85]. Поскольку с точки зрения автора, скотоводство имеет разнообразные формы, поэтому А.М. Хазанов формулирует конкретные особенности именно кочевого скотоводства.

Они следующие: «1) скотоводство как преобладающий вид хозяйственной деятельности; 2) его экстенсивный характер с круглогодичным внестойловым содержанием скота на подножном корму; 3) периодическая подвижность в пределах пастбищных территорий или между ними (в отличие от миграций); 4) участие в перекочевках всего или большей части населения (в отличие от пастушеского или отгонно-пастбищного скотоводства); 5) натуральный, т.е. направленный в первую очередь на удовлетворение непосредственных нужд характер экономики...». Последний признак, по мнению автора, уже не применим, или частично применим к некоторым группам современных кочевых скотоводов, хотя в более раннее время был характерным для кочевых скотоводов [55, с. 84-85].

Г.Е. Марков также подчеркивал, что в основе кочевого скотоводства заложено экстенсивное разведение животных, являющееся главным источником занятий кочевого населения и средством жизнедеятельности, [183, с. 84], а также производящий характер экономики номадизма, но для него со временем принципиально важным стало то, что понятие «кочевничество» «предполагает не только хозяйственную, но и *социальную характеристику* (выделено авт.)» [183, с. 84]. Для Г.Е. Маркова «кочевничество – значительное историческое явление, сущность которого заключается не просто в способе ведения хозяйства, а прежде всего в наличии специфического комплекса социально-экономических отношений, племенной общественной организации, политической структуры» [183, с. 86]. Номадизм имеет характерную для него социально-экономическую систему и специфичную общинно - племенную структуру.

Г.Е. Марков считал неудовлетворительным определение кочевничества, данное В.М. Шамиладзе, согласно которому «основными характерными особенностями номадизма признан кочевой образ жизни населения и ведение им соответствующей формы хозяйства, которое исключало ведение других отраслей хозяйства в условиях оседлости» [117, с. 47]. Как видно, В.М. Шамиладзе, считал кочевой образ жизни главной характеристикой номадизма, совершенно отрицая, в противоположность Г.Е. Маркову, ведение кочевниками «других отраслей хозяйства в условиях оседлости». По мнению Г.Е. Маркова, данное определение В.М. Шамиладзе можно отнести к горному скотоводству, которое он принимает за «кочевое». У Г.Е. Маркова несколько претензий к определению кочевничества В.М. Шамиладзе, но главным выступает

отсутствие «характеристики социальных отношений и социальной структуры групп населения, определяемых как «кочевники» [183, с. 93].

А.М. Хазанов также отмечает, что скотоводство, конечно, является образом жизни, но для него скотоводство, прежде всего, способ жизнедеятельности, и «было неразумно отрицать, что особая специализация влечет за собой особый образ жизни, взгляды на мир, культурные ценности, предпочтения и идеалы» [190, с. 10].

С.А. Плетнева представляет кочевничество как «такой тип экономики, при котором основным производящим хозяйством является экстенсивное скотоводство с круглогодичным выпасом скота и участие в кочевании вместе со стадами большей (или даже подавляющей) части населения» [191, с.5]. Но для полной характеристики кочевничества, по мнению автора, необходимо рассмотрение всех особенностей кочевого образа жизни - не только в экономике и общественных отношениях, но и в политике, быту, материальной культуре, религии [191, с.5].

Как видно, в советской историографии наметились разные толкования термина «кочевничество». Определение кочевничества через присущий ему тип хозяйственной деятельности стало уже общим местом. Вместе с тем следует отметить новизну концептуальных подходов Г.Е. Маркова, А.М. Хазанова, С.А. Плетневой.

Н.Э. Масанов считал, что кочевничество экологически детерминировано: «Кочевничество есть не только приспособление человека к данной экосистеме посредством посезонного кочевания по определенным маршрутам в поисках удобных пастбищных угодий, но и такая организация системы материального производства, которая была направлена на рациональное использование природных ресурсов среды обитания посредством совершенствовании различных элементов и видов хозяйственной деятельности, способных обеспечить не только воспроизводство стада, но и нормальное функционирование рассматриваемой экосистемы» [192, с.32 - 33].

Совершенно иной, отличающийся от вышесказанных подходов к кочевничеству, предлагает Н. Алимбай. Он выступил против научной традиции рассмотрения кочевой общины казахов как ориентированной «хоздетерминистки», т.е. против представления «о хозяйственно-экономической структуре кочевого социума как абсолютно автономной и единственно возможной основе жизнедеятельности номадов» [193, с.19]. Автор представляет кочевничество как тип социальности: «формирование кочевничества в степных, пустынных, полупустынных и высокогорных регионах Евразии следует рассматривать в аспекте формирования общины как этноэкосистемного механизма восхождения данного типа социальности» [193, с. 28]. Для него община не только единственный способ жизнедеятельности кочевников, но генерализирующий тип социальных отношений, поэтому, считает он, номадизм как особый тип социальности прекращает свое существование, когда распадается община [193, с. 26]. Отсюда Н. Алимбай

делает интересный вывод: стадиальная типология в отношении евразийских кочевниках принципиально неприменима [193, с. 26].

На этом фоне как-то странно выглядит российский учебник «Этнология» (2005 года издания), определение которого кочевничества идентично представлению о кочевниках, имеющемуся в словаре Брокгауза и Эфрона (конец XIX в.). Согласно этому учебнику, отличительными чертами номадизма являются «отсутствие у скотоводов постоянных мест поселения и круглогодичные их перекочевки с одного пастбища на другое, иногда на большие расстояния. Такой образ жизни способствовал захватническим настроениям в обществе кочевников, совершавшим грабительские набеги на земледельческие поселения» [194, с.132 – 133,]. Здесь не видно не только дальнейшего концептуального развития представления о номадизме, но даже простого знакомства с взглядами своих предшественников.

Г.Е. Марков попытался разобраться также с такими дефинициями, как скотоводство и животноводство. Если в справочной литературе животноводство – это отрасль сельского хозяйства, а скотоводство – это отрасль животноводства по разведению крупного рогатого скота, то в исторической литературе скотоводство понималось как самостоятельная форма хозяйственной деятельности, лежащей в основе определенных хозяйственно-культурных типов. Г.Е. Марков считал необходимым установить соотношение животноводства и скотоводства с хозяйственно- культурной классификацией. Он предлагал, чтобы термином «животноводство» охватывались «все формы содержания животных, включая разведение крупного и мелкого рогатого скота, и транспортных животных, оленеводство и звероводство. В результате на основе животноводческого хозяйства могли возникнуть разные хозяйственно-культурные типы» [183, с.83-84].

По Г.Е. Маркову, дело с дефиницией «скотоводство» представляется сложным, так как, во-первых, существуют многообразные формы скотоводческого хозяйства, во-вторых, различные типы скотоводства. Поэтому автор осторожно, опираясь на слово «по-видимому», считает, что скотоводство – это «вид хозяйственной деятельности, основанной главным образом на более или менее экстенсивном разведении животных и либо целиком определяющий характер хозяйственно-культурного типа, либо составляющей один из важнейших его признаков». Таким образом, по Г.Е. Маркову, термины «скотоводство» и «кочевое скотоводство» отличаются друг от друга содержательно. Если «скотоводство можно рассматривать как *форму* хозяйства», то кочевое скотоводство есть специфическое социально-экономическое явление, основанное «не только на характере хозяйственной деятельности, а в еще большей степени на особенностях социальной структуры и племенной общественной организации» [183, с. 87].

Одним из ключевых понятий, используемых при изучении кочевого скотоводства, является дефиниция «хозяйственно-культурный тип» (далее ХКТ). Проблема выделения хозяйственно-культурных типов была поставлена еще в конце XIX - XX в. Ее разработке уделял внимание Ф. Ратцель (1844 -

1904), ставший предтечей для диффузионистских школ. Один из их представителей, Л. Фробениус (1873 - 1928) впервые ввел метод картографирования явлений культуры, представляющийся ценным до сих пор [195, с. 144]. Следует отметить также теорию «культурных кругов Ф. Гребнера (1877 - 1934). Так, в пределах Австралии и Океании он насчитал восемь самостоятельных «культурных кругов» [196, с. 145]. Под определенным влиянием школы Ф. Гребнера сложилась концепция В.Г. Богораз – Тана.

Начало марксистской разработке концепции хозяйственно-культурных типов было положено С.П. Толстовым [96]. Позднее она была развита М.Г. Левиным в статье «К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии», опубликованной в 1947 г.[147]

Более полно эта концепция была разработана М.Г. Левиным и Н.Н. Чебоксаровым в их совместной статье, вышедшей в свет в 1955 году. Для них хозяйственно-культурные типы – это «исторически сложившиеся комплексы хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественно - географических условиях, при определенном уровне их социально - экономического развития» [148, с. 4]. Направление хозяйства и географическая среда могут целиком определять характер хозяйственно-культурного типа или составить один из его важнейших признаков.

М.Г. Левин и Н.Н. Чебоксаров, показывая значимость ХКТ и историко-этнографических областей заключали, что «… эти понятия позволяют в каждом конкретном случае различать явления, непосредственно связанные с уровнем хозяйственного развития в определенных естественно-географических условиях, от явлений, обусловленных сохранением этнических традиций, которые, хотя и сложились в прошлом на известном уровне развития в определенной природной среде, продолжают в дальнейшем длительное время сохраняться уже в новых исторических условиях. Выделение хозяйственно - культурных типов в историко-этнографических областей весьма существенно также для построения этнографической классификации … Нельзя не признать назревшей необходимости создать и собственно этнографическую классификацию, основанную на выделении историко-этнографических областей и подобластей по характерным особенностям их хозяйства и культуры. Разработка такой классификации для народов Советского Союза, а затем всего мира стоит на повестке дня советской этнографической науки» [148, с.14-15]. Авторы выделили три основных хозяйственно-культурных типа, привели примеры конкретных хозяйственно-культурных типов, среди них назвали хозяйственно-культурный тип кочевников-скотоводов, возникший в I тысячелетии до н.э. [148, с. 9].

Как отмечает Э.Л. Мелконян, «основная методологическая ценность данного понятия заключается в том, что оно позволяет свести в единый типологический ряд различные конвергентно выработанные в разных частях земного шара культурно-исторические системы в результате общности естественно–географических условий» [160, с. 109]. Примечательно, что Э.Л. Мелконян исследовал проблему соотношения понятий «социально-

экономическая формация» и «хозяйственно-культурный тип». Оба понятия, по Э.Л. Мелконяну, делают «возможным типологизировать огромный исторический материал и выявить определенные повторяющиеся, закономерные процессы и явления в истории человечества [160, с.114]. Автор считает, что в отличие от понятия «социально-экономическая формация», носящего универсальный характер, понятие «хозяйственно-культурный тип» ограничено докапиталистическими формами производства.

Одна из первых попыток осмысления развития хозяйства принадлежит римлянину Варрону (116 – 27 гг. до н. э.). Ему принадлежит эволюционистская идея трех стадий в исторической смене форм хозяйства, согласно которой собирательство и охота, скотоводство и земледелие последовательно сменяли друг друга. Эта теория «трех стадий» получила затем широкое распространение в трудах Руссо, Дидро, Монтескье, Кондорсе и других, которые разделяли народы мира на дикие, варварские (к которым они относили скотоводов), и более развитые (земледельцев). С. Нильсен различал в истории человечества четыре стадии: дикости, кочевничества (номадизма), земледелия и наконец, цивилизации. В стадиальной классификации Ф. Энгельса кочевничество, наряду с земледелием, также предшествовало стадии цивилизации. Следует отметить идею Вико, у которого земледелие предшествовало скотоводству, она нашла поддержку в современной научной литературе.

Что касается советских историков, прежде всего, они отмечали исторически тупиковый характер хозяйственно-культурного типа номадов. Работая в рамках, как они говорили, единственно верного марксистского учения и не имея возможности выйти из формационного поля «пятичленки», они также не смогли решить проблему соответствия хозяйственно-культурного типа номадов, их социально-политического развития определенной стадии общественной эволюции, относя их или к доклассовой, т.е. первобытнообщинной стадии, или следующей стадии эволюции – классовой, колеблясь между рабовладением и различными вариантами феодализма, от патриархально-феодальных отношений до кочевого и развитого феодализма.

По мнению С.А. Арутюнова и А.М. Хазанова, высказанному еще в 1979 г., понятие «хозяйственно-культурный тип» представляет собой «некоторое довольно расплывчатое семантическое поле, внутри которого многими исследователями толкуются весьма неоднозначно» [156, С.140]. Так, Э. Хоффман, характеризуя хозяйственно-культурный тип номадизма или кочевого скотоводства, считал, что он является не социально-экономической категорией, а вспомогательным средством типологической классификации [48, с. 107]. С.А. Арутюнов и А.М. Хазанов полагали, что дискуссионными являются, прежде всего, проблема таксономических уровней в иерархии различных хозяйственно-культурных типов и также критерии дифференциации их подразделений.

Среди ученых, занимающихся кочевниками-скотоводами, нет согласия по поводу их хозяйственно-культурного типа. Так, одни выделяют единый

хозяйственно-культурный тип кочевых скотоводов с его многими вариантами или разновидностями. Например, точка зрения Н.Н. Чебоксарова и И.А. Чебоксаровой: «Можно говорить о существовании нескольких локальных вариантов типа кочевников-скотоводов степей и полупустынь – центральноазиатском, среднеазиатском, переднеазиатском, аравийско-африканском, южноафриканском и т.д.» [150, с.199]. А.М. Хазанов предполагает наличие нескольких хозяйственно-культурных типов кочевых скотоводов: «номадизм на земном шаре представлен пятью главными формами: «североафриканско – переднеазиатской, африканской к югу от Сахары, евразийской, тибетской и североазиатской» [190, с. 6].

Некоторые ученые полагают, что хозяйственно-культурные типы «кочевых скотоводов различаются друг от друга не только в синхронном, но и диахронном плане» [156, С.143].

Г.Е. Марков также полагал, что «сегодня остается еще немало дискуссионных вопросов». В частности, у него вызывал сомнения перечень хозяйственно-культурных типов. Соглашаясь в целом со схемой В.В. Андрианова и Н.Н. Чебоксарова, где предлагалось 30 типов и 8 групп хозяйственно-культурных типов, Г.Е. Марков предлагал несколько упростить крупные группы хозяйственно-культурных типов, увязав их с крупными этапами разделения труда и социально-экономического развития. Его схема состояла из 5 крупных групп хозяйственно-культурных типов. В четвертую крупную группу хозяйственно-культурных типов им было включено кочевое и полукочевое скотоводство [157, с.150].

Несмотря на справедливое замечание С.А. Арутюнова и А.М. Хазанова о том, что «ХКТ в этнографии выступает одним из основных, базовых понятий данной дисциплины» [156, с. 142.], по мнению М.-З.О. Османова концепция ХКТ «недостаточно «задействована» в советской этнографии» [164, С. 4]. «Не получила дальнейшего развития теория концепции, мало региональных разработок ХКТ, «почти не изучаются» конкретные вопросы «генезиса основных ХКТ», - утверждал и С.И. Вайнштейн [124, с.79].

Как уже отмечалось, А.М. Хазанов не принимал слишком широкого употребления термина «номады», когда под ним понимаются любые подвижные скотоводы. Г.Е. Марков также полагал, что понятие «подвижное скотоводство» является комплексной и всеобъемлющей дефиницией, которой можно охарактеризовать не один тип, а несколько типов скотоводства [183, с.91]. Разновидностей «подвижного скотоводства довольно велико, и между ними существуют в хозяйственном и социальном отношениях значительные различия» [183, с. 90].

Таким образом, традиционное хозяйство (кочевое скотоводство) и связанные с ним понятия не унифицированы, и поэтому, оставаясь важнейшей теоретико - методологической проблемой номадизма, подлежит дальнейшей разработке.

1.2 Зарубежная историография XVIII - начала XXI вв.: становление методологических оснований номадизма и ее теоретической проблематики

В зарубежной историографии, как восточной, так и западной, начиная с древних времен, накоплен значительный массив этнографических, археологических и исторических свидетельств и материалов по истории кочевого общества на территории современного Казахстана. Это были наблюдения купцов, путешественников, миссионеров, записки и дневники посольских чиновников, которые стали ценными источниками для всех поколений исследователей. Как, например, указание А. Дженкинсона 1558 г. на подлинное самоназвание казахского народа: «народ, воющий с Ташкентом, называется казахами (Caccaks)» [197, с.29].

Одним из первых обобщающих трудов по географии и этнографии Центральной Азии была «Северная и Восточная Тартария» Н. Витсена, изданная в 1692 г. Но принято считать, что начало научному изучению кочевых обществ положил Ж. де Гинь (1721-1800), опубликовав в 1756 -1758 фундаментальный труд в 5 томах, посвященный непосредственно тюркоязычным народам. Это была «Всеобщая история гуннов, тюрков, монголов и других западных татар», ставшая началом становления номадологии. Как отмечал К. Иностранцев, во времена Дегиня, в XVIII в., не было «ни этнографии, ни этнологии. Тогда история только и существовала как собрание летописных фактов, их сличение и критика» [198, с. 6-7]. Историки не имели представлений о закономерностях развития человеческого общества, и историческое развитие представала у них как простая смена политических событий в пространстве и времени.

Этнография как самостоятельная наука сложилась лишь во второй половине XIX в. и сформировалась под воздействием идей эпохи Просвещения. Великими мыслителями этого времени были заложены теоретико-методологические основания исторической науки и тем самым этнологии. Идеалом просветителей была не повествовательная история, а научная, которая исходила бы из идеи всеобщего прогресса и единства человечества, стремилась объяснить все происходящее в истории, старалась свести воедино отдельные эмпирические факты, создав единую причинно-следственную цепь и выявить основные движущие силы исторического процесса. Только в середине XIX в. на основе методологических положений, выработанных европейскими просветителями, была сформирована первая собственно этнологическая теория – эволюционизм.

Строго говоря, возникновение проблем теоретико-методологического характера в исторической науке вообще относится к Новому времени, к XVIII – XIX вв., когда формируются философия и методология истории, теории исторического процесса и исторического познания.

Первым, кто предположил, что история может изучаться наукой и что можно открыть её закономерности, был Дж. Вико (1668-1744). Ученый хотел создать, как он писал, «Идеальную Историю вечных Законов, соответственно которым движутся Деяния всех Наций в их возникновении, движении вперед,

состоянии, упадке и конце» [199, с.460]. Сделал это он в своей работе «Основания новой науки об общей природе наций» (1725), дав, по его словам, «завидное заглавие «Новая наука» (с его законным правом) на столь Универсальный предмет, каким является Общая природа Наций» [199, с. 460], причем новая история должна быть «идентичная в уразумеваемой сущности и разнообразная в способах развития» [199, с.460]. Это некоторое единообразие в истории отдельных народов Вико объяснил его как результат их общей природы и вытекающего отсюда единства в способе их развития: «все люди всегда походили и все походят друг на друга; ведь это может дать нам всеобщие и вечные Основания (каковыми и должны быть Основания нашей Науки, из которых возникли и на основе которых сохраняются все Нации» [199, с.109].

Дж. Вико считал, что человечество в своем поступательном движении проходит через «три вида природы», три вида нравов, естественного права, правлений, языков, характеров, юриспруденций, авторитета, понимания права суда, времен, то есть через три стадии: Век богов (под божественным управлением), Век героев (царствование героев) и век людей (люди равны по своей человеческой природе) [199, с. 378-399]. Так, Дж. Вико выступил проповедником циклической модели исторического процесса, когда общественные образования постоянно и периодически проходят аналогичные замкнутые циклы зарождения, подъема, упадка и гибели: «Возвращение Вещей Человеческих при Возрождении Наций» [199, с.439].

Строго говоря, впервые задачу поднять историю на научную ступень, объяснить историческую судьбу народов условиями их жизни и окружающей природы поставил Ибн Халдун (1332-1406), автор историко-философского труда Мукаддима (Пролегомены). Он считал: «Наши рассуждения представляют новую науку ... Мы ее открыли» [200, с.75].

Но значение Ибн Халдуна для исторической науки не исчерпывается этим требованием. Ибн Халдун приписывает влиянию климата цвет кожи, характер и образ жизни человека, подчеркивает влияние почвы. Главное же достоинство его концепции заключается в том, что впервые выдвинул теорию закономерного прогрессивного развития общества от низшей стадии к высшей, объяснив это развитием производства: «Знай, что условия, в которых живут поколения, различаются в зависимости от того, как люди добывают средства к существованию» [201]. Русский философ Х. Раппопорт отмечает современность взглядов арабского мыслителя: кажется, что они написаны под влиянием Монтескье, Бокля и даже Маркса, и приводит замечательную характеристику: «Ни классический, ни христианский средневековый мир не в состоянии предъявить хотя бы приблизительно чего-нибудь подобного по отношению к широте взглядов. Несмотря на отдельные блестящие попытки, только XIX веку суждено было доставить окончательную победу научному направлению в философии истории» [200, с.77].

По мнению, арабского мыслителя, первоначально люди находятся в состоянии дикости – таваххуш, затем они проходят в своем развитии еще два

состояния: бидава и хидара. На состоянии «бидава» люди заняты в основном земледелием и скотоводством, поэтому это понятие интерпретируется как сельская жизнь и соответственно, как примитивность. На состоянии «хидара» люди занимаются еще ремеслами, торговлей, наукой и искусством, поэтому «хидара» обозначает городскую жизнь, т.е. цивилизацию [200, с.64]. Причем, по Ибн Халдуну, бидава и хидара, примитивность и цивилизация могут сосуществовать в рамках одного региона и вступать в конфликт из-за обладания материальными благами, при это нападающей стороной являются кочевники. Захват кочевниками цивилизованных областей приводит к возникновению государства, которое становится механизмом изъятия и непроизводительного расходования избыточного продукта, и, в конечном счете, неизбежно гибнет, уничтожая эту цивилизацию [200, с. 102]. «Цивилизация – это конец человеческого общества» [200, с.91], - неоднократно утверждает Ибн Халдун, опередив почти на пять с лишним столетий Шпенглера. Таким образом, Ибн Халдун стал первым автором идеи циклического развития общества.

Идеи Вико о новой науке, о том, что история должна иметь свою теорию, в европейской науке позднее были развиты Ж.-Ж. Руссо (1712 – 1778), который провел различие между описательной историей как знанием фактов и теоретической реконструкцией исторического процесса. Но не все приняли идею теории истории. Так, в конце XVIII - начале XIX в., некоторые отрицали возможность существования теории истории, так как всякая теория априорна. Но и сегодня не случайно предлагается различать этнографию как эмпирическую описательную науку в отличие от этнологии, имеющей теоретический характер.

Итак, Ибн Халдуном и Вико были высказаны фундаментальные идеи, которые, будучи развиты западными мыслителями, станут важнейшими теоретическими и методологическими теориями, применяемыми в этнографической науке до настоящего времени. К сожалению, их работы в XVIII в. не были известны, но великие мыслители XVIII – XIX в. создали теоретические концепции, основанные на подобных идеях. В данном контексте будут представлены воззрения и концепции тех ученых, которые оказали влияние на формирование теоретико-методологических основ номадологии вообще и тем самым казахского кочевничества в частности.

Одним из первых ученых в этом ряду необходимо назвать имя Ш.Л. Монтескье (1689 – 1755), который считается родоначальником концепции географического детерминизма, наиболее часто применяемую при интерпретации кочевого хозяйства. Концепция эта подробно, обстоятельно изложена им в его труде «Дух законов» (1748) [202].

Главным и решающим фактором в формировании человечества он считал климат, рельеф местности и характер почвы. По его мнению, «характер ума и страсти сердца чрезвычайно различны в различных климатах» [202, с.350]. Так же, как и Ибн Халдун, Ш. Монтескье полагает, что климат и почва определяют специфику хозяйственной деятельности пастушеских и земледельческих

народов. Ученый делит народы на дикие, варварские и земледельческие. Пастушеские народы, ведущие кочевой образ жизни, он относит к категории варварских народов [202, с.397]. Относя кочевников к варварам, Ш.Л. Монтескье в отличие от своих современников, презрительно относящихся к ним, отмечает характерное для них свободолюбие. Помимо свободы личности, в образе жизни кочевников автор отмечает равенство людей и отсутствие у кочевников рабства

Несколько по-иному к роли климата в историческом процессе подходил Ф.М. Вольтер (1694 – 1778) [203]. По его мнению, три фактора влияли на историю человечества: климат, правительство и религия. Из этих трех факторов, по Вольтеру, наименьшее влияние оказывал климат, наибольшее - правительство и религия. Но основным движущим фактором исторического развития в его концепции был разум, сознание, действия людей.

Вольтер тоже относит кочевников к варварам, описывая их как «варварскую орду, невежественную, суеверную, кровожадных и алчных людей, не имеющих на своем наречии даже слова для обозначения геометрии или астрономии», одновременно подчеркивая их высокие человеческие убеждения [203, с.355].

Если Ш.Л. Монтескье и Ф.М. Вольтер оперируют словами «дикари» и «варвары» как определениями отдельных народов, то А. Фергюсон (1723 - 1816) первым сделал теоретическую разработку периодизации всемирной истории [204, с. 359]. В работе «Опыт истории гражданского общества»» (1767) он обосновал и разработал концепцию однолинейной трехстадиальной типологии человечества (дикость, варварство и цивилизацию,), положив в основу периодизации материалистические признаки: форму хозяйства и развитие форм собственности [205; 204, с.359].

Полагая, что «собственность – явление прогрессивное» [205, с.139], автор считает критерием для различения наций, во-первых, наличие или отсутствие собственности, и, во-вторых, вытекающие отсюда отношения зависимости или их отсутствие. Как и все представители Просвещения, А. Фергюсон признает влияние на историю наций климата и географического местоположения [205, с.194]. Особенно подчеркивает он роль географического фактора в выборе хозяйственной деятельности: «Почвенно-климатические условия ответственны за то, остановит ли население свой выбор на скотоводстве или на земледелии, будет ли вести оседлый образ жизни или продолжать кочевать по собственным владениям» [205, с.157]. Таким образом, А. Фергюсон не связывает варварское состояние только со скотоводством, так, варвары Западной Европы были земледельцами, поскольку они отвечали вышеназванным критериям варварской нации. Следует отметить, что в отличие от авторов с негативной оценкой кочевников, А. Фергюсон отмечает, что каждая нация в определенный период времени находилась на грубом и примитивном уровне, но со временем в результате прогресса перешла к следующему этапу развития. Для него «человеческое развитие продолжает свое поступательное движение ... в так называемый просвещенный век» [205, с.188-189].

Но развитие может иметь разнонаправленный характер (вперед - назад), поэтому под идеей развития стали понимать необратимое, закономерное движение от низших форм к более высшим, получившее законченное выражение в теории прогрессивного развития человечества, которая стала фундаментом всех исторических построений.

Создателем одной из первых теорий теории прогресса является А.Р.Ж. Тюрго (1727 -1781). По его мнению, в природе господствует цикличность. «Что же касается человеческого рода, «переживая попеременно спокойствие и волнения, счастливые времена и годины бедствия», то он «всегда шествует, хотя медленными шагами, ко все большему совершенству», и далее, как обещал, показал «беспрерывность прогресса человеческого города» [206, с.52] Таким образом, «всемирная история обнимает собой рассмотрение последовательных успехов человеческого рода и подробное изучение вызвавших его причин» [206, с.78]. «Рассуждение о всеобщей истории» (1750) [183, с.77-142]. Согласно А.Р.Ж. Тюрго, прогресс неминуем [206, с. 107], в отличие от Ф.М. Вольтера он считал, что даже в самую «мрачную и варварскую эпоху», т.е. в средние века, можно найти проявления прогресса мысли, хотя прогресс человечества не всегда совершается прямолинейно, а зигзагообразно, преодолевая заблуждения и ошибки.

Тюрго создал свою теорию всемирной истории, где стадии её развития зависели от развития хозяйственных форм, при этом переход от одного вида деятельности к другому связан с ростом активности и свободы. Если А. Фергюсон видел в истории человечества три последовательных стадии: дикость, варварство и цивилизацию, тем самым отнимая у первобытных племен какие-то признаки цивилизованности, то в периодизации Тюрго существуют охотничье-собирательская [206, с.80-81], пастушеская [206, с.81-84] и земледельческая стадии [206, с.84], причем каждый народ последовательно переходит из одной стадии к другой, правда, процесс этот не одновременный. А.Р.Ж. Тюрго рисует завоевания как характерную черту пастушеских племен. А.Р.Ж. Тюрго категорически против концепции Монтескье о влиянии климата на человечество и его культуру: «Причины неравенства цивилизации у народов искали в различии климатов... Но заключения, выводимые из него, по меньшей мере, поспешны и во всяком случае преувеличены» [206, с.108-109].

Наиболее законченный вид теория прогресса эпохи Просвещения приобрела в концепции Ж.А. Кондорсэ этнография (1743-1794). Он обосновал идею бесконечного совершенствования человечества: «не было намечено никакого предела в развитии человеческих способностей, что способность человека к совершенствованию действительно безгранична» [207, с. 5], «никогда развитие не пойдет вспять» [207, с.6]. Он показал картину этого прогресса, разделив всю историю человечества на десять эпох. Также, как и у Тюрго, первая эпоха представлена собирателями и охотниками, вторая – пастушескими народами, третья - земледельцами. Далее Ж.А. Кондорсэ этнография показывает прогресс человеческого разума, начиная от греческого

периода и кончая французской революцией, после чего рассуждает о будущем прогрессе человеческого разума. По его утверждению, некоторые народы остались в застойном состоянии первой или второй эпохи. Главные причины этого застоя автор видит в свойственной этим народам человеческой природе.

Европейское Просвещение XVIII в. завершил И.Г. Гердер (1744-1803) своим фундаментальным трудом «Идеи к философии истории человечества» (1784-1791). В этой работе нашли отражение все основные фундаментальные идеи этого века: идея поступательного закономерного развития человечества, идея исторической необходимости, управляющей обществом, а также учение о прогрессе: общество совершает движение к высшему состоянию, которое он назвал гуманностью. Всю книгу пронизывает идея географического детерминизма: «люди – податливая глина в руках климата» [208, с.178]. Сопоставив условия проживания разных народов в разные исторические периоды, он пришел к выводу, что «географические условия жизни, как климат, плодородие почв, доступ к судоходны рекам и морям, рельеф определяют судьбу народов»: «Отнимите у них землю, и вы отнимите все» [208, с.175].

И.Г. Гердер понимает, что специфика истории ряда народов, имеющих длительное историческое развитие, состоит в том, что из-за природных условий они сохраняют свой давний образ жизни. Разделяя тезис о неподвижном образе жизни, И.Г. Гердер не отлучает их от культуры: «Разве есть на свете народ, совершенно лишенный культуры?» [208, 6]. Кроме того, он проводит различие между культурой ученых и культурой народа, полагая, что смешение культуры ученой с культурой народной является бесполезным и вредным, потому что культура народа состоит в «добронравии» [208, с.311].

Осветив ранние ступени развития общества, возникновение человеческого рода в Азии, отметив приручение животных, произошедший на Востоке, как важнейший шаг в развитии человечества, который «превзошел все последующие революции истории», И.Г. Гердер дал объективную оценку роли Востока в развитии мировой культуры, тем самым отказавшись от европоцентризма, характерного для большинства его современников.

Глобально-стадиальную концепцию всемирной истории, как единого процесса развития и поступательного движения от низших форм к формам более высоким и совершенным, разработал с идеалистических позиций Г.В.Ф. Гегель (1770-1831), один из творцов немецкой классической философии, изложив ее в своих лекциях, прочитанных в 1822-1830гг. Критерий поступательного развития - «прогресс в сознании свободы» [209, с.19].

Для Г.В.Ф. Гегеля всемирная история начинается с возникновения государства. Началом всемирной истории является Азия, точнее, Китай, Индия. «Всемирная история направляется с Востока на Запад, так как Европа есть безусловный конец всемирной истории, а Азия ее начало» [209, с.98]. У Г.В.Ф. Гегеля всемирная история получает свое законченное воплощение в германском мире. Особенно подробно разработана им «географическая основа всемирной истории». По его мнению, надо «типом и характером народа,

который является сыном этой почвы. Этот характер обнаруживается именно в том, каким образом народы выступают во всемирной истории и какое место, и положение они в ней занимают. Не следует ни преувеличивать, ни умалять значения природы…» [209, с.76]. Отличие кочевников от земледельцев, по Г.В.Ф. Гегелю, заключается в том, что для первых характерна патриархальная жизнь, отсутствие правовых отношений и непрочные завоевания, а для вторых - наличие собственности и вытекающие отсюда отношения господства и порабощения [209, с.95]. Далее Г.В.Ф. Гегель приходит к выводу, что у кочевников-скотоводов отсутствует политическая энергия, «нет жизненного начала»: «Эти народы сами не настолько развились, чтобы у них существовала история, но у них уже имеется могучий импульс, побуждающий их к изменению их образа жизни, и хотя у них еще нет исторического содержания, однако начала истории следует искать у них» [209, с.95]. Хотя «начала истории следует искать у них», Г.В.Ф. Гегель оставляет кочевников «за пределами истории» [209, с.107], как не имеющих своей историографии, отнеся их кочевников ко второй доисторической стадии развития.

Традиционно, на основании хозяйственной деятельности, делит человечество на охотничьи, пастушеские и земледельческие народы Адам Смит (1723 -1790) [210, с.235-236] (1776).

Таким образом, европейское Просвещение заложило основы тех философско-исторических и социологических теорий, на фундаменте которых до настоящего времени выстраиваются аналитико-объяснительные конструкции номадизма, их принципы, подходы и методы.

Середина XIX в. стала переломным моментом в становлении этнографической науки, ее теоретико-методологических оснований, когда ранее разработанный концептуальный аппарат стал основой для формирования новых теоретических конструктов. Если идея развития в исторической науке воплотилась в принцип историзма, то в этнографии она привела к формированию собственно этнологической теории - эволюционизма, на который, конечно, большое влияние оказало учение Ч. Дарвина. Как теоретическая концепция «эволюционизм» связан с именами социолога Г. Спенсера [211], этнографов Э.Б. Тэйлора и Л.Г. Моргана [212-213]. Он стал этнографической интерпретацией идей развития и прогресса, сформировавшихся в XVIII - первой половине XIX вв. в виде концепции однолинейного единообразного развития культуры от простых форм к сложным и представлял собой единственную и универсальную теорию для объяснения этнографических явлений и процессов.

Вторая половина XIX в. – время расцвета экономической теории. Так, К. Бюхер поставил себе задачу «проникнуть в сущность прошлых эпох хозяйственной жизни» [214, с. 78] и установить хозяйственные ступени развития, «в обозначении которых выражены основные черты хозяйственной жизни» [214, с. 79].

К. Бюхер подверг критике взгляды Ф. Листа, который, по его мнению, смешивает типы хозяйствования с хронологическими эпохами: 1) период

охотничьей жизни, 2) пастушеской период жизни, 3) период земледелия [214, с.80], 4) земледельческо-промышленно-торговый период. Вызывала его возражения и концепция А. Смита и Д. Рикардо, которым «в голову не приходит, что когда-либо существовал такой общественный строй, где не было обмена» и они выводят «весьма сложные меновые отношения выводят прямо из первобытного состояния» [214, с.81]. Упоминает он и Б. Гильдебранда, который в зависимости от характера меновых отношений видел три вида хозяйствования: натуральное хозяйство, денежное хозяйство и кредитное хозяйство [214, с.80]. Сохранив однолинейный характер хозяйственной эволюции, он разделил экономическое развитие на три ступени: «1. Ступень замкнутого домашнего хозяйства (производство для собственного потребления в его чистой форме, хозяйство без обмена): предметы потребляются в том же хозяйстве, в каком они произведены. 2. Ступень городского хозяйства (производство на потребителя или ступень непосредственного обмена): предметы из производящего хозяйства непосредственно поступают в потребляющее хозяйство. 3. Ступень народного хозяйства (производство товаров, ступень товарного обмена): предметы проходят через целый ряд хозяйств, прежде чем доходят до потребителя [214, с. 82]. При всем различии их позиций замкнутое домашнее хозяйство К. Бюхера аналогично натуральному хозяйству Б. Гильдебранда.

Начало XX в. отличается тем, что эволюционизм начал утрачивать свои господствующие позиции.

Будучи этнографом, Ф. Ратцель основательно разобрал значение климата в жизни народов, подробно описал кочевой быт с точки зрения влияния природно-климатических условий на все сферы жизни. Вместе с тем он полагал, что основным фактором общественного развития являются процессы заимствования и распространения культуры вследствие передвижения народов. Так, он оказал большое влияние на формирование нового теоретического направления в этнологии – диффузионизма [215]. Диффузионизм отрицает процесс эволюции как основной движущей силы развития человеческой культуры и, следовательно, существование стадий развития культур. Все изменения обусловлены не процессом внутреннего развития, а заимствованием культурных элементов и их распространением под влиянием войн и миграций. Основным методом исследования при этом становится метод типологизации в отличие от эволюционизма, который использует «метод пережитков».

К концу XIX в. возникла еще одна теоретическая концепция: географический поссибилизм, признававший определяющую роль не только природной среды, но и других исторических факторов, тем самым сыгравшего большую роль в преодолении абсолютного географического детерминизма [216]. Его основателем является французский ученый-географ Видаль де ла Бланш. Поссибилизм (от латинского possibilis - возможный) - геополитическое учение, возникшее в новое время на рубеже XIX-XX вв. Главным критерием в

теории поссибилизма является не только географический фактор, но и материальная и нематериальная культура региона. Принцип поссибилизма – использовать «дремлющую энергию» природы и географическое положение человеком, для становления государства. Поссибилизм заложил основы геополитической экономики, которая получила признание в конце XX века и противопоставляется геодетерминизму. В труде «Восточная Франция» Видаль де ла Бланш предсказал мысль об использовании пограничных государственных земель в качестве центра сотрудничества между странами [217].

В это же время получила достаточное распространение теория географического индетерминизма, отрицавшая идею влияния климата на общество, восходящую еще к К.А. Гельвецию [216].

Но самым важным изменением стала утрата эволюционизмом своих главенствующих позиций в этнографической науке и широкое распространение антиэволюционных концепций.

Одним из ярких антиэволюционистов был Ф. Боас, считавший, что «предположение однообразного развития культуры у всех человеческих рас и во всех племенных единицах верно лишь в ограниченном смысле» [218, с.108] Совершенно не был согласен с предположением, что «общий ход культурного развития везде одинаков и что типы культуры могут быть приурочены к определенным стадиям. Теория такого общего параллелизма истории человеческой культуры основана на сходстве культурных черт во всех частях света» [218, с. 135]. По его мнению, «сходства являются скорее кажущимися, чем действительными, что они часто развивались путем сходящейся к одному и тому же пункту эволюции, вытекавшей из разных источников, и что не все стадии оказывались налицо во всех типах культуры [218, с.135]. Отказываясь от эволюционистской интерпретации исторического процесса, он был приверженцем эмпиризма, полагая главным делом накопление большого количества фактов и последующее их описание, что, кстати, нашло поддержку среди многих этнографов.

А.Л. Кребер, одним из первых применив этноэкологический подход к изучению традиционных культур, стал приверженцем экологического детерминизма (или средового детерминизма, или энвайронментализма), в основе которого заложено положение об изменчивости общества в зависимости от изменений природной среды [219]. Так же как Ф. Боас, придерживался эмпирического подхода, делая акцент на уникальность каждой культуры, считал невозможным выведение каких-либо общих закономерностей.

Кроме того, в этот период началось противостояние эволюционного и цивилизационного подхода. В отличие от эволюционизма, отстаивавшего идею единообразного исторического процесса на сходных ступенях развития, цивилизационный подход обосновывал многообразие путей исторического развития. Одним из основателей цивилизационного подхода является Ж.А. Гобино, поднявший проблему упадка и гибели различных цивилизаций и решавший ее на основе расовой теории, согласно которой высшая раса

«явилась причиной и виновницей перехода... от статики к динамике во всех частях света приблизительно на протяжении последних 6000 лет» [220, с.150].

Подлинным выразителем существования отдельных локальных цивилизаций стал О. Шпенглер. Для Шпенглера цивилизация есть «завершение и исход культуры» [81, с.30].

Самым известным идеологом цивилизационного подхода к объяснению исторического процесса является А.Дж. Тойнби, оценивший идею прогресса прямолинейного развития как иллюзию [220, с.92], одновременно осудивший расовую теорию и заявивший, что «теория среды, не менее нелепа, чем расовая» [220, с.152]. Его работа интересна тем, что он уделил много внимания кочевникам, в том числе евразийским. По А.Дж. Тойнби, цивилизации бывают развитые, недоразвившиеся и задержанные. Их возникновение, как он пишет, «не является результатом биологических факторов или окружающей среды» [220, с.156]. Согласно его концепции «вызов – и - ответ», «цивилизации зарождаются не в необыкновенно легкой, а в необыкновенно трудной для проживания окружающей среде» [220, с. 264]. Кочевая цивилизация родилась в результате ответов на природные вызовы [220, с.327]. А.Дж. Тойнби относит кочевников к задержанным цивилизациям, которые «оказались неподвижными, пытаясь произвести tour de force (рывок) ... поднялись не очень высоко, но не могут идти ни вперед, ни назад, они находятся в опасном положении неподвижности в состоянии крайнего напряжения» [220, с.327], но «они не сошли со сцены истории цивилизаций бесследно» [220, с. 333]. По А.Дж. Тойнби, «кочевники, по сути, являются обществом без истории» и только внешняя сила, «против которой кочевники окажутся беззащитными», «может изменить историю номадов. Этой силой является давление оседлых цивилизаций, оказываемое ими на свое окружение» [220, с.334].

Середина теперь уже XX в. оказалась поворотным пунктом в развитии схем исторического развития. Произошло возрождение однолинейных интерпретаций истории. Популярной стала теория модернизации. Как писал Ш. Эйзенштадт, «Исторически модернизация есть процесс изменений, ведущих к тем типам отношений, которые сложились в Западной Европе и Северной Америке» [221, с. 202]. При всем разнообразии понятийного аппарата концепций модернизации они предполагают переход от традиционного общества (или аграрного, или доиндустриального, или общества первой волны) в индустриальное (модерное или общество второй волны). Среди авторов модернизационных теорий можно встретить самые громкие имена мыслителей этого периода: М. Вебер, Ж. Фурастье, У. Ростоу, Р. Арон, Д. Белл, О. Тоффлер и др. Традиционные общества могут быть невероятно разнообразны, но объединяет их только отсутствие современных черт, и только процесс модернизации, ведущий к однородности, обеспечивает движение от традиционного общества к современному.

В этнологии популярным стал неоэволюционизм, который сохранил положения традиционного эволюционизма, правда, вместо идеи однолинейного развития культуры постулировал концепцию многолинейной эволюции.

Главный теоретик неэволюционизма Дж. Стюард противопоставил однолинейному эволюционизму XIX в., включавшему и марксизм, и концепции универсальной эволюции Л. Уайта свою концепцию многолинейной эволюции, которая исключала идею единого и поступательного развития человечества. Для Дж. Стюарда всемирная история представлялась как сумма параллельно и многолинейно развивающихся культур [222, с.231]. Понятие «эволюция» предполагает существование общих законов развития человечества, а не набор неких этапов, которые должно пройти каждое общество в своем развитии. По Дж. Стюарду, все культуры развиваются по одним и тем же законам, а их различие обусловлено спецификой природно-климатических условий, которые формируют разные техники адаптации.

Правда, Р. Карнейро считает, что не существует противоречий между однолинейной и многолинейной эволюцией [223, с.84-95].

XX столетие стало временем появления значительных конкретно-этнографических исследований, имеющих не только богатую источниковую основу, но отличающихся высоким теоретическим уровнем. Одной из них стала «Империя степей» Р. Груссе, посвященная кочевым государственным образованиям на территории евразийских степей. Приверженец географического детерминизма, Р. Груссе писал: «никто, кроме этих людей, не был тесно связан с землей и ее законами, и не был в такой степени востребован окружающей средой, благодаря своей мобильности и выработанным навыкам природы» [224, с.5]. Причина их варварского образа жизни, по его мнению, состояла не в том, что «население тех краев обладало более низкими человеческими качествами по сравнению с другими народами, а потому, что оно существовало в тех условиях выживания, которые были уже преодолены в предшествующие эпохи» [201, с.7]. Пасторальная стадия их развития не препятствовала «установлению связей с оседлыми народами, которые сопровождались то робким подражанием, то кровавыми набегами» [201, с.5], в конце концов «нашествие кочевников на культивируемые земли выступает законом природы» [224, с.8].

Труд О. Латтимора «Внутренняя Азия – фронтир Китая» решает проблему роли границ в истории человечества на примере взаимоотношений Китая и сопредельных кочевых племен. По его мнению, общество кочевников является раз и навсегда данным, не развивающимся, т.е. фактически не имеющим истории, естественным и неизбежным следствием пастушеской жизни являются войны [225]. В кочевых империях кочевники превращались в нацию господ и эксплуатировали завоеванные народы. Что касается истории Китая и окружавших его кочевых племен, то «она представляла собой симбиоз и движение по кругу». «На одной фазе цикла больше власти было в руках варваров и меньше в руках китайцев. На другой фазе цикла, наоборот, больше власти было у китайцев и меньше у варваров... Но и том и в другом случае власть лишь переходила от одной группы к другой, причем характер власти оставался неизменным» [225, с.17]. Если Китай силен, то он наносит кочевникам ответный мощный удар. Если же нет, тогда пограничные

провинции постепенно истощаются, кочевники усиливаются, появляется условный Чингисхан и возникает кочевая империя. Таким образом, О. Латтимор пришел к выводу, что их история представляет собой циклическое повторение более или менее одинаковых стадий развития.

Т. Барфилд в своей монографии дает уничтожающую характеристику основной массе специальной литературы по Внутренней Азии, которая «посвящена очень узкой проблематике», «ограничивается переводами исторических текстов или надписей, вопросами лингвистики, истории искусства и вопросами идентификации мест обитания известных по историческим источникам племен и почти не испытала воздействия современных методов истории и общественных наук», констатирует «отсутствие аналитической схемы, с помощью которой можно было бы осмыслить исторические события» [226, с. 33]. Поэтому не без влияния О. Латтимора, применяет концепцию взаимодействия оседлых земледельческих народов с кочевниками на основе циклической модели [225]

По утверждению Т. Барфилда, не способ производства определял расцвет кочевых империй, а их взаимоотношения с оседлыми государствами [226, с.11]. На основе изучения 2000-летней истории взаимоотношений кочевых северных народов с Китайской империей, он сделал вывод, что главной причиной устойчивости кочевых империй были захваты территорий оседлых государств и дальнейший сбор дани с земледельцев и обмен с ними товаров. Благодаря взаимоотношениям кочевников с оседлыми империями, в данном случае с Китайской империей, номады достигли могущества. При этом, на наш взгляд, автор преувеличил значение влияния на кочевников оседлых земледельческих государств, полагая, что кочевые империи «продукт взаимодействия между обществами, нежели результат внутреннего развития» [226, с.35]. По утверждению автора, взаимодействие имело циклический характер в зависимости от внутренней обстановки оседлой империи: «возникновение и крушение политических образований Азии связаны с циклами централизации власти в Китае» [226, с. 35].

Т. Барфилд в своей работе показал «что кочевые народы не были придатком китайской империи и не являлись в культурном отношении ее составной частью». В то же время Т. Барфилд не рассматривает кочевые государства как самостоятельные образования, считая их «тенью» оседлых цивилизаций [226, с.17]. Труд Т. Барфилда значителен тем, что он на стыке истории и антропологии создал модель истории номадов, которая отличалась своей оригинальностью, заключающейся в создании едино-целостной парадигмы объяснения истории номадов.

Согласно Л. Крэдеру, скотоводческий кочевой образ жизни утвердился, благодаря приспособлению населения к экологии степной территории в хозяйстве, пространственно-разграниченную модель движения (кочевые маршруты – А.И.) видового состава скота и существование переносного жилища [227, p. 302].

Примечательно, что в зарубежной историографии появились научные исследования, посвященные изучению традиционного хозяйства казахов и трансформационных процессов, происходившим в XIX - начале XX вв. Это работы М. Олкотт [168-170], В. Мартин [171-172], С. Сэбола [173], П. Роттьера [174-175], Г. Кендирбаевой [228], Р. Киндлера [176] и др [178].

Но еще более примечателен факт их единодушия в концептуальных выводах, у которых совпадают даже словесные формулировки. Так, Р.В. Вендельken в работе «Русская эмиграция и ее влияние на казахские степи» характеризовал переселенческую политику и приток русских как проблему существования в будущем кочевого скотоводства [178, p. 71–97]. Такую оценку можно встретить у любого из выше перечисленных авторов.

М. Олкотт считает, что необратимые изменения в экономике Казахстана произошли в колониальный период, Советы не были ответственны за седентаризацию казахов. Это положение противоречит выводам советской историографии, в которой считается оседание кочевников прогрессивным явлением и одной из побед социализма [170].

С. Сэбол писал: «кочевой образ жизни влиял на все сферы жизни номадов в течение 2500 лет в Центральной Азии» [173, p. 11]. Он отметил, что в науке «этиологические споры о пасторальном кочевничестве остаются не решенными» [173, p. 11]. Автор оспаривает некоторые ошибочные концепции о кочевниках, такие как представления об их «чистой автономии» или независимости, их жесткой приверженности традициям и миграционным маршрутам, а также их варварский, некультурный характер» [173, p. 10]. Поэтому целью С. Сэбола является «разъяснить кочевничество как экономическую структуру, которая влияла на социальное и культурное развитие внутри его сообщества…» [173, p. 10].

Хотя существует множество различных гипотез, тем не менее генезис номадизма, по мнению автора, будучи очень сложной теоретической проблемой, до сих пор в научном мире остается открытой. Генезис и эволюция кочевого скотоводства – это исторический факт, «который постоянно изменялся в зависимости от факторов, воздействующих на них (политических, экономических, экологических и т.д.) как внутренних, так и внешних» [173, p. 11]. Согласно С. Сэболу, в исследуемый период казахи находились «в состоянии постоянной эволюции» [173, p. 10], но трансформационные процессы в хозяйстве казахов «иногда были вынужденными» [173, p. 10]

По утверждению В. Мартин, кочевое скотоводство «для русских колонизаторов было «нецивилизованным» и беспорядочным» хозяйством, а «сезонные миграции затрудняли эффективное управление регионом» [172, с.65]. Поэтому конечной целью властей «было оседание кочевников, превращение их в оседлых крестьян (земледельцев - А.И.) и «лояльных» подданных империи» [172, с.65]. Землепользование в Казахстане было трансформировано, и казахам пришлось по-разному приспосабливаться к новым условиям: «некоторые отказались от кочевого скотоводства и … занялись сельским хозяйством (земледелием - А.И.) или торговлей…, в то

время как другие…работали на российских рудниках или …железной дороге… другие стали полукочевниками» [172, с.65-66]. Одним из факторов, повлиявших на трансформацию и крушение традиционного хозяйства казахов, по мнению В. Мартин, было переселение русских крестьян: «…борьба велась с противником, который стремился в корне оспорить само существование кочевого скотоводства как образа жизни» [172, с.65]. В работе В. Мартин анализирует законодательные акты и их влияние на трансформацию землепользования казахов [172, с.67-74].

В. Мартин считает, что «к концу XIX века «чистых» кочевых скотоводов было очень мало, и они были сосредоточены в западных и юго-западных районах степи, которые были более засушливыми и, менее приспособленными для сельского хозяйства (земледелия – А.И.) и крестьянских поселений» [172, с.66]. В результате колониального вмешательства у казахов оставался единственный выход: чтобы выжить, «большинство казахов Средней орды научились жить с русским присутствием (адаптировались – А.И.), приняв стратегии землепользования, которые требовали от кочевников малоподвижности в течение значительного времени в году» [172, с.66].

П. Роттьер также считает, что политика Российской империи привела к трансформации кочевого уклада казахов: «Нет сомнений, что русская колонизация казахской степи оказала огромное влияние на казахское общество в XIX веке. Русские администраторы заменили традиционных лидеров общины, а поселения крестьян ограничивали пастбища и разрушили кочевое хозяйство» [174, p. 67]. Причем П. Роттьер отмечает не только разрушение традиционного кочевого хозяйства казахов, но считает, что «само выживание казахского народа оказалось под вопросом к началу XX века» [174, p. 67]. В заключение П. Роттьер пишет: «Если бы казахи продолжали вести кочевой образ жизни, российские чиновники по переселению забрали бы их землю и передали ее русским крестьянам» [174, p. 79-80].

Г. Кендирбаева считает, что казахская интеллигенция по вопросу о седентаризации казахов, несмотря на имеющиеся внутренние разногласия, а занимала единую позицию: «Обе эти группы рассматривали переход к седентаризации, образованию, развитию казахского языка и литературы, а также изучение европейской культуры незаменимо для сохранения казахского народа как нации» [228, p. 33].

Р. Киндлер на большом источниковедческом материале показал историю крушения традиционного хозяйства казахов и голод 30-х годов XX века. Р. Киндлер подчеркивает мысль о том, «…что именно царская колониальная политика обрекла кочевничество на отмирание, не разработав экономически устойчивой альтернативы» [176, с.35]. В результате таких мероприятий казахи «…к началу XX в. действительно находились в гораздо худшем экономическом положении, чем до российских завоеваний, однако такая интерпретация отождествляет нормативные акты колониальной администрации с реальной обстановкой в степи» [176, с.35].

Р. Киндлер считает, что русские власти колонизацию степи оправдывали «идеей необходимой цивилизационной миссии», считая коренных жителей «отсталыми» и «некультурными» [176, с. 34]. Но со стороны царских властей «не хватало убедительных примеров преимуществ «цивилизованной» оседлой жизни», в качестве примера должны были быть европейские колонисты, конечно, же переселенцы не являлись образцовыми «учителями» [176, с.34].

Со второй половины XIX в. географическое, историко-этнографическое, экономическое и социальное изучение скотоводства народов мира стало интенсивным. Постепенно изучение локальных и региональных форм скотоводства народов мира привело ученых к их сравнительно-историческому и типологическому обобщению. Именно в таком аспекте раньше других стали изучаться страны Средиземноморья (прежде всего Альпы, далее Балканский полуостров, Пиренеи, Карпаты, северная Африка и горные страны Передней Азии), а затем скотоводство в Европе, Азии и Америке.

Первые и многочисленные попытки выделить формы скотоводства и создать их типологическую классификацию принадлежат европейским исследователям альпийского скотоводства, которая объединяет пахотные земли с оседлым поселением и летние пастбища с временным поселением и сезонным использованием. Еще в середине XIX в. Р. Шатцман подчеркнул принципиальное различие между скотоводческим хозяйством, в котором скот содержится рядом с обрабатываемыми землями (Голландия) и скотоводством, в котором (Швейцария) осуществляются сезонные передвижения скота (отгон), тем самым одним из первых сделал попытку определить критерии выделения форм скотоводства. Конечно, первая форма представляет собой оседлое скотоводство, а последнюю форму скотоводства он назвал альпийским, перечислил его отличительные черты, во-первых, альпийское пастбище должно находиться в горах, причем не в том поясе, где постоянное жилье скотоводов и, во-вторых, альпийское хозяйство должно давать корм, необходимый для летнего содержания скота [164, с.9]. Затем А. Штруби, Р. Зигер, С. Штеблер определили третий признак альпийского скотоводческого хозяйства - его хозяйственную зависимость от равнины, альпийское хозяйство должно быть отдельным от базового хозяйства, но иметь с ним органическую связь, т.е. альпийское хозяйство - это пастбищное использование гор при сохранении связи с основным поселением на равнине [164, с.9; 117, с. 41].

П. Арбос первым произвел разграничение между альпийским хозяйством и другой формой скотоводства, получившей название трансгуманса. В описании Р. Зигера трансюманс не имеет зимнего содержания и кормления скота в основном селении [164, с.9].

По мнению Д. Фродина (1940 г.), сходство альпийского хозяйства и трансюманса заключается в том, что люди и скот связаны с основным поселением, а различие в том, что «в альпийском – связь непосредственная, территориальная (люди и скот зимой находятся в своем селе), в трансюмансе же только экономическая и организационная» [164, с.10]. Фундаментальное отличие между этими хозяйствами состоит в том, что альпийская форма

скотоводства предполагает заготовку кормов, а трансюманс – наличие земледелия. Кроме того, Д. Фродин отметил, чем кочевничество отличается от трансюманса: в первом случае со скотом следует все племя, во втором - только пастухи [164, с.10].

В начале 50-х гг. английский археолог Дж.Г.Д. Кларк издал книгу «Доисторическая Европа», в которой проследил развитие хозяйства в Западной Европе, начиная с эпохи верхнего палеолита до первых веков нашей эры. Описывая характер скотоводства в древние времена, он отметил, что следы стойлового содержания скота относятся к раннему железному веку [229, с.133]. А «сезонный выгон скота на горные пастбища - обычай, сохранившийся до настоящего времени» в Альпах, Испании, нагорных районах Англии, в некоторых районах Скандинавии, представляет одну из многочисленных областей доисторической экономики, которая, по его мнению, «не подвергались серьезным систематическим исследованиям» [229, с.134].

В это же время Р. Капо-Рей, французский специалист по кочевникам Сахары, подчеркнул, что о номадизме нельзя говорить, «как о чем-то едином», поскольку «этот термин объединяет совершенно различные формы скотоводства и условий жизни». Поэтому он считал, что «пришло время хоть немного привести в порядок весь хаос представлений... о кочевниках» [166, с. 229]. В частности, он доказывал неприемлемость предложения А. Бернара и Н. Лекруа (1907) классифицировать кочевников в зависимости от протяженности их миграций, а также классификацию, предложенную в 1948 г., основанную на породах разводимого скота [166, с. 230]. Р. Капо-Рей при классификации кочевников считал «более целесообразным исходить из характера миграций, их продолжительности и регулярности» [166, с. 231]. На основе этих критериев он разделил кочевников на 1) кочевников с сезонными миграциями и 2) кочевников с непериодическими миграциями [166, с.232, с.238].

Р. Капо-Рей полагал необходимым проводить различие между кочевниками и полукочевниками [166, с. 231]. Признаком перехода от кочевого образа жизни к полукочевому он считал сокращение скотоводческих миграций. Поэтому к типичным кочевникам он относил скотоводов, которые перемещаются все время вместе со стадом. Полукочевниками называл скотоводов, проживающих по нескольку месяцев рядом с полями, возделанными их руками, и периодически возвращающихся на одно и то же место, где строится постоянное жилье. Наконец, имелось оседлое население, занимающееся отгонным скотоводством (стада передвигаются под охраной одних пастухов) [166, с. 231].

Также в эти годы Г. Бёш сначала в статье «Номадизм, трансюманс и альпийское хозяйство» **(**1951 г.), а затем в книге «География мирового хозяйства», переведенной на русский язык и изданной в СССР, отметив большое число классификаций скотоводческих хозяйств и отсутствие общепринятой таксономической системы типов скотоводства, представил свое видение этой проблемы. Прежде всего, он отметил два вида животноводства,

один - в котором скот перегоняется, а во втором виде скот круглогодично содержится на ферме. Последний вид предполагает стойловое содержание скота и заготовку на зиму кормов.

Перегонное скотоводство имеет, согласно Г. Бёшу, несколько форм. Наиболее известной форма кочевого скотоводства он называет номадизм и не соглашается с представлением о номадизме как примитивной форме хозяйствования [167, с. 57]. Для него номадизм «вполне самостоятельный уклад» [167, с. 5], он «не только наиболее совершенная форма приспособления к специфическим природным условиям степных пространств, но нередко практически единственно возможный способ хозяйствования на них» [167, с. 58].

Далее он переходит к другой особой форме кочевого скотоводства - трансгумациям (или сезонным перегонам скота). Их характерной чертой является перегон скота, при котором жители в отличие от кочевников не сопровождают скот при его перегонах, а нанимают пастухов. Но более важной чертой трансгумаций, по Г. Бёшу, является полное «отсутствие каких-либо связей с оседлым земледелием», несмотря на то, что «этот тип хозяйства существует бок о бок с земледелием и встречается он «за пределами плодородных земель или обрабатываемых полей, виноградников и оливковых рощ» [167, с.59]. Именно этот признак отличает трансгумацию от следующих форм скотоводства - альпийского и отгонного, которые «основаны на использовании усадьбы в долине, где запасаются корма за зиму, когда скот содержится в стойлах, и летних горных пастбищ» [167, с. 60].

Считая неправильным применение некоторыми авторами слов «кочевой» или «трансгумация» к перегонам скота в альпийских районах, Г. Бёш исключает альпийское хозяйство из типологии кочевого скотоводства [167, с. 60-61].

В результате Х. Боеш и С. Березовский составили обобщенную схему типологической классификации перегонного скотоводства, которое включает в себя альпийское хозяйство, трансюманс и номадизм, а также равнинное оседлое, со всеми их подвидами [117, с.40].

Западные ученые представляли себе альпийское хозяйство как переходную ступень от кочевничества к оседлости, характеризующуюся развитием земледелия и скотоводства [117, с. 22]. Главными чертами альпийского хозяйства у них являются «хозяйственно-географическая общность расположенных на определенной высоте летних пастбищ и основных земледельческих поселений с зимним стойловым кормлением скота; движение стада и обслуживающего персонала к пастбищам и обратно; зональный характер альпийского скотоводства, его сезонность и хозяйственно-организационная зависимость от основных поселений» [117, с.41].

Вторая основная форма перегонного скотоводства – трансюманс, характеризуется как «постоянное движение стада и обслуживающего его персонала от зимних к весенне-осенним и летним пастбищам и обратно, во время которого у основных земледельческих поселений, территориально

исключенных из годового цикла ухода за скотом, сохраняются хозяйственно-экономические и организационные функции ведения скотоводства» [117, с. 45].

Трансюманс типологически отличается от альпийского хозяйства по ряду признаков. Например, трансюманс характеризует постоянное перемещение скота с летних пастбищ на зимние, что дает основание считать его промежуточной формой кочевого скотоводства, а альпийское хозяйство - зимнее стойловое кормление животных сеном, что вообще исключено для трансюманса [117, с. 46].

Далее особой формой перегонного скотоводства в западной литературе признан номадизм, у которого вообще нет основных поселений. Он предстает как постоянное кочевание между летними, весенне-осенними и зимними пастбищами, что исключало возможность ведения других форм хозяйственной деятельности, кроме скотоводства.

Переходя к равнинному оседлому скотоводству автор с сожалением констатирует его неизученность: «мы не нашли исследования по общетеоретическим и методологическим вопросам данной формы скотоводства» [117, с.43].

В 50-70-е гг. XX в. ученые социалистических стран также начали активно изучать скотоводство Восточной и Южной Европы, в итоге было издано две коллективные монографии. Так, Л. Фольдеш выделил четыре форм скотоводства: крестьянскую, номадизм, трансюманс и альпийское хозяйство [164, с.11].

Расширение объекта исследования за счет других географических регионов обусловило возникновение различных классификаций скотоводства, но вместе с тем при всем их разнообразии можно свести к двум подходам.

Один из подходов представлен классификацией Р. Капо-Рея, разделившим ее кочевников на типичных, полукочевников и оседлых скотоводов.

Представители альпийской школы создали типологическую классификацию скотоводства, представленную четырьмя видами с соответствующими подвидами: альпийское хозяйство, трансюманс, оседлое скотоводство и номадизм. Г. Бёш, автор «Географии мирового хозяйства», свою типологию скотоводческих хозяйств, как свидетельствует название его работы, строит на основе широкого обобщения, причем следует отметить, что он использует терминологию альпийской школы, правда, выстраивая совершенно другую классификацию.

Если классификация скотоводства альпийской школы выстроена в одну и единую линию, то у Г. Бёша, обозначившего необходимость создания таксономической системы типов скотоводства, она усложнена. Само скотоводство имеет не четыре вида, как у альпийской школы, а лишь два: перегонное скотоводство и скотоводство, основанное на стойловом содержании скота. В свою очередь, перегонное скотоводство представлено тремя

подвидами: кочевничество, альпийское и отгонное хозяйства. Наконец, он дает формы кочевничества: номадизм и трансюманс.

Как видно, решающим признаком классификации скотоводства у западных авторов было территориальное расположение базовых поселений и сезонных пастбищ, которое определяло все остальные стороны ухода за скотом и организации труда в хозяйстве: место сезонного содержания скота, способы кормового обеспечения, удельный вес скота, содержащегося тем или иным способом, степень участия владельцев скота в его содержании.

1.3 Проблема типологии скотоводства в советской литературе в 50 - 70-е гг. XX в.

С середины XX в. советские ученые на основе накопленного материала и в результате его теоретического осмысления также занялись созданием типологии скотоводства и кочевого хозяйства. Особенную актуальность эта проблема приобрела в связи подготовкой историко-этнографических атласов СССР. В 50-70-е гг. появился основной массив специальных исследований, которыми были охвачены все регионы кочевого скотоводства. В этот же период в СССР также началось активное изучение теоретико-методологических проблем скотоводства в зарубежных странах.

Конечно, скотоводство в каждой стране или регионе имеет свои локальные особенности, поэтому географический фактор обусловил большое количество классификационных вариантов и признаков в зависимости от страны и региона кочевания (Средняя Азия, Казахстана, Кавказ, Сибирь, Азия и т.д.)

Но коль скоро речь идет о типологии и систематике скотоводческих хозяйств, то они должны иметь силу и значимость для кочевничества вообще, независимо от региона. В настоящее время существует множество типологических классификаций скотоводческих хозяйств кочевых народов мира, равно как и множество классификационных признаков, но до сих пор отсутствует общепринятая типологическая классификация скотоводческих хозяйств.

На протяжении определенного времени исследователи активно разрабатывали классификацию форм скотоводства, при этом не могли достичь согласия ни об определении самого понятия «форма скотоводства», ни об основных критериях выделения этих форм, ни о терминах, обозначающих конкретные формы скотоводства. Вопрос же о создании единой типологической классификации скотоводства, а не ее форм, возник позже. И поскольку он не решен до настоящего времени, необходимо изучить процесс становления историографии этой проблемы, проанализировать концептуальные подходы каждого исследователя, чтобы выявить сходство и различие их позиций, увидеть узловые проблемы, решение которых позволит прийти к общепринятой классификации и типологии скотоводства. Как известно, научные понятия не открывают, о них договариваются.

Один из недостатков в изучении скотоводства связан с небрежным отношением к его терминологическому аппарату. На протяжении десятилетий слова «тип», «система», «форма» по отношению к скотоводству употреблялись как понятия одного значения. Каждый автор по своему выбору пользовался одним из этих терминов, а Б.Х. Кармышева в своей работе перечислила их одновременно как синонимы: «тип (система, форма)» [111, с. 44].

В этом отношении особо интересна работа С.П. Швецова, изданная еще в 1926г., кстати, на наш взгляд, одна из самых вдумчивых и объективных. Например, он возражает против оценки казахского кочевого хозяйства как крайне отсталого и примитивного. По мнению К.А. Вернера, приведенного в этой статье, «казакское хозяйство до такой степени приспособлено к окружающей природе, так полно отвечает ей, что должно быть признано наиболее продуктивным, при данных условиях» [130, с. 101]. С. П. Швецов выступил против несостоятельной, по его мнению, точки зрения, что тип казахского хозяйства определяется кочевым бытом, который устанавливает уровень умственного и культурного развития казахов. По его утверждению, «Как раз наоборот: типом казакского хозяйства определяется быт казаков, - в одном случае он будет кочевым в его чистом виде, в другом – полукочевым, в третьем оседлым и т.д.» [130, с. 100]. Таким образом, С. П. Швецов одним из первых в советской литературе, задолго до 80-х гг., заговорил не о формах, не о системе, а именно о типологии казахского скотоводческого хозяйства. Он полагает, что тип хозяйства в определенном регионе не может быть случайным: тип хозяйства «всецело зависит от окружающих естественно-исторических условий страны. Рельеф страны, ее климат, почва, орошение, растительный покров и т.п. – вот что создает тип хозяйства» [130, с. 100].

М.-З.О. Османов считает, что одна из наиболее четких формулировок форм скотоводства принадлежит экономисту-аграрнику Л.М. Зальцману [164, с. 20].

Но Л.М. Зальцман писал не о форме скотоводства, такого термина у него нет в лексиконе. У Л.М. Зальцмана читаем: «Под системой ведения животноводства следует понимать весь комплекс взаимоувязанных приемов и методов ведения животноводческого хозяйства», который включает систему кормления и содержания скота зимой и летом, систему производства зимних и летних кормов, систему воспроизводства стада и выращивания молодняка, систему организации труда и т.д. Он пишет о существовании двух крайних систем методов ведения животноводческого хозяйства – пастбищной и стойловой, а также ряда промежуточных систем [230, с. 17].

В научной литературе считается, что определение, данное Л.М. Зальцманом системе скотоводства, так и его критерии выделения этих систем (по виду скота, сезона, зональности, способа кормления и кормозаготовки, воспроизводства стада, организации труда) положило начало в советской историографии формированию понятийного аппарата скотоводства. В 1962 г. Л.М. Зальцман называет уже три системы скотоводства: пастбищную,

стойлово-пастбищную и стойловую, расширив их количество за счет промежуточной - стойлово-пастбищной [231, с. 77].

Как видно, его терминология отличалась от категориального аппарата западных авторов.

В.М. Шамиладзе, считавший необходимым введение единой терминологии, пытался найти западным понятиям их аналоги на русском языке. Он показывает, что кельто-романское слово «Alp» - гора соответствует турецко-арабскому «Yayla» - пастбище в горах. Таким образом, альпийское и яйлажное скотоводство, будучи горным скотоводством, имеют одинаковое значение, правда, большинство советских и нынешних авторов термин «альпийское хозяйство» не употребляют, хотя такое хозяйство имеет место быть в разных регионах.

Также обстоит дело с трансгумансом, которому В.М. Шамиладзе находит синоним – перегонное скотоводство. Правда, В.М. Шамиладзе здесь входит в противоречие с Г. Бёшем, у которого трансгуманс – вид перегонного скотоводства. Таких логически противоречивых ситуаций у него немало. Но об этом позже.

Еще в 1947 г. А.З. Тамамшев предложил другую классификацию скотоводства, выделив три основные формы скотоводства:

- кочевую, когда скот перегонялся с зимних пастбищ на летние без перевода на стойловое содержание,
- полукочевую, когда скот также перегонялся с зимних пастбищ на летние, но по возвращении зимой содержался в селении,
- оседлую, когда скот в течение года находится при селении, когда холодно – в стойле, когда тепло – на выгонах [120, с. 117; 117, с. 53; 164, с. 16]. В отличие от Л.М. Зальцмана он связывал форму скотоводства с образом жизни населения: кочевое и полукочевое население вело кочевое и полукочевое скотоводство, а оседлое население - как оседлое скотоводство, так и отгонное. Впоследствии последнее обстоятельство, противоречащее избранному автором принципу классификации, дало Ю.И. Мкртумяну основание добавить к трем формам скотоводства, выделенным А.З. Тамамшевым четвертую форму – отгонную [120, с. 117].

Классификация кочевого скотоводства Северной Аравии, сделанная в 1952 г. А.И. Першицем и подтвержденная им в 1961 г. в монографии, аналогична классификации Р. Капо-Рея, так и А.З. Тамамшева.

В Северной Аравии А.И. Першиц выделяет бедуинов, которые занимались кочевым скотоводством, т.е. были «чистыми кочевниками», что соответствует «типичным кочевникам» Р. Капо-Рея. Едины оба автора в необходимости различения кочевников и полукочевников. Но если А.И. Першиц пишет о двух группах полукочевников: швайа, у которых основу хозяйства составляло овцеводство, а земледелие носило подсобный, второстепенный характер и райа, у которых земледелие преобладало над скотоводством [232; 233, с. 39]. Р. Капо-Рей последнюю группу относит к оседлым скотоводам.

В 1957 г. два ученых Е.И. Крупнов, изучавший Кабарду, и Т.А. Бунятов, специалист по Азербайджану, касаются форм скотоводства в соответствующих странах. Е.И. Крупнов пишет о простом пастушеском скотоводстве, его превращении в «отгонное», «кошевое» или «яйлажное» (обратите внимание: отгонное, кошевое и яйлажное даны как синонимы). [234, с. 104].

Т.А. Бунятов выделил оседлую и полукочевую форму скотоводства, назвав определяющие их признаки: у полукочевой ФС – это «использование двух различных районов – яйлага и кишлага», а у оседлой ФС - «присельский выпас с возвращением вечером (пастушеская форма)» [164, с. 14].

В литературе получила большое признание классификация скотоводческих хозяйств, созданная в 1961 г. С.И. Руденко на примере казахов и киргизов. Согласно автору, вопрос о формах скотоводческого хозяйства, в том числе кочевого, хотя и привлек внимание исследователей различных специальностей, но все еще не может считаться решенным. Поэтому он счел возможным «высказать соображения о формах скотоводческого хозяйства и формах кочевания применительно к населению зоны евразийских степей, полупустынь и предгорий» [153, с. 2]. Поскольку все ученые, занимающиеся проблемой типологии скотоводческого хозяйства, не оспаривают его приоритет в этой области, имеет смысл подробно изложить его концепцию.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что С.И. Руденко выделил первичную форму скотоводческого хозяйства, а именно «скотоводство оседлых племен, при котором скот содержался в загонах, непосредственно примыкающих к жилищам» [153, с. 3]. Это так называемое пастушеское или отгонное (в горных районах яйлажное) скотоводство, которое возникает и развивается при прочной оседлости.

Следующей формой скотоводческого хозяйства автор называет кочевое или полукочевое скотоводство (обратите внимание: в данном контексте кочевое и полукочевое скотоводство являются понятиями синонимичными). По его мнению, отличие между пастушескими и полукочевыми племенами, «несмотря на наличие постоянной оседлости у тех и других, заключалось в том, что у пастушеских племен со стадами кочевали только пастухи (отгонное скотоводство), а у полукочевых племен со стадами кочевали целые семьи со всем движимым имуществом» [153, с. 4].

Далее С.И. Руденко выделяет в кочевом или полукочевом скотоводстве три варианта.

«Первый вариант: племя, род или более мелкое его подразделение, группа семей имеет постоянную оседлость, но часть семей более или менее продолжительное время года со своими стадами переходят с места на место для их прокорма.

Второй вариант: все племя или род с весны до поздней осени, оставляя свои зимние жилища, кочует со стадами. В обоих вариантах мы имеем дело по существу с полукочевым хозяйством, с циклическим кочеванием, при котором кочевник, имея постоянное зимнее жилище, возвращается к нему ежегодно,

пройдя через весеннее пастбище к летнему, и через осеннее к зимнему» [153, с. 3].

«Третий вариант: все племена или род в течение круглого года переходит с места на место для прокорма стад, нигде не имел постоянных жилищ». Это так называемая форма «таборного кочевания» [153, с. 4].

Таким образом, С.И. Руденко выделил две формы скотоводческого хозяйства: пастушеское и полукочевое или кочевое. Внутри последнего (подчеркнем еще раз, по С.И. Руденко, кочевого или полукочевого) он видит три варианта: два из которых он причисляет к полукочевым, а третий вариант он называет «таборным кочеванием». Основным критерием отделения полукочевого скотоводства от кочевого является наличие или отсутствие постоянной оседлости и связанной с ней наличия или отсутствия постоянных жилищ. При кочевой форме за стадом кочует все население, не имея постоянных жилищ. К полукочевой форме хозяйства автор относит такие, где население кочует с весны до поздней осени, возвращаясь к своим зимним жилищам. Наконец, автор относит к полукочевой форме такие хозяйства, где кочевники имеют постоянные жилища, а со стадом кочуют только пастухи.

Но С.А. Плетнева отметила, что еще раньше С.И. Руденко, в 1959 г., один ученый «четко выделил три формы кочевого хозяйства: кочевое или «таборное» с отсутствием земледелия и оседлости, полукочевое с постоянными зимниками и частичным заготовлением кормов ... полукочевое с параллельным развитием земледелия и оседлости» [191, с. 9]. Этим ученым был С.Е. Толыбеков: «В предреволюционном Казахстане существовало три типа экстенсивно-пастбищного скотоводства: кочевое, полукочевое и оседлое. Они резко отличались друг от друга по уровню своего развития и по форме землевладения и землепользования. Незнание этих трех типов скотоводства многих дореволюционных исследователей Казахстана и Средней Азии, да и других стран приводило к тому, что они всякое экстенсивно-пастбищное скотоводство определяли, как кочевое скотоводство [103, с. 343].

В отличие от Л.М. Зальцмана С.Е. Толыбеков связывал форму скотоводства с образом жизни населения: кочевое и полукочевое население вело кочевое и полукочевое скотоводство, а оседлое население - как оседлое скотоводство, так и отгонное. Впоследствии последнее обстоятельство, противоречащее избранному автором принципу классификации, дало Ю.И. Мкртумяну основание добавить к трем формам скотоводства, выделенным А.З. Тамамшевым четвертую форму – отгонную [120, с. 117].

С.Е. Толыбеков перечислил признаки, которые не учитывались в качестве критериев для различения этих трех форм скотоводства. Это почвенно-климатические условия и размер территории, где происходило кочевание, «виды разводимых животных, количество и дальность передвижений в течение года, существование постоянных зимовок, отграничение своей территории от ближайших соседей, регламентация использования пастбищ данной группы населения по временам года соседями, регламентация использования пастбищ по временам года, и, наконец,

существование сенокошения и хлебопашества». Поэтому многих оседлых или полукочевых скотоводов дореволюционной России, по его мнению, неправильно называли кочевниками [103, с. 343].

Но классификационные критерии скотоводства у С.Е. Толыбекова не ограничиваются вышеописанными признаками. Кочевое, полукочевое и оседлое типы, пишет он, «резко отличались друг от друга по уровню своего развития и по форме землевладения и землепользования», поскольку существовали «параллельно разные формы земельных отношений». Хотя сам автор не вводит формы землевладения и землепользования в вышеназванный список классификационных критериев скотоводства, но на деле они у него таковыми являются.

Против устаревшего схематического деления населения лишь на чистых кочевников и земледельцев, выступил Т.А. Жданко, ссылаясь на С.П. Толстова, который утверждал еще в 1934 г.: «Элементы оседлости и земледелия всегда сопровождают кочевое скотоводческое хозяйство» [152, с.276]. Еще раньше, в 1961 г., он уже помимо кочевого и оседлого населения третьим этнографическим компонентом населения Средней Азии и Казахстана, выдвигал полуоседлое население, сочетавшее земледелие с горно-пастбищным или отгонным скотоводством [151, с.56].

Теперь Т.А. Жданко протестует против представления о терминах «полуоседлое» и «полукочевое» как тождественных, подчеркивая, что полуоседлое население не представляет переходную ступень между оседлым населением и кочевым, а «было на одинаковом уровне развития с кочевыми скотоводами» [152, с. 277].

Т.А. Жданко различает в Средней Азии три вида скотоводства. Прежде всего, 1) меридиональное кочевание с юга на север в полупустынных и пустынных зонах, 2) вертикальное кочевание в горных областях юга и юго-востока - на лето с равнин в горы, 3) сочетание отгонного скотоводства с оседлым земледелием, отличавшее полукочевников с комплексным скотоводческо-земледельческим хозяйством, которые жили на севере и на окраинах оазисов [152, с. 277].

Так, с одной стороны, появилась традиция отделения кочевой формы скотоводства от полукочевой, и, с другой стороны, не различения, и, как правило, смешения полукочевой формы с полуоседлой.

В отличие от С.Е. Толыбекова В.Ф. Шахматов выделил «пять основных наиболее четко очерченных в своих особенностях типов хозяйства.

1. Чисто кочевое хозяйство, не связанное с земледелием и сенокошением.
2. Кочевое хозяйство, имеющее посевы и занимающееся сенокошением.
3. Полуоседлое скотоводческое хозяйство, не имеющее посевов, но производящее запасы сена на зиму.
4. Оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство, для которого в равной степи степени характерны разведение скота и земледелие, но в условиях оседлости при содержании скота летом на выгонах или на близких пастбищах.

5. Оседлое земледельческое хозяйство, для которого земледелие служило основным источником дохода» [105, с.163].

Далее автор пользуется термином «форма хозяйства». Второй и третий типы хозяйства автор относит к полукочевой или смешанной форме хозяйства, Таким образом, у него два чистых типа хозяйства: чисто кочевое хозяйство и оседлое земледельческое хозяйство (1 и 5 типы). Между ними располагаются полукочевая (смешанная) форма и оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство, представляющее 4 тип [105, с.165 -167].

У С.М. Абрамзона количество систем скотоводства выросло до пяти. Он добавил к стойловой, стойлово-пастбищной и пастбищной системам, имевшимся в классификации Л. М. Зальцмана, отгонную и яйлажную. Поскольку при классификации он исходит из характера содержания скота и его выпаса, естественно, что в его классификации не может быть места кочевому скотоводству [113, с. 43-44]. Интересно, что позже он напишет, что «главным занятием киргизов в течение многих веков было кочевое и полукочевое скотоводство, имевшее экстенсивный характер» [114, с.71]. «Но скотоводство у киргизов уже давно сочеталось с земледелием, которое, как правило, существовало не обособленно, а входило неразрывной частью в хозяйство кочевого аила» [114, с.72]. «Полный цикл кочевания сохранялся только в богатых и зажиточных хозяйствах... Бедняцкие же хозяйства ... самостоятельно совсем не кочевали» [114, с.73].

Б.А. Калоев довел количество систем скотоводства до шести. В отличие от Л. М. Зальцмана и С.М. Абрамзона, во-первых, этот список он начал с кочевой, во-вторых, отказался от пастбищной и, в-третьих, добавил пастбищно-выгонную систему. В результате появилась такая группировка систем скотоводства: кочевая, отгонная, стойловая, стойлово-пастбищная и яйлажная, пастбищно-выгонная [235, с. 18, 35].

В отличие от Б.А. Калоева, составившего классификацию скотоводческих хозяйств, характерную для Кавказа, Б.Х. Кармышева на примере узбеков-локайцев и других групп южных регионов Узбекистана и Таджикистана выделила четыре основных типа скотоводства: отгонно-пастбищный, кочевой, выгонный и стойлово-выгонно-яйлажный [110, с.44].

Прежде всего, надо отметить, что, Б.Х. Кармышева пишет уже о типах скотоводства. Впоследствии она будет отстаивать идею создания типологии скотоводческих хозяйств, пока автор в скобках рядом с термином «тип» ставит как однозначные понятия слова «система», «форма».

Что положила Б.Х. Кармышева в основу своей классификации, можно увидеть из описания каждого типа.

При отгонно-пастбищном типе скотоводства «основное поголовье скота круглый год содержалось на сезонных пастбищах, находясь большую часть времени года под присмотром пастухов; население же совершало две или три перекочевки» [110, с.45-46].

Кочевой тип Б.Х. Кармышева характеризует так: «… скотоводы вместе с семьями передвигались вслед за скотом по сезонным пастбищам, меняя место

стоянки по мере стравливания пастбищ ... Кочевали по определенным маршрутам в пределах территории своей родо-племенной группы; только летовки могли находиться за пределами этой территории» [110, с. 47-48].

При выгонном типе скотоводства, который был характерен для оседлого населения, «во все сезоны пасли скот на пастбищах недалеко от селения» [110, с. 48].

Стойлово-выгонно-яйлажный тип был также характерен для оседлого населения горной зоны. «Скотоводство у этой группы населения играло большую роль, чем у оседлых жителей равнин и предгорий, занимая второе место после хлебопашества». Весной скот выгоняли пастбище около селения, а при появлении на полях всходов отгоняли его на удаленные от селений летние пастбища, туда переселялись и часть жителей, а осенью скот снова пасли около селения [110, с.49].

К продекларированным четырем типам скотоводства Б.Х. Кармышева добавляет еще стойловый тип скотоводства, бытовавший в некоторых крупных городах, тем самым доводя количество типов скотоводства до пяти [110, с. 49].

Следовательно, Б.Х. Кармышева, как ранее, Л.М. Зальцман, позже С.М. Абрамзон и Б.А. Калоев, положила в основу своей классификации характер содержания скота и способ выпаса, причем она не была в этом всегда последовательна. Примечательна у нее следующая фраза: «Таким образом, скотоводство полукочевых узбеков южных районов Узбекистана и Таджикистана в конце XIX – начале XX в. было отгонно-пастбищным, так как само население не совершало вместе со скотом полного цикла кочевания» [110, с. 46]. Для Б.Х. Кармышевой термин «полукочевой» здесь связан не с характеристикой типа хозяйства, а образом жизни. Но в таком случае термин «кочевой» неоднозначен: он обозначает как образ жизни, так и тип скотоводческого хозяйства.

Итак, к началу 70-х гг. в советской историографии сложилось два основных концептуальных подхода к классификации скотоводства. Как уже отмечалось, начало первому подходу положил Л.М. Зальцман, в основе его классификации лежал характер содержания скота и способ выпаса, причем его последователи внесли свои вариативные особенности.

Второй подход к классификации скотоводства заключался в разделении скотоводческих хозяйств на кочевые, полукочевые / полуоседлые и оседлые, здесь также не имелось абсолютного единства взглядов.

70-е гг. XX в. примечательны тем, что в этот период появились монографии и крупные статьи советских ведущих этнографов: С.Е. Толыбекова, В.Ф. Шахматова (Казахстан), Ю.И. Мкртумяна (Армения), С.И. Вайнштейна (Тува), Г.Е. Маркова (Азия), Г.Н. Симакова (Киргизия), Б.В. Андрианова (Мир) и других, посвященные развитию скотоводства в различных регионах, а впоследствии принявших участие в дискуссии первой половины 80-х гг.

В 1971 г. С.Е. Толыбеков издал в переработанном и расширенном виде свою прежнюю монографию под новым названием «Кочевое общество казахов

в XVII – начале XX вв.» [104]. С.Е. Толыбеков сохранил свой концептуальный подход о трех типах пастбищно-экстенсивного скотоводства: кочевого, полукочевого и оседлого, и критериев их выделения. Согласно С.Е. Толыбекову, с точки зрения формы землевладения между кочевым и полукочевым скотоводством имеется большое отличие: «Всякое кочевое скотоводство есть пастбищно-экстенсивное скотоводство, но не всякое пастбищно-экстенсивное скотоводство есть кочевничество» [104, с. 461]. Так, у чистого кочевого скотоводства не было закрепленных зимовок и летовок, определенных весенних, осенних, зимних и летних кочевий [104, с. 467]. Основной признак полукочевого хозяйства – пребывание на одном месте не менее 6 месяцев в году, общинно-аульная форма землевладения, сокращение кочевания, расширение поголовья крупного рогатого скота, расширение посевной площади, наличие сенокошения и постоянных жилищ [104, с. 474-477]. Оседлый тип пастбищно-экстенсивного скотоводства отличали постоянные зимовки, постройки для скота и жилье, занятия сенокошением и хлебопашеством, [104, с. 482] общинно-аульная форма землевладения с элементами частной собственности на землю [104, с. 483].

Игнорирование различий в хозяйственной жизни казахов С.Е. Толыбеков считал методологическим недостатком, характерным для многих исследований о дореволюционном Казахстане. Он выступал против отрицания «различий между существовавшими типами хозяйств - скотоводческим, кочевым, полукочевым и оседлым» [104, с. 495]. Также он выступал против представления экономики казахского общества только в виде чисто кочевого хозяйства, как это делал С. Зиманов. По его мнению, в конце XIX - начала XX вв. Казахстан не был краем сплошного «кочевого скотоводства». «Чисто кочевое хозяйство» на территории Казахстана существовало в XV-XVIII вв., а в пустынной и сухостепной продолжало сохраняться еще в конце XIX - начала XX вв. [104, с. 463].

Активно занимался проблемой типологии скотоводства на примере армянской деревни Ю.И. Мкртумян. В конце 60-х гг. он, подчеркивая, что ведущей формой хозяйства армян было земледелие, просто отметил наличие у них двух форм скотоводства: отгонно-пастбищной, когда скот находится на летовках и зимовниках и оседло - пастбищной форма, когда животные содержались при селении [119, с. 16].

Но уже в следующей работе (1971 г.) Ю. И. Мкртумян отмечает неизученность форм скотоводства у народов Закавказья, которая «проявляется в том, что нередко разные авторы (иногда одни и те же), описывая одну и ту же или весьма сходные формы скотоводства», используют такие определения, как «полукочевая», «яйлажная», «альпийская», «двузонная», «полукочево-отгонная» и др.», которые в результате становятся синонимами [120, с. 118]. Он подчеркивает необходимость четкости и определенности в терминологии, которая имеет большое значение, поскольку, во-первых, «определение является научным обобщением», во-вторых, «она создает необходимую основу

для сравнительно-исторического и типологического изучения скотоводства» [120, с. 118].

Классификационная схема скотоводства у Ю. И. Мкртумяна строится на основе изучения «форм скотоводства», поэтому, прежде всего, по его мнению, нужно установить, что является содержанием «форма скотоводства». Для него «определить форму скотоводства - это значит выделить те специфические признаки, которые являются более или менее устоявшимися и, во-вторых, будучи взятыми в совокупности, дают основу для различения одной формы от другой» [120, с. 118].

Под влиянием определения, данного в свое время Л.М. Зальцманом, в содержание формы скотоводства он включает такие приемы и методы ведения хозяйства, как особенности содержания скота в различные периоды года, система заготовки кормов и кормлений, система воспроизводства стада и система организации труда [120, с. 119]. Одновременно подчеркивает, что нельзя ограничиваться Зальцмановскими приемами и методами ведения хозяйства и полагает, что для правильного определения формы скотоводства нужен учет таких факторов, «как уровень социально-экономического развития, особенности политической истории страны, соотношение различных отраслей скотоводства, особенности кормовой базы и уровень развития других отраслей хозяйства» [120, с.119].

Теперь, выделяя формы скотоводства, Ю.К. Мкртумян следует не за Л.М. Зальцманом, когда ранее говорил о двух формах скотоводства: отгонно-пастбищной и оседло - пастбищной форме. Теперь он позиционирует себя как сторонник классификации А.З. Тамамшева. У А.З. Тамамшева были, как отмечалось выше, три основные формы скотоводства: кочевая, полукочевая и оседлая [120, с. 117]. Ю.К. Мкртумян добавляет к формам скотоводства А.З. Тамамшева отгонную форму и утверждает, что существуют четыре основные формы скотоводства: оседлая (подтипы: долинная и горная) [120, с. 121], отгонная, [120, с. 123], полукочевая и кочевая формы [120, с. 125]. В итоге к его трем формам скотоводства, выделенным по образу жизни – кочевой, полукочевой и стационарной (оседлой), он добавляет отгонную форму, представляющую форму выпаса скота

Отгонная форма у Ю.И. Мкртумяна представлена различными подтипами, в том числе альпийским, трансюмансом и др. «Характерной чертой всех этих подтипов был отгон различных видов скота на удаленные от основных поселений пастбищные участки в различные периоды года ... с переселением также части населения на временное жительство для ухода за скотом и для ведения молочного хозяйства» [120, с. 123].

Что касается полукочевого хозяйства, автор подчеркивает, что в нем в незначительной мере присутствует земледелие и есть существенные элементы оседлости. Но основным занятием населения остается скотоводство и поэтому по образу жизни полукочевое населения ближе к кочевому, нежели к оседлому. Полукочевое хозяйство выступает у него как переходная форма от экстенсивной формы ведения хозяйства к интенсивной.

Автор не приемлет встречающееся в литературе определение отгонного скотоводство как полукочевого (например, у Б.Х. Кармышевой), так как считает, что отгонное и полукочевое скотоводство «это фактически качественно различные способы ведения хозяйства», с различной степенью интенсивности хозяйства и определенными элементами культуры и быта [120, с. 128].

В следующей статье Ю. И. Мкртумян вновь поднимает вопрос о классификации форм скотоводства [236]. Он вновь повторяет, что нужно установить, что те специфические признаки, которые дают основу для различения одной формы от другой. По его твердому убеждению, именно отсутствие единых принципов классификации форм скотоводства привело к тому, что исследователи используют понятия, различающиеся словесной формой, но обозначающие одну и ту же форму скотоводства («полукочевой», «яйлажный», «альпийский», «двузонный», «отгонный», «полукочево-отгонный»).

Самое главное, что Ю. И. Мкртумян впервые отмечает в литературе некоторую «нечеткость при использовании таких дефиниций как форма скотоводства, тип скотоводства, система скотоводства», [236, с. 62] которые также не имеют однозначного содержания. Он не только подмечает этот недостаток, но и сам пытается четко разграничить содержание этих понятий. Так, он считает, что под формой скотоводства «понимаются не только особенности содержания скота в различное время года, система заготовки кормов и кормления, система организации труда, но и определенные элементы материальной культуры и быта народа, обусловленные действием перечисленных факторов» [236, С.61-67].

С.И. Вайнштейн, так же, как и С.И. Руденко, свой нарратив о формах кочевания начинает с описания характерного для тувинцев цикла кочевания, когда зимники располагались в горах, весенние и осенние стоянки – в предгорных долинах рек, а летние - в верховьях горных рек.

Такой тип кочевания обычно в литературе называется вертикальным или горным. Но автор считает, что «термин «вертикальный», или «горный», тип кочевания недостаточно полно отражает специфику различных режимов кочевания скотоводов в горностепных и горно-таежных условиях», потому что для них были характерны несколько типов кочевания [124, с. 66].

Первый тип кочевания он называет равнинно-горным, когда зимние пастбища находятся на равнинах, а летние - в горах, т.е. кочевание идет по схеме «равнина - горы – равнина». К этому типу кочевания близка яйлажная форма скотоводческого хозяйства [124, с. 66].

Второй тип кочевания - горно-равнинный, происходящий по схеме горы - равнина – горы, здесь зимники расположены в горах, а летники на равнине [124, с.67].

Третий тип кочевания - горно-предгорный тип, в этом типе летники и зимники в горах, его схема – горы – предгорья – горы [124, с.68].

Четвертый тип кочевания - горный тип, при нем весь цикл кочевания происходит в горах [124, с. 69].

Далее С.И. Вайнштейн переходит к анализу классификации скотоводческих хозяйств, сделанную И.С. Руденко, «применительно к населению степей, полупустынь и предгорий».

Как уже отмечалось, в типологии форм скотоводческих хозяйств, сделанной С.И. Руденко, первые свои два варианта относит к полукочевому скотоводству, а третий - к кочевому. Первый вариант полукочевого общества предполагает постоянную оседлость части семей, рода, племени; второй вариант характеризуется существованием на зимниках постоянных жилищ, третий вариант, так называемое «таборное кочевание» - это незамкнутое кочевание без постоянных жилищ.

С.И. Вайнштейн приходит к выводу, что «материалы по тувинскому скотоводству XIX – начала XX в. не позволяют охарактеризовать его форму по какому - либо их этих трех вариантов» [124, с. 70].

С.И. Вайнштейн согласен с С.И. Руденко, что полукочевую форму скотоводства характеризует появление постоянных жилищ на зимниках - кышлагах, но у тувинцев в XIX – начале XX в. не было кочевых хозяйств, в которых часть населения вела бы оседлый образ жизни, а постоянные жилища стали появляться только к концу XIX в. Но тувинское скотоводство нельзя было отнести и к третьему варианту, потому что они тувинцы кочевали по замкнутому циклу с более или менее постоянными зимниками, а классификация С.И. Руденко включала скотоводческие хозяйства с незамкнутым циклом кочевания, т.е. таборное кочевание. Именно в этом месте и возникла претензия С.И. Вайнштейна к С.И. Руденко, потому что его классификация не учитывала замкнутый цикл кочевания. Тем не менее, Вайнштейн считает полезным опыт, предпринятый С.И. Руденко, так как «несмотря на важность выработки критериев для различения кочевых, полукочевых и полуоседлых форм скотоводческого хозяйства, до сих пор общепринятой точки зрения нет», - констатирует С.И. Вайнштейн, полагая, что указанные недостатки классификация С.И. Руденко побудили его обратиться к данному вопросу [124, с. 71].

В результате С.И. Вайнштейн разделил скотоводческие хозяйства на кочевые, полукочевые, полуоседлые и оседлые хозяйства [124, с. 74]. В литературе считают, что он ввел первым в советскую литературу термин «полуоседлое» хозяйство, хотя, на наш взгляд, первенство принадлежит Т.А. Жданко.

К кочевым формам скотоводческого хозяйства он относит все его варианты, начиная «чистого кочевания» или «таборного кочевания» с незамкнутым циклом (которое встречается редко) «до замкнутых циклических кочеваний по определенным маршрутам и с более или менее постоянными зимниками, но без постоянных жилищ на них» [124, с. 71]. С.И. Вайнштейн видит здесь «две основные формы кочевания: непрерывное и с более и менее продолжительными сезонными стоянками», [124, с.72] при этом отмечает, что

«непрерывное кочевание без каких-либо сезонных стоянок – явление в истории кочевничества весьма редкое, вызываемое не столько географической средой», а скорее угрозой военных нападений [124, с. 72].

К полукочевым он относит хозяйства, «которые, совершая сезонные перекочевки, каждую зиму возвращаются на одно и то же место», где у них есть постоянное жилище [124, с.73]. К полуоседлым хозяйствам относятся те, которые совершают сезонные перекочевки (обычно две), имея на каждом месте переселения постоянные жилища [124, с.73]. Это форма скотоводства, которую называют также яйлажной, которую С.И. Вайнштейн считает переходной формой от пастушеского к кочевому скотоводству [124, с. 74]. Наконец, есть оседлые хозяйства, живущие круглый год на одном месте, содержащие скот, заготавливая корм для скота на зиму. Понятно, что речь идет здесь о 30-гг. XX в. [124, с. 74]. Как видно, С.И. Вайнштейн для различения кочевых, полукочевых и полуоседлых форм хозяйства использует одновременно с характером и сезонностью перегонов скота, также и особенности селений и жилищ (временных, переносных или постоянных). Именно они становятся критериями, при разработке С.И. Вайнштейном типов скотоводства.

Кроме того, С.И. Вайнштейн различает тип кочевания и тип кочевого хозяйства. Тип кочевания у него «зависел от ряда причин, в числе которых определяющими были рельеф и характер пастбищ, состав стада и традиция», [124, с. 69] а в определении типа кочевого хозяйства играли большую роль такие факторы, как оседлость и наличие постоянных жилищ.

В отличие от большинства его предшественников А.М. Хазанов в основу выделения форм скотоводства положил географический фактор, который определяет видовой состав скота: «Номадизм на земном шаре представлен пятью главными формами: североафриканско-переднеазиатской (овцы, козы, верблюд), африканской к югу от Сахары (коровы), евразийской (овцы, лошадь, имеется крупный рогатый скот), тибетской высокогорной (як) и североазиатской (олень)» [190, с.6].

Евразийская форма кочевания, по А.М. Хазанову, это кочевое скотоводство, представленное «различными типами и вариантами», которые, в свою очередь, определяются характером кочевания [190, с. 10.]. Таких только самых основных типов кочевания он насчитал пять:

1. все население кочует, не имея стабильных маршрутов перекочевок, так называемое таборное кочевание, которое представляет экстраординарный случай и вызван переселениями и захватами.
2. кочует все население круглогодично по относительно неустойчивым меридиональным или радиально круговым маршрутам, не имея стабильных зимников.
3. все население кочует по стабильным маршрутам, имея постоянные зимники и не занимаясь земледелием.
4. кочует все население весной, летом и осенью в меридиональном или вертикальном направлениях, возвращаясь к постоянным жилищам, есть земледелие, но как подсобный вид.

5. часть населения кочует большую часть года в меридиональном или вертикальном направлениях, другая часть живет оседло, занимаясь земледелием [190, С. 11].

Автор относит два последних типа кочевания не к кочевому хозяйству, а полагает, что это разновидности полукочевого хозяйства Примечателен следующий вывод автора. Во-первых, он считает, что именно эти два последних типа кочевания были характерны для степной зоны Евразии, и «поэтому многие из тех, кого традиционно называют кочевниками, в строго научном смысле являлись полукочевниками [190, с. 11]. Но еще более замечателен его следующий вывод, «о преобладании в евразийских степях полукочевников распространяется на кочевников не только нового времени, но и средневековья и древности, в том числе и таких, за которыми прочно установилась репутация чистых номадов» [190, с.11].

Г.Е. Марков начинает свою монографию с постановки ряда теоретических проблем кочевничества, которые еще не получили необходимого разрешения. Прежде всего, нет единства в понимании самих терминов «кочевничество», «кочевое» «полукочевое», «полуоседлое» скотоводство. Отсутствует единое понимание того, кого можно относить к кочевникам: пеших и конных охотников? только «чистых», очень подвижных скотоводов? или полукочевников и полуоседлое население? От чего зависит определение типа скотоводческого хозяйства? [4, с. 9].

Г.Е. Марков, также, как и С.И. Вайнштейн, считает, что непрерывное кочевание было специфическим явлением, связанным с эпохой войн и переселений, [4, с. 282] и отмечает существование различных способов кочевания, зависящих от природной среды. В хозяйстве кочевников то большую, то меньшую роль играли земледелие, торговля, ремесло и т.п. Но основу комплексного хозяйства кочевников «всегда составляло экстенсивное скотоводство в условиях сезонных перекочевок» [4, с. 9].

Хозяйство кочевников имеет две разновидности: кочевое и полукочевое. Причем различия между ними, по Г.Е. Маркову, довольно условны: кочевники более подвижны, полукочевники несколько больше заняты земледелием, вместе с тем социально-экономические отношения у них качественно не различаются, а формы общественной организации и социальной структуры весьма схожи [4, с. 9-10]. Предлагаемая некоторыми дальность перекочевок не может служить критерием для определения типа скотоводства, таким образом нельзя найти универсальный критерий различения кочевого и полукочевого хозяйства [4, с. 209].

Более важен для автора вопрос о полуоседлости. Он выступает против отнесения скотоводства в полуоседлом и тем более оседлом хозяйстве к кочевничеству, так как в этих хозяйствах земледелие становится ведущим занятием, а скотоводство играет подчиненную или вспомогательную роль [4, с. 10, с. 210, с.283]. По мнению автора, исследователи зачастую смешивают способы ведения скотоводческого хозяйства у полукочевого и полуоседлого населения. У полуоседлого населения скотоводство выступает как пастушество,

оно имеет отгонную форму, только пастухи перегоняли стада на отдаленные пастбища, а основная часть населения занималась земледелием и другими работами. У полукочевников большая часть населения, для которого скотоводство - главное занятие, кочует с одного сезонного пастбища на другое [4, с. 283].

Наконец, Г.Е. Марков в этой работе высказал идею, которая позднее будет концептуально развита и согласно которой подвижное скотоводство отличается от кочевничества как по сущностным хозяйственным, так и социальным компонентам [4, с.29].

Как считает Г.Н. Симаков, он первым попытался дать типологию скотоводческого хозяйства у киргизов. По его мнению, избранные им принципы выделения типов скотоводческого хозяйства, и терминология несколько отличаются от общепринятых в этнографической литературе по Средней Азии [237, с. 14].

Главным критерием, - считает он, - является «наличие или отсутствие зависимости скотоводческого хозяйства от земледелия (а при наличии такой зависимости – ее степень)». Далее идет длинный список остальных критериев, к которым он относит, состав стада, наличие или отсутствие сенокошения (степень его развития), продолжительность и протяженность маршрута кочевания, сезонную или постоянную оседлость (длительность пребывания скотоводческих хозяйств на одном месте), наличие или отсутствие стационарных помещений для скота и регулярного кормления с помощью заранее заготовленных кормов; степень развития отгона стада, характер использования различных видов скота в хозяйстве, формы организации выпаса скота; количество постоянно кочующих членов семьи, а также продолжительность их пребывания на кочевье и на призимовочной территории, соотношение культурных угодий (посевов и сенокосов) и пастбищных угодий (выгонов) на призимовочной территории [237, с. 14-15]. Но главным критерием у Г.Н. Симакова является образ жизни, от которого зависят все остальные многочисленные критерии, которые автор считает необходимыми при классификации форм скотоводства.

Автор отмечает, что «в киргизоведческой литературе по скотоводству часто в одном и том же значении употребляются термины «тип», «форма» и «система скотоводческого хозяйства», хотя «каждый из них имеет свое специфическое значение» [237, с. 15]. Замечание сделано в весьма скромной форме, если учесть, что оно справедливо по отношению ко всей советской этнографической литературе. Поэтому можно только высоко оценить его попытку дать свой однозначный смысл каждому из этих терминов.

Под формой скотоводческого хозяйства, - Г.Н. Симаков понимает способ выпаса и содержания скота. В качестве форм скотоводческого хозяйства перечисляет пастбищную, отгонную, выгонную и стойловую. Считая форму скотоводческого хозяйства отправным элементом классификации, автор дает конкретное описание каждой из четырех форм скотоводства.

По его мнению, существуют две системы скотоводства: система кочевого скотоводства и система оседлого скотоводства. Каждая из них имеет характерные только для нее формы хозяйства. Основой системы кочевого скотоводства является пастбищная форма, а отгонная, выгонная и стойловая формы скотоводства составляют систему оседлого скотоводства.

Тип (или подтип) скотоводства определяется тем или иным сочетанием форм скотоводства и их хозяйственным значением [237, с. 15].

В соответствии со своими принципами классификации Г.Н. Симаков выделил три основных типа скотоводческого хозяйства: кочевой, переходный или смешанный и оседлый и дал описание каждому типу [237, с. 16].

Вот пример описания кочевого скотоводства в его «чистом» варианте: он совсем не связан с земледелием, скот круглогодично находится на подножном корме и кочует с одного сезонного пастбища на другое, почти отсутствует сенокошение, кочевник вместе с семьей постоянно находится со скотом, нет помещений для скота, отсутствует место зимнего стойбища, кочевание связано с перемещением на большие расстоянии, в стаде отсутствует крупный рогатый скот и состоит оно из овец, лошадей и верблюдов, особо важное значение имеют транспортные виды скота. Г.Н. Симаков, как и многие этнографы, считал, что кочевое хозяйство к концу XIX в. уже исчезало [237, с. 17].

Автор подчеркнул, что в киргизоведческой литературе по скотоводству отсутствует четкая терминология для обозначения типов скотоводческого хозяйства. Термин «кочевое скотоводство» неоправданно употребляли для обозначения хозяйства, где применялись формы скотоводства, характерные для оседлого скотоводства и наоборот термин «оседлое скотоводство» используют для описания хозяйств, где кочевание со скотом сохраняет большое значение.

Термины же «полукочевое» и «полуоседлое», используемые для обозначения различных ступеней переходного характера от кочевого к оседлому, дублируют друг друга. Поэтому Г.Н. Симаков вводит в типологию скотоводства переходный или смешанный тип, который имеет полукочевой, промежуточный и полуоседлый подтипы, «которые отличаются друг от друга разной степенью сохранения традиционных кочевых форм, с одной стороны, и развитием форм, присущих оседлому скотоводству, - с другой» [237, с. 20].

Что касается оседлого скотоводческого хозяйства, то «скотоводство окончательно утратило самостоятельность и совсем не было связано с кочеванием» [237, с. 25].

Нестандартно подошел к классификации скотоводческих хозяйств Б.В. Андрианов [158, с. 213]. Сделав обзор классификаций и терминологии форм неоседлого образа жизни, опираясь на классификацию В. Мюллера-Вилле и Ю.И. Семенова, он разделил население мира на две группы. В качестве критериев классификации были взяты показатели пребывания населения на зимниках и временных стоянках.

Первую группу, ведущую самый подвижный образ жизни, он назвал «подвижно-бродячей», выделив бродяче-оседлый, оседло-бродячий,

переменно-оседлый и годовую оседлость с сезонной миграцией части населения. Это - образ жизни собирателей, охотников и примитивных рыболовов с характерным для них присваивающим хозяйством.

Вторую группу неоседлого подвижного населения составили многообразные формы кочевого и полукочевого скотоводческого населения, знакомые не только с разведением домашнего скота, но и земледелием. В зависимости от степени подвижности образа жизни здесь были выделены 5 следующих групп: подвижно-кочевой, кочевно-оседлый, оседло-кочевой, переменно-оседлый и годовая оседлость с сезонной миграцией части населения [158, с. 123].

В.М. Шамиладзе в качестве теоретической основы своей монографии применил концептуальные конструкты европейских ученых. Классификация форм скотоводства, составленная европейскими учеными, в частности Г. Бёшем и С. Березовским, в изложении В.М. Шамиладзе выглядит следующим образом: существуют две главные формы скотоводства - оседлая и перегонная. Сама перегонная форма объединяет альпийское хозяйство, трансюманс и номадизм, каждый из которых имеет свои подвиды. Основным принципом европейской классификации он полагает территориальное расположение поселений и сезонных хозяйственных баз и их хозяйственно-экономические и организационные отношения [117, с. 48].

По мнению В.М. Шамиладзе, на схеме Г. Бёша дана лишь общая формула номадизма и в ней не показаны его подвиды. Автор перечисляет три подвида: меридиональное (кочевание с севера на юг и обратно), вертикальное (кочевание от равнинных летних пастбищ к горным зимним и обратно) и циклическое (перемещение вокруг колодцев и оазисов) [117, с. 47 - 48]. Также он называет такой его переходный подвид как полукочевое скотоводство или полуномадизм. Основан он на частично кочевом образе жизни, другим его признаком является «возникновение в зоне зимних пастбищ поселений и земледельческих баз», что должно привести от постоянного кочевания к трансюмансу или альпийскому скотоводству.

Что касается равнинного оседлого скотоводства, В.М. Шамиладзе с сожалением констатирует его не изученность [117].

По мнению В.М. Шамиладзе, этнографический и литературный материал по Грузии и Кавказу подтверждает эти четыре основные формы скотоводства со всеми их подвидами. Итак, это горное скотоводство (такой синоним дает автор альпийскому хозяйству). Остальные три формы скотоводства звучат в вышеприведенных терминах: трансюманс, кочевое и равнинное.

По В.М. Шамиладзе, главным критерием, определяющим форму хозяйства, является «резко выраженная зональность как хозяйственно-географический фактор, который оказывал определенное влияние на социальную организацию общества». Только затем он придает особое значение уже выше приведенным признакам: «территориальному расположению поселений и сезонных пастбищ и сенокосов, их хозяйственным взаимоотношениям и вытекающим отсюда характерным особенностям

семейного быта, связанным с организацией ведения той или иной формы скотоводства. Таким образом, основные признаки типологической классификации, наряду с хозяйственно-культурными аспектами этой отрасли, включают в себя компоненты социальной организации и приобретают определенное значение с точки зрения изучения и определения уровня социально-экономического развития общества. Все остальные стороны хозяйственно-организационного ведения скотоводства, в частности, годичный цикл ухода за скотом, заготовка корма и режим кормления, формы эксплуатации пастбищ и параллельных хозяйственных баз и т.д. определены основными признаками типологической классификации и отражают характерные особенности отдельных форм и подвидов скотоводства» [117, с. 59]. Но В.М. Шамиладзе не последователен в своей классификации скотоводства, так как горный и равнинный типы выделены по географическому, зонному принципу, трансюманс - по способу содержания скота, а номадизм по образу жизни населения.

В.П. Курылев в скотоводческом хозяйстве казахов второй половины XIX - начала XX в. традиционно выделяет три типа: кочевое, полукочевое и оседлое [238, с.166]. Характерной формой кочевания считает меридиональную форму кочевания, но автор ничего не говорит о вертикальном кочевании, хотя высокогорные области Алтая, Джунгарского Алатау и Тянь-Шаня, не говоря уже о Казахском мелкосопочнике в Сарыарке, логически требуют ответа на этот вопрос.

Кочевое скотоводство В.П. Курылев определяет, как пастбищную систему выпаса, основанную на круглогодичном содержании скота на подножном корму [238, с. 166]. Он определяет кочевничество как производственный процесс, «при котором сезоны года отличались друг от друга количеством перекочевок в течение года, длиной перекочевок за один день, а также различием основных хозяйственных задач, стоящих перед кочевниками в каждый период» [238, с. 167]. Характерными признаками кочевого хозяйства казахов была большая протяженность маршрутов перекочевок, доходивших иногда до тысячи и более километров. Необходимость совершения перекочевок в течение всего года приводило к отсутствию постоянных жилищ [238, с. 168].

Отличительными признаками полукочевого типа скотоводства, по заключению В.П. Курылева, были пастбищно-полустойловое содержание скота (кочевали лишь три сезона, а зимой оставались на зимней стоянке), состав стада, [238, с. 169], использование, как переносного жилища, так и зимнего стационарного жилища, [238, с.170] сенокошение, занятие в той или иной степени земледелием, что означало его комплексный характер [238, с. 168]. Качественное различие этих двух типов: кочевого и полукочевого привело В.П. Курылева к мысли считать необоснованным предложение Г. Маркова об их объединении в рамках одного хозяйственно-культурного типа [238, с. 168 -169].

Полукочевое скотоводство было наиболее распространенным типом скотоводства на территории Казахстана, например, в 20-е гг. XX в. кочевые хозяйства составляли 25% от общего количества [238, с. 168].

Оседлое скотоводство характеризуется автором отгонно-стойловым содержанием скота, отсутствием перекочевок и второстепенным хозяйственным значением скотоводства [238, с.170].

М.К. Кадырбаев, характеризуя скотоводство кочевников-казахов, ссылаясь на С.Е. Толыбекова, придерживается традиционной для казахстанских историков точки зрения о трёх типах скотоводства: кочевом, полукочевом и оседлом. Вслед за С.И. Руденко, он представил кочевое скотоводство в трех вариантах: как непрерывное кочевание, как подвижное скотоводство с относительно стабильным характером зимних стоянок и, наконец, кочевание с замкнутым циклом и с устойчивым возвращением на зимние стоянки [239, с. 37].

В 70-е гг. возникшие ранее два основных концептуальных подхода к классификации скотоводства пополнились новыми вариативными особенностями, заключавшимися в количестве форм (систем, видов, типов) скотоводства и их обоснования.

К тому же появилась смешанная классификация, которая характеризовалась набором типов скотоводства их двух основных подходов.

Совершенно новый подход к классификации предложил А.М. Хазанов, вложив новое содержание в термин «форма скотоводства», понимая под ним не образ жизни, не характер содержания скота и способ выпаса, а географический фактор, создав тем самым новый вид классификации, обоснованный географическим фактором и соответственно видовым составом скота. При этом каждая форма скотоводства была представлена различными типами, которые, в свою очередь, определялись характером кочевания, например, евразийская пятью типами.

Естественно, возникла проблема, связанная с отсутствием единства в понимании самих терминов кочевничества и сформулировал ее Г.Е. Марков, который, например, показал, что подвижное скотоводство отличается от кочевничества как по сущностным хозяйственным, так и социальным компонентам. Но некоторые этнографы недооценивали роль Г.Н. Симакова, который дал свое специфическое значение терминам «тип», «форма» и «система скотоводческого хозяйства», до него употреблявшимся как синонимичные понятия, и главное, он первым попытался дать не классификацию скотоводческих хозяйств по их форме, а поставил и решил задачу создания типологии скотоводческого хозяйства

Но Б.В. Андрианов и В.М. Шамиладзе еще более усложнили ситуацию, первый предложением новой классификации в зависимости от степени подвижности образа жизни скотоводов, а второй использованием новых терминов, заимствованных от западноевропейских авторов, в частности, трансюмансом и т.д.

1.4 Дискуссия 80-х гг. XX века о проблеме типологии скотоводства

80-е гг. XX в. знаменуются тем, что статья Г.Е. Маркова, напечатанная в журнале «Советская этнография», открыла дискуссию о понятийном аппарате и терминологии скотоводческого хозяйства, и кочевничестве [183].

Автор начинает свою статью, с того, что отмечает необходимость уточнения и унификации этнографических понятий, а также дальнейшей разработки и систематики классификации многих явлений этнографии. Отметив попытки С.И. Руденко, А.И. Першица, С.Е. Толыбекова, С.И. Вайнштейна, Г.Е. Маркова, Г.Н. Симакова и В.П. Курылева и других по упорядочению явлений, и терминов, связанных со скотоводством, тем не менее Г.Е. Марков констатировал, что «значительная часть проблем осталась нерешенной» [183, с. 83]. По его мнению, «дело обстоит особенно неблагополучно» с терминологией скотоводства и кочевничества, также отсутствует общепринятая классификация типов и видов скотоводства [183, с. 83].

Так, Г.Е. Марков положил начало дискуссии на страницах журнала «Советская этнография», где в 1982 в трех номерах под рубрикой «Дискуссии и обсуждения» вышли статьи В.М. Шамиладзе, Г.Н. Симакова, Б.В. Андрианова. Конечно, был опубликован ответ Г.Е. Маркова своим оппонентам. Всеми участниками дискуссии единодушно отмечалась не разработанность и дискуссионность проблематики типологизации скотоводства, а также необходимость дальнейшего совершенствования дефиниций скотоводства, т.е. придание строго фиксированного смысла каждому термину с описанием свойств, характерных только для классифицируемого объекта.

Предложив понимать скотоводство «в качестве самостоятельной формы хозяйственной деятельности, лежащей в основе определенных хозяйственно-культурных типов», Г.Е. Марков переходит к его типологии, в основу которой он кладет два фундаментальных признака [183, с.83-84]. Первый из них должен ответить на вопрос, является скотоводство основой или только одним из важнейших признаков хозяйственно-культурного типа, ко второму признаку относит способ ведения хозяйства и социальную структуру общества скотоводов. В зависимости от ответа на эти вопросы Г.Е. Марков подразделяет общества скотоводов на два типа: кочевое хозяйство или кочевничество и подвижное скотоводство.

Подвижное скотоводство, по Г.Е. Маркову, - это «совокупность весьма разнообразных видов экстенсивного и интенсивного скотоводческого хозяйства, которое доставляет основные средства существования и ведется с помощью перегона или отгона скота на пастбища (от круглогодичного содержания на пастбищах до разных форм отгонного полуоседлого хозяйства)» [183, с.91-92]. Подвижное скотоводство отличается от оседлого животноводства тем, какую роль (главную или вспомогательную) играет разведение животных в хозяйстве. К кочевничеству автор относит хозяйства, которые занимаются только экстенсивным пастбищным скотоводством, и главным видом занятий населения является разведение животных.

Принципиальные различия между двумя этими типами находит Г.Е. Марков в «закономерностях возникновения и развития социальной и общественно-племенной структуры» [183, с.91]. Так, у кочевников «общественные отношения и племенная общественная организация складываются на основе их экстенсивного социально-экономического базиса», а у подвижных скотоводов «общественные отношения определяются социальным строем их соседей-земледельцев, хотя и отличаются некоторой патриархальностью» [183, с.91]. Наконец, племенная структура, имеющая место быть у кочевников, отсутствует у подвижных скотоводов. В результате подвижные скотоводы «не представляют собой самостоятельных и независимых от земледельцев этносоциальных организмов, этнических общностей, общественных и политических образований» [183, с. 91].

Далее Г.Е. Марков предполагает, что подвижное скотоводство, по-видимому, представляет не один тип, а несколько, и «неизученность материала» не дает возможности в данный момент однозначно решить этот вопрос, что предполагает в дальнейшем создание соответствующей типологии. Вместе с тем он полагал, что выделенные В.М. Шамиладзе такие виды скотоводства, как «альпийское» («горное»), «трансюманс» («отгонное») и «равнинное» со всеми их видами и подвидами, исключая «кочевое», можно распространить на «подвижное скотоводство» [183, с. 94]. Только он считал необходимым включение в их определения характеристики «социальных функций и отношений, складывающихся при данной форме хозяйства» [183, с. 93].

Кроме того, отмечал, что определение В.М. Шамиладзе трансюманса не дает возможности четко разграничить его от кочевничества, которое для Г.Е. Маркова - принципиально другой тип скотоводства. В классификацию подвижного скотоводства Г.Е. Марков предлагает в качестве еще одного его подвида включить полуоседлое скотоводство, исключив обязательно, как уже отмечалось, кочевничество. Переходя к терминологии скотоводства и имеющейся там путанице, Г.Е. Марков отмечал, что термины «кочевание», «перекочевки» связаны исключительно с кочевым скотоводством или кочевничеством, а понятия «отгон», «перегон» имеют отношение к подвижному скотоводству [183, с. 92].

Что касается типологии кочевого скотоводства, автор отрицает существование номадизма в двух его видах: собственно, кочевом и полукочевом. Он утверждает, что между ними не существует принципиальных различий, «полукочевое хозяйство» всего лишь один из подтипов кочевничества наряду с кочевым. Их объединяют один универсальный признак: они оба основаны на экстенсивном пастбищном скотоводстве. Конечно, есть различия в степени подвижности, но дальность перекочевок не является универсальным критерием, поскольку зависит от природных условий и политической ситуации. Имеются различия в степени распространении земледелия, в видах и породах скота, в наличии или отсутствии зимников с

долговременными постройками и т.д. Но эти признаки определяют лишь локальные варианты, поэтому автор не придает им универсального характера.

Г.Е. Марков не приемлет утверждения, согласно которому полукочевое хозяйство является переходным этапом от кочевания к оседлости, потому что в течение трех тысячелетий полукочевое хозяйство и кочевое существовали одновременно и параллельно, составляя основу одного хозяйственно-культурного типа, а именно хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов.

Г.Е. Марков выделяя уровни «кочевого» и «полукочевого» хозяйства не видит в них существенных различий, если и были отличия между этими уровнями номадизма по утверждению автора они непринципиальны и малосущественны, поскольку являются чисто локальными. Г.Е. Марков подчеркивает, «… что все признаки, свойственные номадизму в целом, были практически одинаковые как для «кочевников», так и для «полукочевников», что принципиально отличало их от тех, кто занимался отгонным скотоводством» [5, с. 114].

Первым на статью Г.Е. Маркова откликнулся Ю.И. Семенов. Соглашаясь с классификацией Г.Е. Маркова о делении животноводства на «оседлое скотоводство земледельцев» и «скотоводство», которое делится в свою очередь на «подвижное скотоводство» и «кочевое скотоводство», Ю.И. Семенов вносит одну поправку, согласно которой все эти три типа должны рассматриваться как равноценные и самостоятельные [240, с. 48]. Второе замечание Ю.И. Семенова касается критериев, лежащих в основании подобной классификации. Отделяя оседлое скотоводство от скотоводства, Г.Е. Марков подчеркивал, что скотоводство и оседлое скотоводство следует рассматривать как форму хозяйства, принадлежащих к разным хозяйственно-культурным типам. Но далее, по Ю.И. Семенову, Г.Е. Марков нарушает законы логики. Обосновывая выделение кочевого скотоводства в особый тип, он заявляет, что определение кочевого скотоводства должно основываться «не только на характере хозяйственной деятельности, а *в еще большей степени* (выделено А.И.) на особенностях социальной структуры и племенной общественной организации» [183, с 87]. Таким образом, Г.Е. Марков, определяя кочевничество, ссылается на ее социально-экономическую, политическую и общественную специфику. Считая, что деление животноводства на три типа должно иметь единое основание, Ю.И. Семенов исходит из характеристики хозяйства как единого целого и предлагает следующие определения. «Стойловое животноводство» есть вид хозяйственной деятельности, который существует в составе земледельческой формы хозяйства в качестве более или менее важного дополнения к основному виду деятельности. «Подвижное скотоводство» есть отрасль хозяйства, бытующая в социальном организме наряду с другими отраслями, из которых господствующей является земледелие. И наконец, «кочевое скотоводство» или «кочевничество» есть способ хозяйства, т.е. единственная имеющаяся в конкретном обществе форма хозяйства. Таким образом, чтобы отделить «кочевое скотоводство» от «подвижного

скотоводства» нет необходимости ссылаться на специфику социально-экономических отношений, племенной общественной организации и политической структуры [240, с. 52]. Эти исходные определения явились для Ю.И. Семенова основой для рассмотрения этих форм хозяйства как самостоятельных и равноценных.

Хотя Б.Х. Кармышева официально не входила в состав участников дискуссии, но в том же номере, в котором В.М. Шамиладзе выступал как участник дискуссии, была опубликована ее рецензия на монографию В.М. Шамиладзе, где она также поднимала вопросы классификации и терминологии скотоводства, поэтому В.М. Шамиладзе отвечал не только Г.Е. Маркову, но и на замечания Б.Х. Кармышевой. Б.Х. Кармышева отметила, что за основу типологической классификации как у Ю.И. Мкртумяна, так и В.М. Шамиладзе принята форма скотоводства, под которой они понимают комплекс прочно установившихся приемов и методов ведения скотоводческого хозяйства. Б.Х. Кармышева обвиняет обоих авторов в нелогичности, так как авторы при выделении форм скотоводства используют разные критерии. Так, у В.М. Шамиладзе горное и равнинное формы скотоводства основаны на географическом признаке, а именно на зональном, кочевое – на образе жизни, а перегонное (трансюманс) – на способе выпаса и содержания скота [111, с. 167], поэтому трансюманс надо поставить в один ряд с отгонным скотоводством, внутриальпийским, шалашным и другими формами ведения скотоводческого хозяйства [111, с. 168].

Далее, термины «горное скотоводство» и «равнинное скотоводство», несомненно, не могут использоваться как типы скотоводства, потому что в качестве критериев могут выступать «не сами природные зоны, а зависящие от них особенности годичного цикла ухода за скотом» [111, с. 168]. Что касается Ю.И. Мкртумяна, то наряду с кочевой, полукочевой и оседлой, он называет и отгонную, которая, по мнению Б.Х. Кармышевой, будучи одной из форм выпаса и содержания скота, характерна для оседлого типа скотоводства [111, с. 167]. Б.Х. Кармышева считает, что в основе классификации должно лежать понятие «тип скотоводства», таксономически имеющее более высокий формат, чем «форма скотоводства». Основным принципом для выделения типов скотоводства она считает образ жизни скотоводов. Если В.М. Шамиладзе ввел бы в свою классификацию понятие «тип скотоводства», то разнобой в терминах снимался бы. Так, равнинная, перегонная (трансюманс) и горная формы могли бы составить оседлый тип скотоводства. «Не совсем удачными, считает Б.Х. Кармышева, ряд терминов, встречающихся у В.М. Шамиладзе. Так, вместо отгонной формы, которую грузинский этнограф рассматривает как основной подвид горного скотоводства, она предлагает использовать термин «яйлажное скотоводство», потому что отгонное скотоводство имеет более широкий смысл [111, с.168]. Выделение трансюманса в скотоводческом хозяйстве Кавказа – большая заслуга В.М. Шамиладзе,- отмечает Б.Х. Кармышева [111, с.170]. Но толкование этого термина неоднозначно. Если трансюманс или перегонное скотоводство определяется В.М. Шамиладзе как самостоятельная форма

скотоводческого хозяйства, то Б.В. Андрианов характеризует его как пастушеское отгонное скотоводство с сезонными продолжительными перегонами скота. Особой формой отгонного скотоводства считал трансюманс Г.Н. Симаков. Но здесь Б.Х. Кармышева на стороне В.М. Шамиладзе. «Принципиальное отличие трансюманса от отгонной формы (в широком смысле) заключается в том, что при нем отгон на тот или иной срок (пусть длительный) вообще исключается, ибо скот постоянно находится вне земельных угодий основных поселений – его круглый год выпасают на сезонных пастбищах .... Именно территориальное исключение основных земледельческих поселений из годового цикла ухода за скотом как одну из характерных черт трансюманса подчеркивает В.М. Шамиладзе», - пишет Б.Х. Кармышева [111, с.169]. Таким образом, она подчеркивает необходимость унификации принципов классификации, понятий и терминов, их содержания и взаимосвязей.

В.М. Шамиладзе призывает быть осторожными в использовании таких категорий, как «тип», «форма», «вид» и т п., так как «необходимо уяснить соотношение таксономических уровней типа и формы хозяйства» [118, с. 70]. Так, Г.Е. Марков рассматривает скотоводство как форму хозяйства, которое он делит на два типа, сам В.М. Шамиладзе классифицирует скотоводство по его видам, а Б.Х. Кармышева считает, что понятие «тип скотоводства» имеет таксономически более высокий уровень, чем «форма скотоводства», с чем В.М. Шамиладзе согласился. Вообще надо отметить, что В.М. Шамиладзе оказался самым полемичным автором. Не согласился он ни с добавлениями Г.Е. Маркова по поводу его классификации видов грузинского скотоводства, ни с Б.Х. Кармышевой, которая предложила вести классификацию по типам скотоводства, выделив при этом в качестве основных типов - кочевой, комплексный (с под типами полукочевой и полуоседлый) и оседлый, в котором могут объединиться «горный», «равнинный и «перегонный» подтипы В.М. Шамиладзе. Эти различия в типологии скотоводства он объясняет разными критериями, взятыми для его классификации. Соглашаясь с Г.М. Марковым, что данная в его монографии «весьма общая дефиниция кочевничества недостаточна», соглашаясь с его определением кочевничества, В.М. Шамиладзе считает нецелесообразным «перенесение в этой дефиниции главного акцента на специфические комплексы социально-экономических отношений, племенной общественной организации и политической структуры» [118, с. 72]. По мнению В.М. Шамиладзе, эти отношения и институты «никак нельзя рассматривать в качестве основных факторов, определяющих сущность кочевничества» [118, с. 72]. Не приемлет В.М. Шамиладзе точку зрения Б.Х. Кармышевой и, как он полагает, Г.Е. Маркова об образе жизни как основном критерии при выделении типа скотоводства [118, с. 74]. В качестве примера непригодности критерия «образ жизни» для классификации форм скотоводства он приводит горное отгонное скотоводство, когда образ жизни населения оседлый, а скотоводство носит подвижный характер. Он утверждает, что «главными критериями для разграничения форм скотоводства выступают

основные средства производства и возникшие на их основе социально-экономические и общественные отношения, которые не всегда и не целиком определяются образом жизни населения» [118, с.74].

Переходя в область терминологии скотоводства, В.М. Шамиладзе не возражает против терминов «кочевой» и «полукочевой», в отличие от понятий «оседлое», «полуоседлое» и «подвижное» скотоводство, которые требуют уточнения, и сожалеет, что Г.Е. Марков не дал общую дефиницию последнего типа скотоводства, [118, с. 75] что тем более необходимо, так как Г.Е. Марков обозначал ранее этим термином стадиальное, не типологическое явление [118, с. 75].

Статья Г.Н. Симакова отлична от статей других участников дискуссии тем, что он четко определяет круг наиболее важных вопросов, на которых он намерен остановиться. Это следующие вопросы:

- Первый вопрос касается определения критериев выделения разновидностей кочующих скотоводческих хозяйств.
- Второй вопрос требует определения критериев выделения разновидностей оседлого скотоводческого хозяйства.
- Третий вопрос о необходимости более дробной детализации основных типов скотоводческого хозяйства с учетом географических и историко-культурных факторов, поскольку существующие системы из трех или четырех частей носят общий характер.
- Четвертый вопрос о том, каковы принципы разграничения типов скотоводческого хозяйства на основе способов (систем) содержания и выпаса скота.
- Наконец, пятый вопрос предполагает уточнение терминологии скотоводческого хозяйства [241, с.68].

Разграничительной чертой разновидностей кочующих скотоводческих хозяйств Г.Н. Симаков считает роль земледелия в хозяйственной системе, причем земледелия «регулярного», т.е. такого, когда места пахоты постоянны, ими пользуются каждый год. Как он пишет, «масштабы и характер кочующего скотоводства в значительной мере определяются наличием или отсутствием в его системе земледельческой отрасли, а при наличии таковой – степенью ее развития и удельным весом» [241, с.69]. Именно этот критерий является главным и единственным в разграничении скотоводческих хозяйств.

Отвечая на второй вопрос о критериях выделения разновидностей оседлого скотоводческого хозяйства, Г.Н. Симаков отмечает, что все скотоводческие хозяйства можно разделить на две категории. Здесь в качестве критериев выступают формы скотоводства, т.е. имеются в виду способы содержания и выпаса скота [241, с. 73]. К первой относятся кочевые скотоводческие хозяйства, основу которых составляет пастбищная форма скотоводства. Вторую категорию составляют оседлые скотоводческие хозяйства, которые применяют оседлые формы содержания скота: яйлажную, отгонную, выгонную, и стойловую форму [241, с.72-73]. Оригинальность подхода автора в данном случае заключается в том, что кочевники, связанные с

земледелием, также в той или иной степени используют пастбищную форму скотоводства, например, когда скота много, на период сезонной оседлости его отгоняли на отдаленное пастбище с пастухами.

В зависимости от наличия или отсутствия земледелия, а при наличии такового - степени ее развития Г.Н. Симаков выделяет три типа скотоводства: кочевой, комплексный и оседлый [241, с. 74].

Кочевой тип объединяет наиболее подвижные скотоводческие хозяйства с пастбищной формой скотоводства, внутри которых он выделяет три подтипа - чисто кочевой, подтип с нерегулярным земледелием, подтип с сезонной стоянкой.

К комплексному типу скотоводства автор относит кочующие хозяйства, занимающиеся регулярным земледелием. Его подтипы – полукочевой, промежуточный и полуоседлый. В скотоводческих хозяйствах оседлого типа скотоводческая отрасль подчинена задачам регулярного земледелия. Он использует оседлые формы скотоводства, такие, как яйлажная, отгонная выгонная и стойловая, от преобладания какой-либо из этих форм зависит подтип оседлого типа.

Б.В. Андрианов принимает толкования Г.Е. Марковым терминов «животноводство» и «скотоводство», поддерживает его подход к классификации скотоводческого хозяйства в его увязке хозяйственно-культурными типами [242, с.76].

В противоположность Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), которая подразделяет скотоводов в зависимости от соотношения земледелия и скотоводства как способов получения средств к существованию, форм подвижности и оседлости отдельных групп на «кочевников», «полукочевников» и «скотоводов с отгонными формами выпаса скота «трансюманс», Б.В. Андрианов предлагает использовать к типологии скотоводческого хозяйства этнографический подход, для которого важны «не только характеристика хозяйственной деятельности во времени (годовые циклы) и пространстве (территориальная организация хозяйственной деятельности, направление и сезонность миграций и т.п.), но и тесно связанные с ней особенности социальной структуры и образа жизни людей, получившие материальное воплощение в формах традиционной культуры и быта, например, в соотношении постоянных, долговременных и временных селений и жилищ» [242, с. 78].

Неудачным, считает Б.В. Андрианов, выделенный Г.Н. Симаковым «переходной» тип скотоводства, потому что он охватывает не один, а ряд типов скотоводческого хозяйства. К сожалению, он не обратил внимания, что термины «полукочевой», «промежуточный» и «полуоседлый» обозначают подтипы переходного типа скотоводства. Тем самым Г.Н. Симаков создает иерархическую классификацию, в которой «подтип» является таксоном меньшего уровня, чем «тип» [242, с. 79].

Неудачным, считает Б.В. Андрианов, в терминологическом плане предложенный Г.Е. Марковым термин «подвижное скотоводство» в отличие от

кочевого на том основании, что все скотоводы ведут подвижной образ жизни, поэтому формы подвижности могут быть разными. Именно формы подвижности, по его мнению, должны стать критериями при выделении типов и подтипов скотоводческого хозяйства. Он предлагает вышеописанную разработанную им типологию форм подвижности «неоседлого» населения, в которой неоседлое население со скотоводческо-земледельческими хозяйственно-культурными типами применяет из выделенных им 10 форм подвижностей следующие пять: подвижно-кочевой, кочевно-оседлый, оседло-кочевой, переменно-оседлый, годовая оседлость с сезонной миграцией части населения [242, с.79].

Итоги обсуждения проблемы дефиниций и терминологии скотоводческого хозяйства кочевничества на страницах «Советской этнографии» подвел Г.Е. Марков, публикация статьи которого на эту тему положило начало обсуждению этой проблемы. Он отметил плодотворность обсуждения, в результате которого были высказаны «ряд интересных положений, заслуживающих дальнейшего развития» [243, с. 80]. Прежде всего, предстоит разработка двух аспектов этой проблемы: необходимо уточнить классификацию скотоводства, «особенно его полуоседлых и оседлых отраслей» и уточнить содержание общих понятий и терминов [243, с. 81]. Проблемность ситуации состояла в том, ссылаясь на Ю.И. Семенова,- отметил Г.Е. Марков, - «что одними и теми же терминами обозначаются совершенно разные явления, а одни и те же явления обозначаются разными терминами» [243, с. 81]. По его мнению, «такого рода понятийная и терминологическая нечеткость, проявилась в статьях его оппонентов, и происходит это «главным образом вследствие отсутствия единых критериев в оценке этих явлений и смешения политико-экономических и хозяйственно-производственных признаков» [243, с. 84].

Г.Е. Марков поддерживает Б.В. Андрианова в том, что существующие классификации скотоводства не могут решить проблему типологии скотоводства. Недостаток разделения скотоводства на «пастбищное», «стойлово-пастбищное» и «стойловое», по его мнению, исключает трансюманс, оно носит чисто хозяйственно-технологический характер, лишая кочевничество специфики. Подразделение скотоводства ФАО на «кочевников», «полукочевников» и «скотоводов с отгонными формами выпаса скота», по Г.Е. Маркову, делает невозможным стойловое скотоводство, а также имеет следствием, что кочевое и полукочевое неправомерно как рассматриваются как самостоятельные типы. Отмечает, что Б.В. Андрианов считает наиболее приемлемой классификацию скотоводства на кочевое, полукочевое, полуоседлое и оседлое, хотя видит отсутствие универсальных критериев для разграничения кочевого и полукочевого скотоводства. Г. Е. Марков обращает внимание на то, что Б.В. Андрианов согласен, что при рассмотрении форм и типов скотоводства надо обращать внимание на социально-экономический аспект, потому что разные типы имеют принципиальные различия в социальных структурах [243, с.84].

Комментируя возражение Б.В. Андрианова против термина «подвижное скотоводство», потому что кочевые скотоводы тоже подвижны Г.Е. Марков считает справедливым это наблюдение. Но по мнению Г.Е. Маркова, скотоводов отгонного и полуоседлого типа, представляющих подвижное скотоводство, нельзя причислять к кочевым из-за различий «в формах собственности, производственных отношений, племенной и политической организации и др.». Считает неудачной и очень усложненной классификацию Б.В. Андрианова, потому что она не имеет универсального характера, строится на одном признаке - выпасе скота и не привлекает в качестве критерия отмеченные им социально-экономические отношения [243, с.84].

Г.Е. Марков согласен с В.М. Шамиладзе, что необходимо уточнение таксономической иерархии, так что «классификации, созданные на основе различий в выпасе скота и других узкохозяйственных признаков, дают только самое поверхностное представление о жизнедеятельности общества и являются по существу формальными» [243, с. 85].

Г.Е. Марков считает, что классификация скотоводства, например, как у В.М. Шамиладзе, которая учитывает степень подвижности пастбищного хозяйства, основана на критерии низшего, «технологического» уровня. Но в таком случае существует опасность смешения терминов и понятий. Ведь пастбищное скотоводство практикуется и кочевниками, и полукочевниками, и полуоседлыми и даже оседлыми земледельцами, правда, в разных, но в относительно сходных формах, поэтому трудно найти строгие границы между кочевничеством, подвижным и оседлым скотоводством [243, с.85]. Как отмечает Г.Е. Марков, «при возможном сходстве в способах ведения хозяйства подвижными и оседлыми скотоводами, с одной стороны, и кочевниками – с другой, между ними как общественными явлениями существуют принципиальные социальные и политические различия» [243, с.86]. Поэтому, по Г.Е. Маркову, скотоводство должно характеризоваться комплексом показателей различного таксономического уровня. Низший уровень классификации скотоводства предполагает технологические признаки, характеризующие способ ведения хозяйства (характер выпаса скота, наличие долговременных построек, значение земледелия в хозяйстве, а высший уровень классификации должен основываться на социальных критериях. Кстати, к этому времени никем, даже самим Г.Е. Марковым, не была создана типология скотоводства, основанная на вышеизложенных принципах.

Но именно согласно этим принципам, Г.Е. Марков оценивает классификацию скотоводства, предложенную Г.Н. Симаковым, называя ее формальной. Так, по его мнению, Г.Н. Симаков создал классификацию, основанную исключительно на технологических признаках, выделив пастбищную, отгонную, яйлажную, выгонную и стойловую формы скотоводческого хозяйства. Такую группировку скотоводческих хозяйств в зависимости от форм ведения скотоводства автор называет формальной классификацией [243, с. 86]. Здесь Г.Е. Марков несправедлив в отношении Г.Н. Симакова. Такого рода замечание можно адресовать почти большинству

советских исследователей скотоводства, занимавшихся когда-либо группировкой скотоводческих хозяйств, в том числе и В.М. Шамиладзе, хотя Г.Е. Марков считает его классификацию более удачной, чем Г.Н. Симакова.

У Г.Н. Симакова эти выделенные формы скотоводства представляют нижний уровень классификации, а в качестве высшего уровня он предлагает три основных типа: кочевой, комплексный и оседлый. Главный критерий разграничения типов скотоводства у Г.Н. Симакова - наличие или отсутствие земледелия, а подтипы строятся на различии в степени интенсификации земледелия, его удельного веса в системе хозяйства. Можно принимать или не соглашаться с критериями, предлагаемыми Г.Н. Симаковым, но с точки зрения теории классификации именно Г.Н. Симаков в отличие от большинства исследователей создал не группировку форм скотоводства, а классификацию форм скотоводства, строго отвечающую канонам теории классификации: она логически выдержана, иерархична и основана на одном критерии.

Г. Е. Марков считает настоятельной задачей четко определить место и содержание кочевничества, включая полукочевничество, его соотношение с другими видами скотоводства, характер социальных организмов и социальных структур кочевников, и наконец, упорядочить понятия, прежде всего, исключить смешение понятий «кочевой», «полукочевой» и «полуоседлый» [243, с. 86].

Итак, с началом 80- х гг. начинается новый этап в литературе о кочевничестве, его формах и типах. Ведь до этого времени каждый из историков и этнографов описывал номадизм определенного региона, создавал свою классификацию форм скотоводства, не соотнося и не сопоставляя ее с классификациями других авторов. Теперь впервые они вступили в открытую дискуссию, защищая свои подходы и обнажая слабые места других концептуальных решений.

Для оценки роли этой дискуссии в дальнейшем развитии теоретико-методологической мысли о скотоводстве надо обратить внимание на понятия, дефиниции и термины, используемые в последующих исследованиях скотоводства

В 1982г. вышла в свет монография С.А. Плетневой «Кочевники Средневековья» [191]. Автор следующим образом строит классификацию скотоводческих хозяйств Средневековья, выделяя, как она пишет, три стадии кочевания: таборную («самый кочевой из всех кочевых вариантов») [191, с. 13], полукочевание [191, с.36], оседлость [191, с. 77]. По ее мнению, вторая стадия, т.е. полукочевание является наиболее характерной формой хозяйствования для степняков. Что касается третьей формы, то она, по словам автора «по существу же не является «кочеванием» в полном смысле этого слова» [191, с. 77].

Анализируя точку зрения С.И. Вайнштейна о полукочевом и полуоседлом типе хозяйства, С.А. Плетнева считает, что полукочевание ближе к таборному кочеванию, а полуоседлость - к оседлости [191, С.36].

Как и большинство советских историков, она пользуется термином «форма хозяйствования», при этом воспринимая термины «стадия кочевания» и

«форма хозяйствования» как тождественные [191, с.36]. Оперирование автором новым термином «стадия кочевания», который она выносит в заголовки трех глав, исключает параллельность существования этих стадий.

В следующем, 1983г. были опубликованы две статьи, авторами которых были Г.Е. Марков и К.П. Калиновская, где они констатировали, что «до сих пор отсутствует общепринятая систематика, и предложили совместно ими разработанную общую систематику скотоводческого хозяйства и связанную с ней историческую типологию традиционного скотоводства в Азии и Африке [244; 161].

Термином «тип» авторы обозначили [161, с. 75] «наиболее крупные комплексы производящей хозяйственной деятельности в доиндустриальных обществах», причем каждый тип имеет свои подтипы.

Итак, вот эти три типа хозяйства:

1. Оседлый (оседло-земледельческий) тип хозяйства с подтипами:
   а) оседлое (возможны случаи полуоседлого), при котором земледелие – ведущая отрасль,
   б) оседлое и полуоседлое скотоводство.
2. Подвижный (подвижно-скотоводческий, пастушеский) тип хозяйства, его подтипы:
   а) пастбищное скотоводство,
   б) полуоседлое земледелие.
   Ведущая отрасль в этих подтипах варьируется.
3. Номадный (номадно – скотоводческий, кочевой) тип хозяйства с подтипами:
   а) пастбищное скотоводство - ведущая отрасль,
   б) полуоседлое земледелие - часто встречающееся.

Классами авторы назвали совокупность хозяйственных и социально-экономических показателей, образа жизни, определяющая характер скотоводства каждого из его трех подтипов.

Оседлый подтип представлен придомным и отгонным классом хозяйства

Подвижный подтип представлен классом трансгуманс и классом миграционно-военный.

Классы номадизма - кочевое и полукочевое.

Следующим таксоном у авторов выступает понятие «род», т.е. имеется в виду род содержания скота. Они видят три рода содержания скота: круглогодичное, сезонное и стойловое содержание, которые одинаковы для всех классов, только каждый класс отличается в распространенности, значении, характере этих родов.

Последний, самый низший таксон – это вид, т.е. три вида выпаса скота: меридиональный, вертикальный, стационарный.

Ни род содержания скота, ни вид выпаса скота, по мнению авторов, не могут быть критериями при систематике скотоводства, так как схожи по форме во всех его классах и типах хозяйства.

Впоследствии К.П. Калиновская в своих монографиях «Скотоводы Восточной Африки в XIX - XX вв.» и «Очерки этнологии Восточной Африки» вернулась к необходимости общепринятой терминологии и классификации скотоводства, считая их важнейшей теоретико-методологической проблемой [245-246]. Отмечая попытки решения этой проблемы, она заключала, что «Все они страдают общим методологическим просчетом, заключающимся в том, что за системный принцип берется не базисное явление, а какой-либо вторичный признак, на первый взгляд, может быть, и существенный, но составляющий в действительности не причину рассматриваемого явления, а его следствия» [245, с.22]. Автор подчеркнула наличие трудностей систематического и терминологического характера, которые отражаются на таксономическом уровне классификации, разнообразие критериев классификации: то по способу добывания жизненных средств, то по степени мобильности населения, то по характеру и степени использования скота в разных сферах жизни, то по наличию или отсутствию в хозяйстве земледелия [245, с. 23]. Наконец, по ее мнению, никто не дает «четко сформулированного тезиса об учете социального фактора в качестве критерия для типологического определения общества как номадного» [245, с. 24]. В итоге она заявила о необходимости дальнейшей разработки классификации скотоводческого хозяйства, «учитывающей не только и не столько технологические аспекты, как это имеет место в значительной части специальной литературы, сколько, прежде всего, всю совокупность данных о хозяйстве и общественной структуре, характеризующих образ жизни рассматриваемых этносоциальных организмов [245, с. 5].

На этот призыв откликнулся М.-З.О. Османов своими статьями и монографиями [162-165]. Кстати, особенностью всех работ М.-З.О. Османова является анализ классификации форм скотоводства и их критериев, сделанных его предшественниками В основу своей классификации скотоводства он положил форму скотоводства, классификация которых затруднялась, по его мнению, отсутствием четкого определения самого понятия ФС. «Формы содержания и выпаса» - довольно обще, неконкретно. Между тем определение должно служить инструментом вычленения, а для этого нужны очень четкие однозначные, одномасштабные критерии» [162, с.78].

Далее одним из главных препятствий в создании приемлемой классификации служит стремление отразить в выделяемой форме скотоводства весь так называемый годичный цикл, т.е. ведение скотоводческого хозяйства на протяжении всего года**,** между тем сущность формы скотоводства связана с особенностями сезона и определяется ими [162, с.77-78]**.**

Кроме того, большие классификационные затруднения связаны с разномасштабностью выделяемых форм: в одном классификационном ряду кочевая форма, представляющая хозяйство на протяжении всего года, и яйлажная, представляющая лишь один из сезонных эпизодов содержания и выпаса скота [162, с.79].

Но несмотря на свою мысль о том, что сущность формы скотоводства связана с особенностями сезона и определяется ими, он не приемлет

классификации по критерию сезонности, полагая это недостатком, результатом которой является узость классификации, в основе которой лежит один признак: выделение формы содержания только в один сезон, причем нередко лишь для одного вида скота [162, с.81].

Соглашаясь с Б.Х. Кармышевой о необходимости введения понятие «тип скотоводства», М.-З.О. Османов убежден, также, как и В.М. Шамиладзе, что тип скотоводства должен быть создан на основе категории «форма скотоводства», а не образу жизни, как предлагала Б.Х. Кармышева [162, с.81].

В своей типологии скотоводства М.-З.О. Османов видит две стороны, первую составляет системы кормообеспечения, которые он подразделяет на пастбищную, кормодобывающую и стойловую, кормопотребляющую [162, с.83].

Формы скотоводства складываются на базе этих двух систем, а уже сочетания форм скотоводства образуют типы скотоводства, которые группируются в зависимости от образа жизни, хозяйственно-культурного типа и социальной характеристики.

На основе вышеизложенных принципов произведенная М.-З.О. Османовым классификация форм скотоводства Дагестана выглядит следующим образом.

В Дагестане наблюдаются три группы форм скотоводства:

I. Стационарные:
- 1) выгонная,
- 2) стойловая,
- 3) хуторская с подвидами:
  а) выгонный хутор, б) пастбищный, в) яйлажный.

II. Подвижные:
- 1) яйлажная с подвидами,
- 2) кышлажная с подвидами,
- 3) долинная,
- 4) шалашная.

III. Кочевые:
- 1) кочевая форма с подвидами
  а) таборно-кибитковый,
  б) циклически-зимний [162, с.84].

Тем самым классификация М.-З.О. Османова предстает как движение от систем и форм к типам скотоводства, т.е. как движение от низшего уровня к высшему, которое сопровождается уменьшения подвижности скотоводства, переходом от кочевого к стойловому скотоводству [162, с. 88].

В конечном счете он подразделяет скотоводов на кочевых, полуоседлых и оседлых [162, с.87].

К.П. Калиновская сделала очень обстоятельную рецензию на монографию М.-З. О. Османова, в которой провела различие между типологией и систематикой. По ее мнению, типология М.-З.О. Османова «выполнена замечательно именно на этом уровне» - уровне технологии – самом низшем

уровне систематики. Но для определения «типа» скотоводческого хозяйства нужны более базовые показатели, признаки, критерии характера скотоводческой деятельности и образа жизни населения. Место скотоводческого общества в системе типов хозяйства – это самый высокий уровень систематики, далее учет степени подвижности населения, всего или части, степень занятости земледелием, т.е. пропорции между основными отраслями хозяйства, можно согласиться с систематикой автора, если бы он ограничился только типологией хозяйства» [247, с.166].

После дискуссии, в которой он принимал участие, изменил свою позицию Б.В. Андрианов. Теперь, по его мнению, «лучше отвечает интересам этнографической типологии скотоводческого хозяйства группировка всего многообразия по трем основным группам:

1) скотоводство оседлое (стойлово-выгонное) как часть оседло-земледельческих ХКТ;

2) скотоводство пастушеское, в котором выпас скота на пастбищах осуществляется частью населения (в натуральной форме) или пастухами (в товарной форме);

3) скотоводство номадное, кочевое или полукочевое с сезонными миграциями по пастбищам отдельных семей или их объединений.

Все три группы имеют ярко выраженные особенности быта и форм подвижности неоседлого скотоводческого населения» [159, с.78].

Принципиально новую классификацию кочевничества (обратите внимание, не скотоводства вообще, а именно кочевого дал Н.Э. Масанов. Отмечая наличие в литературе различных схем дифференциации номадов по типам жилища, по продолжительности и направленности кочевания, по видовому составу стада, по характеру хозяйственных занятий и т. д., отметив предлагаемые виды кочевания как таборное, яйлажное и т.п., подчеркнул, что «в основу типологии кочевого хозяйства должен быть положен комплекс таксономически наиболее значимых и однопорядковых категорий систематики, изофункциональных и изоморфных по природе» [52, с.77]. «Поскольку кочевое скотоводческое хозяйство имело место лишь в аридных зонах, то именно наличие водных источников определяло самую возможность существовании номадизма». Поэтому, по его мнению, в основу типологизации кочевничества надо положить систему водообеспечения и водоснабжения [52, с.79]. В зависимости от признаков водопользования Н.Э. Масанов предложил два типа номадизма: один тип естественного и другой тип искусственного водопользования [52, с.80].

Что касается других новых публикаций, монографий этого времени, то А. Оразов [248], С.В. Плетнева [249], и В.П. Курылев [250] сохранили целиком свои классификационные схемы скотоводства, лишь Б.А. Калоев изменил свой концептуальный подход, сократив число типов скотоводства с шести (кочевой, отгонный, стойловый, стойлово-пастбищный и яйлажный, пастбищно-выгонный) до четырех, оставив отгонный и кочевой типы и введя оседлый и полукочевой [251, с.193].

Последней монографией, относящихся к этому временному отрезку, была монография А.М. Хазанова, изданная на русском языке в Алматы, в 2000 г., хотя она была написана уже в 1979, а издана впервые на английском языке в 1984 г. Теперь автор более точен в своих определениях. Сначала он выделяет конкретные формы скотоводства:

- кочевое (в чистых проявлениях),
- полукочевое в двух вариантах: одна и та же группа занята и скотоводством, и земледелием, во втором варианте группа придает исключительное внимание скотоводству,
- три переходные формы: полуоседлое скотоводство, пастушеское или отгонно-пастушеское, яйлажное (в качестве его синонимов - трансхъюмэнс или высокогорное альпийское скотоводство)
- оседлое скотоводство с вариантами - придомно-стойловое и придомное с вольным выпасом.

Затем А.М. Хазанов выделяет основные типы кочевого скотоводства, которые выделяются на основе многих критериев: географического и эколого-хозяйственных критериев, видового состава стада, положение в экологической зоне, характера кочевания, пищевых систем, наконец, исторических факторов.

Теперь типы кочевого скотоводства предстают как:

- северный евразийский тип,
- евразийский степной тип,
- ближневосточный (северовосточно африканский подтип),
- средневосточный тип,
- восточноафриканский тип,
- высокогорный внутреннеазиатский тип.

Итак, каждый ученый в свое время классифицировал скотоводство, как уже отмечалось, или по образу жизни, или по способам содержания и выпаса скота, где номадизм и полукочевничество выступали одним из типов или форм скотоводства. Затем авторы, начиная с Г.Е. Маркова, далее упомянутые Н.Э. Масанов и А.М. Хазанов стали производить классификацию именно кочевого скотоводства.

Статьи по кочевничеству, опубликованные вначале XXI в., не внесли ничего нового, так, например, А.И. Мартынов, выделяет три типа хозяйства в скифскую эпоху: полукочевой степной, яйлажный горно-долинный, скотоводческо-земледельческий оседлый тип [252, с.61].

Таким образом, на настоящее время отсутствует однозначное употребление терминов, отсутствует общепринятая типология скотоводства и кочевого скотоводства. Конечно, каждый ученый имеет право высказывать свою точку зрения на интересующую нас проблему, но в данном случае речь идет о теоретической зрелости исторической науки. Ведь только по четкости и ясности понятийного аппарата, обеспеченного, в том числе единообразием типологии и терминологии кочевничества, можно определить теоретический

уровень знания на данный период. Как известно, о понятиях не спорят, а договариваются.

2 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОБСТВЕННОСТИ НА СРЕДСТВА ПРОИЗВОДСТВА В КОЧЕВНИКОВЕДЕНИИ

2.1 Истоки изучения проблем собственности казахов-кочевников

Истоки изучения вопроса собственности у кочевников учеными специально не исследовался, но несмотря на это в работах встречаются отрывочные сведения. К наиболее ранним трудам изучения казахов-кочевников относятся работы дореволюционных исследователей первой трети XVIII – начала XX веков. Ученые в своих научных работах не ставили цель раскрыть проблему собственности у кочевников казахов, считая, что у номадов не могла существовать собственность на землю, что характерно для всех дореволюционных исследований.

Исследователи выделяют родовую (общинную, общинно-родовую, семейно-родовая, общинно-аульную) собственность на скот такие ученые как В.К. Герн, С.Б. Броневский, Т. Седельников и другие [253 - 255]. Большинство дореволюционных русских исследователей считали скот наиболее значимой и единственной собственностью казахов кочевников.

Такие исследователи как А.И. Левшин, Г. Гинс, П.П. Румянцев, П. Хворостанский и другие отмечали в своих работах отсутствие собственности на землю [63; 256; 257-258; 259]. Ученые во многом опирались на сведения предшественников особенно на работу А.И. Левшина «Описание киргиз-кайсачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей» [63].

В своей монографии А.И. Левшин пишет: «все перечисленные нами поколения и роды киргиз-казаков (казахов- А.И.), переходя или перекочевывая с места на место, не могут иметь постоянных жилищ и владеть землями, ... для избежания по возможности междоусобий они большею частию (особенно зимою) придерживаются одних и тех же урочищ, если причины важные не заставляют их изменять сего обычая» [63, с.292], подтверждая тем самым отсутствие земельной собственности у кочевых казахов, что конечно же и отразилось на мнения многих исследователей дореволюционного царского периода.

Исследователь Г. Гинс был сторонником крестьянской колонизации Казахстана, считал, что у казахов отсутствовала собственность на землю и являлось основным мотивом для переселения крестьян из европейской части России [256, с.99]. Г. Гинс и в более позднее время находил «лишние земли» для крестьян.

Так, дореволюционный исследователь П.П. Румянцев в монографии «Киргизский народ в прошлом и настоящем» писал о земельных отношениях казахов: «При полном господстве кочевого быта, признаки землепользования собственно говоря, отсутствуют. Киргизы (казахи - А.И.) и лето и зиму перегоняли скот с места на место перенося с собою и свои жилища – юрты. *В это время земли было так много, что прав собственности на нее не существовало* (курсив – А.И.), и если между отдельными родами происходили споры за право кочевания на известной территории, то дело шло не о земле, а

исключительно о водных источниках, которыми степь не богата и которые, поэтому, ценятся весьма высоко. Первым признаком права на определенное землепользование явился «коун», т.е. скотский помет на стойбищах. Коун давал право данной родовой группе становится на том же месте и на будущий год. Но никаких определенных границ землепользования вокруг коуна не существовало» [257, с. 51].

Все трансформационные процессы в степи происходили в традиционной хозяйственной жизни казахов-кочевников с учетом активизации политики Российской империи, так П.П. Румянцев пишет: «По мере того, как, с одной стороны русские окружали киргиз (казахов - А.И.), у родовых групп стала ощущаться потребность закрепить за собой право пользования...территорий» [257, с. 51].

В конце XIX - начале XX веков образ жизни казахов начал меняться по причине сокращения пастбищных территорий, за счет роста земледелия шел постепенный процесс оседания, а также проникновение рынка под влиянием Российской империи. П.П. Румянцев писал, об обособлении землепользования отдельными аулами, передел покосов. Изменения по утверждению П.П. Румянцева происходили из-за изъятий земель и роста населения [257, с. 58-59].

Опираясь на сведения по казахам – кочевникам, П.П. Румянцев показал бессилие власти ханов в вопросах распределения земель и других общественно-политических вопросов.

Относительно земельной собственности писал и П. Хворостанский, когда у кочевников господствовало кочевое хозяйство, для которого характерна перекочевка с одного пастбища на другое нет никакой привязанности к земле «у них отсутствует само представление о земельной собственности, о принадлежности земли аулу, роду или орде» [259, с. 64]. На взгляды русских и даже зарубежных исследователей оказывали влияние русские чиновники, ученые и другие, писавшие свои заметки, труды, записки, отчеты и т.п. в начальный период колонизации Казахстана.

В дореволюционных некоторых исследованиях авторы придерживаются взгляда о существовании у казахов общинно-родовой (или общинно-аульной, патриархально-родовая) собственности на землю её выделяют И.Г. Георги [60] (собственность есть, но не указывает какая), М.И. Красовский [260], П.И. Рычков [61], А.А. Кауфман [261-262], В. Остафьев [263], Ф. Щербины [67], М. Шорманов [69-70] (общинно-родовая), Ч. Валиханов [68], А. Букейханов (общинно-аульная) и другие [71-73]. Индивидуальная собственность на пастбища отсутствовала.

Исследование И.Г. Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов так же их житейских обрядов, веры, обыкновений, жилищ, одежды и прочих достопамятностей» писал по поводу земельной собственности казахов-кочевников так, «...владеют спокойно своими землями и остаются при всех своих устроениях...» [60, с.125]. По наблюдениям ученого земля находилась в собственности, но к сожалению мы не встречаем у него данных, находилась ли земля в общинной или частной.

Так М.И. Красовский в своем труде «Образ жизни казахов степных округов» отмечал, что для кочевников основное благосостояние состояло в «разведении и размножении разных пород домашнего скота» [260, с.29], дает представление, о том, что скот занимал в кочевом обществе преобладающее значение.

М.И. Красовский отмечал отсутствие частной собственности у кочевников-казахов, а также специфичность кочевого хозяйства степи. С древности каждый казахский род определил для себя стационарные общинные пастбища в регионе. М.И. Красовский в работе, излагая роль земли в условиях кочевого ведения хозяйства у номадов, писал, что казах «…прежде не особенно привязывался к ним (к земле - А.И.), потому что в *силу господствовавших в то время в степи понятий об общинном владении землею* (курсив – А.И.), зимовки иногда приходилось менять также, как и места обычных летних передвижений, чему в особенности способствовали еще порождаемые барантою междоусобия» [260, с.25]. Пастбища не являлись чьей-то собственностью, а были общей до присоединения Казахстана к России.

Общеизвестно, что в 20-х годах XIX века были проведены реформы по административному делению территории Казахстана, а именно территории Младшего и Среднего жузов. Хотя мероприятия, проведенные Российской империей в Казахстане, вплоть до XIX века видимых изменений в жизнедеятельность казахов-кочевников не вносили, в результате чего автохтонное население традиционно продолжали вести кочевой образ жизни как делали это их предки. Этот факт подтверждает М.И. Красовский: «…все зимовки киргиз (казахов – А.И.) до того строго между ними разграничены, что в этом деле никакое, правительством установленное, межевание не могло бы достичь той точности в обозначении границ между кставами отдельных землевладельцев, какой достигли в этом отношении сами киргизы (казахи - А.И.). Споры между ними порождает не неточность обозначения межи и происходящая от того именно неправильность пользования частью чужих угодий, а бесправный захват поземельной собственности» [260, с.33].

М.И. Красовский приводит пример борьбы за пастбища между казахами-кочевниками, где действуют двойные законы (т.е. законы степи и законы, введённые царской администрацией). Степные и царские законы никак не могли решить проблему покушения на земельную собственность. Специфика традиционного распределения земельного участка среди казахов-кочевников для русских властей была непонятна и, по сути, они не старались вникать в проблему. Однако автор понимает, что «правильное разрешение споров» и распределение земельных участков в регионе приведет «к уничтожению множества преступлений, - скажем более, это – основание, от которого должно идти к установлению в степи того нового однообразного устройства, которое с таким нетерпением ожидается всеми» [260, с.37].

П.И. Рычков, раскрывая особенности кочевок казахов Младшего жуза, отразил в своей работе общее пользование казахами пастбищных угодий. Он

пишет «...киргизцы (казахи – А.И.) по нескольку кочуют. Ибо у них между собою в том никакого раздела нет, и споров не бывает» [61, с.98].

Для нас интересна работа А. Кауфмана «Русская община. В процессе ее зарождения и роста» [261], в которой автор непредвзято подходит к исследованию казахов-кочевников с их специфическим ведением хозяйства. У казахов не было причин для появления частной собственности на обширные пастбища. Кочевники отличались от земледельцев, тем, что у них не возникало надобности присваивать землю, как это было у оседлых народов в силу специфики ведения хозяйства, при размножении скота им не нужно и не выгодно было иметь земельные наделы. Территория была огромной, каждый жуз, род имели свои определенные кочевья. А. Кауфман писал, что все население региона равно перед землей и нет никакой частной собственности на пастбища. Он отмечал, что «…кочевник не знал лично и не признавал за другими индивидуального права собственности на землю» [261, с.58].

В кочевом обществе существовали родовые отношения, которые играли важную роль в жизни казахов. Исходя из того, что пастбища принадлежали роду, т.е. родовой общине, кочевники придерживались сложившихся норм и канонов степи, так как кочевник не мог выжить в суровых условиях без поддержки рода.

Следующий исследователь В. Остафьев писал, что в степи собственности не существовало, кочевники занимались перекочевкой где желали, пастбищ было много и поэтому они без стеснений передвигались со своими стадами [263, с.28].

Известный российский статист Ф. Щербина проводил исследование в Казахстане на рубеже XIX-XX вв. в поисках «излишков» для переселенцев. В 1895 году была организована экспедиция Ф. Щербины, позже труды экспедиции были изданы в 13 томах под названием «Материалы по киргизскому землепользованию» [264-265]. Ф. Щербина впервые отметил, что у казахов существует земельная община, которая не упоминалась ни в одном исследовании или важном документе Российской империи [265, с.3].

Ф. Щербина отразил в своей работе формы землепользования казахов, приспособленных «к естественным условиям края под влиянием родового быта» и кочевому скотоводческому хозяйству, где «до позднейшего времени родовое начало имело в этом отношении главное определяющее значение» [265, с.58-59]. По мнению Ф. Щербины, важную роль в кочевом обществе казахов играло усиление того или иного рода, т.е., чем сильнее род, тем больше территорий для кочевания [265, с.60].

Во второй половине XIX века видный казахский исследователь по этнографии казахов Муса Шорманов опубликовал свои труды, относящиеся к традиционному скотоводству казахов и особенностям ведения хозяйства. В своей статье «Киргизские (Казахские – А.И.) народные обычаи», он раскрывал проблему собственности на пастбища у казахов писал: «*первоначальным способом приобретения права собственности на зимовку было владение, освященное давностью* (курсив - А.И.). …В настоящее время благодаря

Правительству … побоищ …не бывает, если же случаются, то только разве споры за право владения зимовки, и то в редких случаях. Зимовки для каждого из киргиз (казахов – А.И.) составляют священное наследство, с которым связаны самые дорогие воспоминания его» [70, с.5]. Опираясь на взгляды Мусы Шорманова у казахов существовала общинно-родовая собственность.

М. Шорманов отмечает, что во второй половине XIX века уже встречаются факты наделения казахами своих сыновей наследством [70, с.6]. По-видимому, во второй половине XIX века продолжало существовать наследственное родовое владение на пастбища, однако также встречались и случаи, когда земли передавались в наследство либо приобретались с помощью сделки купли-продажи. Примерно в этот период, частная собственность начала проникать в степь.

Однако можно предположить, что у казахов до середины XIX века была общинная собственность, у каждого казахского рода были обозначены границы давностью времен кочевых территорий всех трех жузов и входящих племен. У казахов не было точно определенных границ на пастбища, в основе своей «границы каждой зимовки обозначаются обыкновенно природными знаками, как-то: речкой, озером, лощиной, горкой; если же для определения границ не представляется природных удобств, тогда ставится большой камень или другие (знаки) замечательные предметы, которые, конечно, каждому из киргиз (казахов) хорошо известны. Границы зимовок были издавна распределены обществом целой волости (подчеркнуто – А.И.)» [70, с.8].

М. Шорманов показал, как кочевники жили в гармонии с природой, землей (пастбищами), скотом. Кочевнику не нужны были частные владения пастбищ, для того чтобы выжить в природно-климатических условиях Казахстана возможно было уцелеть только общими усилиями рода. Один в степи кочевник не мог выжить.

Ч.Ч. Валиханов, первый казахский этнограф и знаток казахской истории и этнографии, писал: «Мы устраивали свою жизнь, приноравливаясь к требованиям скотоводства. У наших предков постоянных зимовок не было, точно так же как приуроченных мест для летних пастбищ. Когда в одном месте был голод, киргизы (казахи – А.И.) уходили на другие, более благоприятные, не стесняясь никакими расстояниями» [68, с. 222-223]. Из сведений Ч.Ч. Валиханова, у казахов не существовало частной собственности на землю, земля была общинной.

В начале XX века А.Н. Букейханов, описывая хозяйство казахов, сравнивал казахские пастбища кыстау с крестьянской сельской земельной общиной. Определяя легитимность собственности на пастбища начала XX века, он подчеркивал, «что пастбища, как и вся земля в Казахстане была казенной, и предоставлялась в пользование кочевникам. Несмотря на то, что земля объявлялась государственной собственностью, казахи могли арендовать, дарить, завещать, продавать друг другу покосы, … и … пастбища» [73, с. 15].

По данным А.Н. Букейханова, существовали земли, которые находились в частной собственности «в горах Тарбагатай, Чингис и др. покосы, иногда и

овечье пастбище поделено в пределах «кыстау» между отдельными хозяйствами, и каждое из них распоряжается своею долей на правах частной собственности» [73, с. 15]. Описывая категорию пастбищ, которые находились в совместном пользовании, 2-3 и более кыстау в статистической литературе получили название «общинно-аульной», представляющей последующую за «кыстау» поземельную единицу в киргизском (казахском - А.И.) быту [73, с.15]. Казахи - кочевники группировали свои пастбища «по времени пользования ими и по их относительной важности: зимнее, осеннее, весеннее и летнее» [73, с. 15].

Казахи признавали только свои природные границы: «хребты гор, луга, реки, озера, увалы, долины-водостоки» [73, с. 24]. Русские крестьяне границей своих владений считали «вспаханную борозду», не понимая, каким образом казахи определяют территорию пастбищных угодий [73, с.24].

О наличии частно-коллективной собственности на скот и «общественного» (общинного) владения на землю высказывал С.Е. Десницкий и Н.И. Гордеков. В конце XVIII в. русским дореволюционным исследователем С.Е. Десницким была сделана попытка раскрыть наличие собственности у кочевников на основе теории естественного права [266, с.60-61]. По свидетельству С.Е. Десницкого, главным объектом собственности у кочевников был скот, находившийся в частно-коллективной собственности семьи и соседств [266, с. 68]. В результате он приходит к следующему заключению, что кочевники не имеют «совершеннейшего понятия о праве собственности» на землю, так как нет юридических на то оснований, значит, она им не принадлежит [266, с.68]. С.Е. Десницкий отсутствие собственности на землю связывал с тем, что кочевники не имеют стационарного жилища и передвигаются с места на место (кочуя по пастбищам – А.И.), «не имеют собственности в земле» и «разделения оной никакого не бывает» [266, с. 68]. Таким образом, на основе умозаключений автора земля не принадлежит кочевникам, так как нет юридических актов, подтверждающих земельное владение. Концепция С.Е. Десницкого была принята правительством с небольшими изменениями и стала одним из основополагающих аргументов для объявления казахских земель собственностью Российской короны.

Однако С.Е. Десницкий в своей работе затронул общинную собственность кочевников, четко сформулировав следующее: «Живущие скотоводством народы часто собираются обществом и пируют вместе и на *общей всем земле* (курсив – А.И.) и присматриваются совокупным надзиранием всех семейств. … Но если живущие в пастушеском состоянии народы не имеют довольного понятия о праве отыскивания своей собственности, то они и несравненно меньше иметь должны понятия о праве отчуждения своей собственности *по причине их совокупного и общественного владения*, которое …. Единожды затвержденное у всех, не дозволяет частному человеку отчуждать своего имения ни при жизни, ни по смерти» [266, с. 68]. Из отрывка труда, можно предположить, что С.Е. Десницкий возможно понимал специфичность номадизма, но не мог донести и объяснить ее особенность

властям. Русские дореволюционные исследователи не были осведомлены в полной мере с особенностями ведения скотоводческого хозяйства казахов. Царская администрация не была заинтересована в развитии кочевого скотоводческого хозяйства в степи и преследовала другие цели.

В исследовании Н.И. Гродекова «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области: юридический быт», он отмечал, что до присоединения Казахстана к России «... земля не считалась личной собственностью. Она принадлежала лицу только до тех пор, пока он на ней находился или ее обрабатывал, до сих пор в северных уездах земля не переходит по наследству» [267, с. 125]. Работа была написана после объявления земель Казахстана собственностью Российской короны, по этой причине появляются в регионе пахотные наделы, находившиеся в частной собственности, в связи постепенным развитием оседлого земледельческого хозяйства власти давали крестьянам право на частную собственность земли.

В степи постепенно под влиянием внешних и внутренних факторов происходила трансформация взглядов на землю в Казахстане. Из работы Н.И. Гродекова видно, что в сельском хозяйстве в степи происходят изменения, так, наличие частной собственности или ее отсутствие зависело от того обрабатывались ли земли либо использовались под пастбищные угодья. При кочевом скотоводстве пастбища были общинными, т.е., кто первый захватил пастбище - того земля, однако это действовало только на сезон кочевания. В случае обработки земли и при наличии построек земля принадлежала той стороне, которая могла доказать собственность (свидетелями или наличием документов).

Н.И. Гродеков, как и многие исследователи, считает, что пользование землей было неравномерным [267, с. 126]. Здесь, скорее всего, речь шла о пастбищной общине, управление в которой было за богатыми скотоводами. Так сложилось в традиционном хозяйстве, что из-за преобладающего количества поголовья скота в руках зажиточных казахов находилось больше земель по сравнению с простыми кочевниками, это было закономерностью: чем больше поголовья скота, тем больше понадобится пастбищных территорий для прокормки. В кочевом обществе вследствие скотоводческой направленности хозяйства всем казахам-кочевникам в роду было практичней жить совместными усилиями в родовой общине.

По свидетельству Н.И. Гродекова, «закон 1867 г. вовсе не коснулся поземельного устройства туземцев» [267, с. 132]. В Туркестанском крае существовал закон от 12 июня 1886 года, который устанавливал поземельные отношения в регионе. Исследователь приводит несколько параграфов из «Положения об управлении Туркестанским краем» 1886 года, где относительно земельной собственности дано следующее положение: «Государственные земли, занимаемые кочевьями, предоставляются в бессрочное пользование кочевников на основании обычаев и правил....» [267, с. 132], что подтверждает взгляды ученых об общинном владении пастбищ в

кочевом обществе, заложенные в традиционном землепользовании казахов-кочевников.

Кочевники могли пользоваться пастбищами, пока земли были заняты хозпостройками, в некоторых случаях они даже «переходят по наследству, пока существуют строения» [267, с. 133]. Но если постройки уничтожаются, то «земли возвращаются обществу» [267, с. 133].

Казахи, занятые кочевым хозяйством, во время кочевки могли выбрать любой приглянувшийся участок: «хозяин каждой кибитки волен тронуться и остановиться, когда хочет» [267, с. 135]. По-видимому, кочевники могли остановиться в удобном для рода местности, что подтверждает наличие общинной собственности на землю.

Н.И. Гродеков придерживался мнения, что у казахов основным имуществом был скот. По данным автора, у казахов была семейно-родовая собственность: «Общность имущества киргизов (казахов - А.И.) основывается на родовом начале. Чем теснее круг родства, тем бесконтрольнее члены его пользуются имуществом друг у друга» [267, с.141]. В общинной собственности и заключалась особенность кочевого скотоводческого хозяйства.

К исследованиям общего характера относятся труды С.П. Палласа, В.К. Герна и других [58; 253]. Большая часть русских исследователей не понимала специфику кочевого образа жизни.

Исследователи как П. Хворостанский [259], А. Кауфман [261-262], П.П. Румянцев [257-258], В.Остафьев [263], Т.Седельников [255] и другие затрагивали проблему землепользования в степи.

Если в XVIII веке административные чиновники не вмешивались во внутреннее устройство и никоим образом не поддерживали оседание казахов, а наоборот, старались консервировать кочевое скотоводство, то со второй половины XIX века политика кардинально изменилась. Изменения, конечно, же отразились на законодательных актах Российской империи 20-х и 60-х гг. XIX века. Царские чиновники, решая земельные проблемы русских крестьян, ущемляли права кочевых казахов, ища «излишки» земель.

Чиновники не учитывали природно-климатические условия Казахстана, при которых в регионе сложилось кочевое хозяйство. Невозможно даже сравнивать оседло-земледельческую и кочевую культуры, так как это обсолютно разные культуры со своими устоявшимися хозяйственно-культурными типами.

Законным владетелем земель у казахов был род, который веками кочевал на территории Казахстана и сформировал за это время свои определенные границы, опираясь на законы степи и природы. Пастбищами помогали управлять султаны, бии - высшие социальные слои казахского общества. Несмотря на, то, что земля в Казахстане была объявлена собственностью империи (государственной), фактически кочевники продолжали использовать ее, как и прежде, но в дореволюционных исследованиях встречаются сведения о землях, находившихся в частной собственности. Это были земли, занятых

оседлым ведением хозяйства (земледелием, садоводством и оседлым скотоводством).

После окончательного вхождения земель Казахстана в состав Российской империи вопрос о собственности на пастбища был поставлен на первое место, однако несмотря на различные положения и законы администрации, они не могли окончательно решить проблему земли экономически. Если законодательно земля была утверждена государственной собственностью, то пастбищные угодья фактически находились в руках родовых общин. Колониальная власть не могла физически решить проблему с землей в Казахстане.

Большинство исследователей, изучавших Казахстан, преследовали одну идею, как можно быстрее колонизовать регион и изъять как можно больше выгоды для России как в экономическом, так и в стратегическом плане. Чиновники не заботились о нуждах коренного населения, не понимая всех нюансов кочевого хозяйства, считая, что в степи слишком много земель, которые используются нецелесообразно.

После революции и гражданской войны в середине 1920-х годов возобновляются исследовательские изыскания по кочевым народам. Научные труды, написанные советскими учеными в 1920-е не были привязаны к каким - либо подходам.

Одной из таких работ, опубликованных в 20-е гг. XX века, была монография А.П. Чулошникова «Очерки по истории казак-киргизского народа», где рассмотрены отношения казахов к собственности, сложившиеся на основе кочевого скотоводческого хозяйства [91]. Исследователь, проанализировав кочевую общину, а также внутреннее устройство казахов со второй половины XV в. до начала XVIII в., попытался показать зарождение и эволюцию патриархально-родовых отношений и отношений к собственности у казахов [91, с. 193-219]. Устройство кочевого общества казахов основывались на родовых отношениях, по утверждению ученого сложились, поверхностные основы феодализма номадов.

Таким образом, проанализировав литературу, можно сделать заключение, что взгляды исследователей можно поделить на четыре категории: первая, выделяет родовую собственность на скот, как единственную и наиболее значимую, вторая отмечала отсутствие собственности на землю (А.И. Левшин, Г. Гинс, П.П. Румянцев, П. Хворостанский), третья выделяет общинно-родовую (но не индивидуальную) собственность на пастбища (И.Г. Герн, М.И. Красовкий, П.И. Рычков, А.А. Кауфман, В. Остафьев, Ф. Щербины, М. Шорманов, Ч. Валиханов, А. Букейханов), и четвертая частно-коллективная собственность на скот и общинное владение на землю – С.Е. Десницкий, Н.И. Гродеков.

Таким образом, на основе анализа трудов исследователей и чиновников царского периода о земельной собственности видно, что вопрос проблем частной собственности у кочевников специально не изучался, а освещался поверхностно. Связано было это с тем, что изучение Казахстана шло стихийно,

писали только об интересующих стратегически важных для Российской короны вопросах. Со второй половины XIX века исследования начали затрагивать проблемы, связанные с землей окраин России по мере важности их освещения для политических целей. Российские власти должны были решить земельный кризис в самой России, в результате начинают появляться труды и экспедиции, связанные с изучением окраин Российской империи, целью которых было найти излишки земель для русских крестьян, особенно ярко это проявлялось в конце XIX – начале XX вв.

Дореволюционными исследователями вопрос о собственности на скот специально не был разработан, а если и рассматривался, то только с изменением в хозяйстве кочевников - казахов. Большая часть исследователей царского периода придерживались мнения, что у казахов имелась, бесспорно, частная собственность на скот. Для дореволюционных ученых собственность на землю была неопределенной и вызывала затруднение в решении вопроса собственности.

Исследователи дореволюционного периода утверждали, что у казахов основным продуктом производства был скот. Ученые не считали пастбища собственностью кочевников.

Изучая проблему собственности у казахов, нужно определить правовой аспект владения пастбищами. Однако законодательно закрепленной земли или скота у кочевников казахов не было и аспект собственности в законах, если описывается, то поверхностно и размыто, по данной причине правовой аспект отпадает. Но мы можем точно утверждать, что скот находился в собственности рода, который распоряжался им.

У исследователей второй половины XIX – начала XX вв. наличие собственности у казахов на скот не вызывало сомнений. Второй объект собственности – земля, по взглядам ученых, либо отсутствовал, или носит общинно-родовой характер.

После революции и окончания гражданской войны возобновляются исследовательские изыскания по истории кочевых народов на основе родовых отношений в кочевом обществе.

2.2 Основные концепции изучения собственности казахов-кочевников в контексте феодальной стадии формационной теории

В советской историографии с конкретными исследованиями постепенно появляются дискуссионные, теоретические проблемы номадизма. В 1930-е гг. происходят значительные перемены в методологии исследования исторического процесса. Так, 30-е годы XX века появилась серия публикаций по истории кочевников, в которых кочевое общество трактовалось на основе новой доктрины. Логическим завершением этой концептуально-идеологической политики было появление «Краткого курса ВКП(б)» [268], где утверждались принципы формационного подхода к истории человечества [269, с. 357]. Коммунистическая партия дает установку по внедрению пятичленной

модели К. Маркса. На основе формационной модели советским ученым нужно было разработать развитие кочевых народов Средней Азии и Казахстана.

Проблема кочевого феодализма была поднята в 1934 году, впоследствии появляются исследования, в которых исторический процесс рассматривался на базе марксистской схемы. Полемика по проблеме кочевого феодализма началась с выходом трех первых исследований, взгляды которых не совпадали и соответственно каждый по-разному, интерпретировал феодализм у кочевых народов.

Одним из первых разработчиков концепции кочевого феодализма был С.П. Толстов, который с докладом «Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах» [99, с. 22], выступил в июне 1933 году на пленуме Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК). В докладе он для идентификации кочевого общества использовал известную «пятичленку». По утверждению С.П. Толстова, номады в своем развитии проходят рабовладельческую и далее феодальную стадии развития. Автор доклада рассматривал проблему собственности номадов на основе теории общественно-экономической формации.

Отношения кочевого феодализма, по утверждению С.П. Толстова, были построены на «саунных отношениях», которые характеризовались исследователем как выдача скота крупными скотовладельцами рядовым кочевникам (беднякам), в обмен «выполнять отработочную повинность … феодала в качестве пастуха или барщинного работника на полях (пастбищах - А.И.) феодала в районе зимовок» [99, с. 188]. С.П. Толстов считал саунные отношения кочевников аналогом прекарии Западной Европы. На основе сауна сложилась форма кочевья из группы хозяйств, «связанных между собой» этими отношениями [99, с.189]. Феодальные отношения кочевников существовали в форме родовой организации, что было связано с наличием саунных отношений и спецификой территориальных связей в кочевом обществе.

В кочевом феодализме, по свидетельству С.П. Толстова, «наиболее сложным вопросом … является вопрос о формах феодальной земельной собственности в кочевых районах» [99, с. 190]. Формирование земельной собственности у кочевников, по утверждению ученого, «начинается в сфере наиболее интенсивных областей хозяйства кочевников – в области сопутствующей скотоводству земледелия в районе зимовок. Здесь феодальная собственность на землю выступает в своей неприкрытой форме очень рано, причем родоплеменные традиции облегчают захват феодалами земель», - заключает С.П. Толстов [99, с. 190].

Другим сложным вопросом в кочевниковедении, по утверждению С.П. Толстова, была проблема собственности на скот. Практически жайляу – это пастбище, которое принадлежит роду, но фактически земли находятся во владении крупных скотовладельцев. Господство над рядовыми кочевниками было сосредоточено у зажиточных кочевников: «…право сбора феодальной ренты, сложившейся в области отношений по владению скотом и оформившаяся в районе зимовок в законченные формы феодальной земельной

собственности, продолжает сочетаться с юридической фикцией родоплеменной собственности на землю» [99, с. 191]. С.П. Толстов признавал фиктивность родоплеменной собственности на землю у кочевого общества.

Второй взгляд по проблеме феодализма у кочевников был изложен Н.Н. Козьминым в монографии «К вопросу о турецко-монгольском феодализме» [270]. Исследователь считал, что феодализм у оседлых и кочевых народов был идентичным и в принципе ничем не отличался от западноевропейского феодализма.

Третьим исследователем был Б.Я. Владимирцов, опубликовавший монографию «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм», в которой была подробно изложена концепция теории «кочевого феодализма» [100]. Теория кочевого феодализма монголов опиралась на пастбищную феодальную собственность, где феодал руководил и контролировал систему землепользования.

Концепция Б.Я. Владимирцова заключалась в том, что феодалы управляли зависимым населением и распределяли пастбища, т.е. власть была в руках крупных феодалов над зависимым населением (мелкими кочевниками). Зависимые рядовые скотоводы использовали землю в качестве пастбищных угодий для выпаса скота, одновременно выполняли различные натуральные повинности. Исходя из особенностей «кочевого феодализма» у номадов, по мнению автора, должна была присутствовать собственность на землю.

Б.Я. Владимирцов пытался разъяснить в работе суть существования у монголов феодальной собственности на землю и скот. В монографии автор характеризует рядовых монголов пастухами крупных феодалов, но не свободными кочевниками, он не учитывал специфику родоплеменных отношений внутри кочевого монгольского общества, которые формировались веками, и не отличал земледельцев от кочевников, игнорируя специфичность номадизма.

При использовании концепции кочевого феодализма для характеристики кочевого общества стали возникать трудности и выявились недочеты в определении основных средств производства. Нужно было определить, земля или скот является средством производства. В результате к разработке и решению вопроса приступают другие исследователи, попытавшиеся выдвинуть новые трактовки. По взглядам некоторых исследователей скот был основным средством производства.

В 1936 году А.П. Чулошников в статье «К истории феодальных отношений в XVII-XVIII вв.» [92, с. 498] раскрыл взаимоотношения между феодалами и непосредственными рядовыми кочевниками, характеризующиеся эксплуатацией, в итоге которой большая часть кочевников лишалась «постепенно значительной части своего скота и свободного распоряжения необходимыми им пастбищами и колодцами» [92, с. 502]. По утверждению ученого, в степи была создана «благоприятная обстановка для возникновения частной собственности не только на скот, но и на пастбища» [92, с. 503].

Родовая собственность существовала формально, хотя «фактически рождалось и крепло частное захватное право на землю» [92, с. 503].

Кочевая земельная собственность, по взглядам А.П. Чулошникова, «не совсем похожа на частную собственность оседлого земледельца, но по существу в ней не было чего-либо качественно отличного» [92, с. 503]. Несмотря на то, что все пастбищные угодья формально находились в родовой собственности, на самом деле феодалы свободно распоряжались не только землей, но и водными источниками (колодцами), - заключает А.П. Чулошников [92, с.503 - 504].

А. Бернштам в труде «Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии», утверждал, что разрушение общинно-родовых отношений способствовало выделению частной собственности на скот и землю [95, 101-102]. По суждениям исследователя, распад общественно-родовых отношений происходил постепенно, «…сначала земля-пастбище принадлежит целой группе семей, в то время как скот является собственностью отдельных семей. … Далее происходит выделение в частную собственность земли, что закрепляет процесс классового расслоения. При этом первоначально, однако, земля находится только в пользовании отдельных семей, но является собственностью целого рода. Родовая община выступает в этом как субъект-владетель» [95, с.102]. По заключению А. Бернштама, первой выделилась собственность на скот, а позже появилась и на землю [95, с.102].

В 1938 году вышла в свет монография Г. Тогжанова «Казахский колониальный аул» [94]. По представлению автора, в Казахской степи вне зависимости от времени и периода имели место и «родовое землепользование (общинное – А.И.)» [94, с.13], у кочевников было традиционное представление о «божьей» земле, так как в период классического номадизма пастбища не имели определенных границ [94, с. 35].

Скот по мнению Г. Тогжанова «находился в индивидуальной собственности» внутри рода [94, с.37], а земля (пастбища - А.И.) находилась в родовой аульной общине и пользовались ей сообща, хотя «фактически … землей распоряжались … главари родовых групп» [94, с.38]. Кочевой феодализм, строился на основе крупного скотовладения крупных казахских феодалов [94, с.77].

При кочевом скотоводческом хозяйстве обширные пустующие земли, не нуждались в «юридическом закреплении», родовым феодалам было практичнее «прикрываться «общинно-родовым» или «общинно-аульным» землепользованием» в результате «самим распоряжаться и пользоваться … лучшими пастбищами» [94, с.79; 271]. Аналогичного мнения были авторы первого издания «Истории Казахстана» они утверждали, что в степи частная собственность на землю при кочевом скотоводстве была невозможна [271, с. 191]. Право на распоряжение общинными пастбищными угодьями не принадлежали никому, но «ханы, султаны и бии могли по своему усмотрению распоряжаться» ими [271, с.191].

Г. Тогжанов правильно, на наш взгляд, отмечал, что «земля без скота не представляла большой ценности» для кочевников, поскольку необходимость в пастбищных угодьях увеличивалось «пропорционально росту поголовья стада» [94, с. 79].

Казахский кочевой феодализм, по представлению исследователя, был построен по принципу: «большим правом пользовался тот, кто владел большим стадом и, кто имел много потомков (сыновей и ближайших родственников)» [94, с. 85]. Средством производства был скот «…в дореволюционном казахском ауле» [94, с. 128].

В 30-х гг. советскими исследователями были высказаны следующие взгляды по поводу собственности у кочевников: одни выделяли собственность как на скот, так и на землю (Б.Я. Владимирцов и его сторонники), другие считали, что существует родовая собственность на пастбища, а скот в индивидуальной собственности семьи (А. Бернштам, А.П. Чулошников, Г. Тогжанов), третьи родоплеменную собственность на землю и на скот (С.П. Толстов).

Советская историография показывала историю дореволюционного периода на основе классового неравенства (эксплуататоры и эксплуатируемые, богачи и бедняки т.п.), дабы в противовес показать имущественное равенство народа в СССР и мнимое равенства в кочевом обществе. Историки не могли отойти от общепринятых догм в советской марксистской исторической науке, мыслить в СССР не по «шаблону» было запрещено.

В конце 1940-х - начале 1950-х годов появляется много работ, касающихся концептуальных и теоретических вопросов номадизма. В 50-е гг. XX века советские ученые для трактовки и подтверждения своей теории начали активно применять и выделять средства производства у кочевников земля или скот являются основными источниками производства. Опираясь на основные средства производства исследователи выделяли собственность. Л.П. Потапов и его сторонники выделяли не только пастбища в качестве средства производства, но и владение на скот (Л.П. Потапов, С.З. Зиманов, А. Еренов, и др.), хотя главным источником производства по их мнению была земля. Другие выделяли главным и базовым средством производства – скот, где основной труд прилагался на скот. Существовала общинная собственность на землю и частная собственность на скот (В.Ф. Шахматов, С.Е. Толыбеков, М. Вяткин, Н.Г. Аполлова, А.Б. Турсунбаев и др.). С.В. Юшков землю выделяет как средство эксплуатации, а собственность единоличная по его мнению была на скот. Ф. Жеребятьев считал, что под прикрытием родовой, существовала частная феодальная собственность на землю и на скот.

Е. Бекмаханов в первой половине XIX века параллельно с общинным владением выделяет частное владение на пастбища [272, с.77], в результате двойной борьбы за землю (внутренней и внешней) в итоге привело к кризису пастбищно-кочевого хозяйства и модифицировало «структуру хозяйства казахов» [272, с.77], в результате происходило формирование феодальной собственности на пастбища.

Итак, опираясь на формационную общественно-экономическую формацию среди ученых выделяются различные взгляды на кочевое общество, а также его месте в историческом процессе и на ее основе выделяют собственность (земля или скот). В результате разработок среди ученых возникли некоторые трудности в определении к какой формации отнести номадов к патриархально-общинной или феодальной.

По взглядам М. Вяткина, родовой собственности на скот не существовало, а была частная семейная собственность, которая дробилась путем выделения наследства сыновьям при жизни отца, кроме младшего сына, который наследовал имущество отца, «но, несмотря на такие выделы, скот считался собственностью семьи, а не лица, поэтому отец не мог свободно им распорядиться путем завещания» [273, с. 97, 242, 51-52]. В кочевом казахском обществе индивидуальной собственности не существовало, а была семейная или общинно-родовая собственность, которая принадлежала одному крупному роду. Частная собственность на землю в кочевом казахском обществе не могла сложиться из-за специфичности кочевого хозяйства, М. Вяткин оценивает казахское общество как феодализирующееся, но с присущей только ей социальной структурой [273, с. 83, 82].

Наличие собственности на скот и распределение пастбищ знатью, М. Вяткин характеризует, как форму узурпации коллективной собственности на землю особенно в летнее и зимнее время. Право распоряжения общественной землей являлась экономической формой присвоения общинных пастбищ казахской знатью и родовыми старшинами. Захват земель в частное пользование мог вызвать взаимные столкновения [273, с. 87-88]. В кочевом казахском обществе существовала зависимость от крупных скотовладельцев, которая была закономерностью, так как чем больше поголовья скота, тем значительнее был охват земельных пастбищ.

Н.Г. Аполлова считала, что у казахов перестала существовать родовая собственность на скот с появлением частной семейной собственности [274, с. 51 - 52].

Специфичность землепользования у казахов в кочевом скотоводческом хозяйстве, а также условность родовых угодий казахов, не способствовала захвату пастбищ в собственность [274, с.59]. В Казахстане проходил процесс феодализации и поэтому, «… в кочевом скотоводческом хозяйстве еще не образовалась феодальная собственность на землю», - пишет Н.Г. Аполлова [274, с.59].

Искусственное водопользование (рытье колодцев) давало кочевникам преимущество на пастбищные угодья, располагающиеся рядом с колодцем: считая их своей собственностью закрепляя «…наиболее удобные, обеспеченные водой» пастбища [274, с.72].

В случае потери скота по причине гололедицы или падежа обедневший кочевник «мог потребовать помощи от богатого скотовладельца», тем самым кочевник напоминая «об общинном праве пользования пастбищами» [274, с.76].

А.Б. Турсунбаев в своей работе «Великий перелом в сельском хозяйстве Семиречья» [136], утверждал, что у казахов была частная собственность на скот, но «не было частной собственности на землю» [136, с. 12]. Однако отметим, что автор рассматривал скотоводство в более позднее время, и как ярый марксист считает, что у казахов-кочевников не было «ни частной собственности на землю, ни индивидуального землепользования» [136, с.12]. Отрицая частную собственность у казахов, он писал о существовании общинно-родовой собственности на землю [136, с.12].

Частная собственность на скот по мнению А.Б. Турсунбаева приведет к распаду «родовой общины, … и к постепенному установлению частной собственности на землю» [136, с.12].

Переход к частной собственности в казахском обществе был номинальным, т.е. пока Россия не вмешивалась в традиционную жизнь кочевников и территориальную целостность региона, казахи сохраняли свои традиционные кочевья, и никто не мог открыто говорить, что пастбище принадлежит кому-то единолично. Пастбища обычно принадлежали определенному роду или племени. Традиционное жузовое и территориальное деление у казахов связано с типом кочевания.

Другой исследователь С.Е. Толыбеков в публикации «О некоторых вопросах экономики дореволюционного кочевого аула», анализируя проблему собственности у казахов, писал «никакой общности имущества не было» [252, с. 69]. В кочевой аул входили «моногамные семьи», которые формировались «на частной собственности на скот», внутри семей существовало имущественное неравенство, приводившее к эксплуатации [252, с. 69].

С.Е. Толыбеков высказывал предположение, что появление социального статуса «бай» в кочевом обществе появилось в результате «богатства (байлық) в частной собственности у индивидуальных семей» [275, с. 76]. Основным средством производства у кочевого общества, по утверждению ученого, был скот [275, с. 90].

В.Ф. Шахматов, как и С.Е. Толыбеков считал скот, средством производства и в то же время продуктом производства, потребления и затем товаром [276, с. 18-22; 277, с. 14].

В условиях кочевого скотоводства эксплуатация основных производителей в XIX веке, строилась на основе частной собственности на скот и наделения им во временное пользование, утверждает В.Ф. Шахматов [276; 278, с.95]. С точки зрения В.Ф. Шахматова, у кочевников существовал феодализм на основе владения скотом и выдачи ее в аренду, а земля являлась данной свыше.

Причина отсутствия земельной собственности у кочевников, по мнению В.Ф. Шахматова, заключалась в исключении необходимости превращения «пастбищ в земельную собственность», так как рост поголовья на ограниченных частных землях «тормозило бы воспроизводство стада и производства в целом» [276, с. 27]. Частная собственность на пастбища «неизбежно привело бы к своеобразной пастбищной чересполосице,

нарушающей веками, установившуюся пастбищно-кочевую систему с ее меридиональным кочеванием с севера на юг на тысячи километров» [276, с. 27].

Процесс перехода земли в частную собственность в Казахстане В.Ф. Шахматов относит к первой половине XIX века, под влиянием внешних и внутренних трансформационных процессов [276, с. 34].

С.В. Юшков считал, что казахи находились на патриархально-феодальном уровне развития [279, с. 62 - 63]. Первые сведения о земельной собственности, по мнению С.В. Юшкова, относятся к XVIII веку [279, с. 63].

Крупные казахские скотовладельцы распределяли пастбищные угодья между общинами и родами, возглавляемыми старшинами. Для полноправного распределения кочевий между рядовыми номадами, зажиточным скотовладельцам, по утверждению С.В. Юшкова, нужно было обладать значительным количеством скота, для захвата пастбищ, «что можно …сделать только в результате усвоения ими права распределения кочевий» [279, 63 - 64].

С.В. Юшков не был согласен с точкой зрения В.Ф. Шахматова и его сторонников, которые по сути отрицали главный признак феодализма: «эксплуатацию по земле», что по мнению ученого «ставить вопрос о существовании там особой общественно-экономической формации, отличной от феодализма» [279, с. 64]. Тем самым автор хотел показать концепцию, построенную В.Ф. Шахматовым и его сторонниками, как методологически отрицающую классический феодализм, разработанный в трудах основоположников марксизма.

Основой феодальных отношений, по высказыванию С.В. Юшкова, была земля, а не скот. Согласно мнению автора, земля была средством для эксплуатации. Отличительной чертой феодализма в Казахстане было то, что средствами производства являлись «…пастбища, а не пахотная земля…» [279, с. 65]. Крупные скотовладельцы «не только распоряжались пастбищами, т.е. обладали правом, являющимся одним из элементов права собственности, но и полной собственностью на пастбища» [279, с. 65]. По свидетельству автора, в случае наличия собственности на землю, у кочевников должны были существовать точные границы земельных владений, которые при кочевом скотоводстве не характерны [279, с.65]. Главным объектом единоличной собственности является скот [256, с. 67].

Исследователь Ф. Жеребятьев о феодальной собственности казахов писал: «… под прикрытием родовой, самая настоящая феодальная собственность на землю. (Поземельная собственность вообще является коренной чертой феодализма)» [280, с. 60]. Он поддерживает мысль о наличии родовой собственности на землю, которая была «…юридически выражением феодальной собственности» [280, с. 60].

Ф. Жеребятьев, выделяет три особенности собственности кочевников: во-первых, она проявлялась на «…определенную земельную территорию, необходимую для кочевья крупного рогатого скотоводческого хозяйства»; во-вторых, феодальная частная собственность … на скот; в-третьих, феодализм в

Казахстане широко использовал и превратил в мощное орудие закабаление и эксплуатацию трудящихся…» [280, с. 60].

Проблема собственности у кочевников особенно активно в советской историографии обсуждалась в 1950 - 1960-е годы. Одним из главных и актуальных вопросов в исторической науке были дискуссионные проблемы о роли земли и скота как основных средств производства в кочевом обществе. В СССР сторонников наличия земельной собственности у кочевников было больше, чем сторонников собственности на скот.

Важную роль для советской историографии сыграла научная сессия в Ташкенте 1954 года [281], посвященная истории Средней Азии и Казахстана в досоветский период.

Большая часть участников конференции поддержала идею о том, что у номадов преобладали патриархально-феодальные отношения. Но среди участников были разные мнения по поводу основных средств производства в кочевом скотоводческом хозяйстве, которые и стали основной и главной проблемой дискуссии, а затем были продолжены в публикациях и монографиях ученых.

На Ташкентской сессии в ходе обсуждений появились две точки зрения: одни считали, что земля и скот являются основными средствами производства (Л.П. Потапов, С.З. Зиманов, А. Еренов, и др.), а другие считали средством производства – скот (С.Е. Толыбеков, В.Ф Шахматов).

Доклад Л.П. Потапова «О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана» в котором автор доказывал, что не только земля являлась средством производства, но и скот. Кочевое хозяйство позволяло осваивать пастбища, которые невозможно было использовать для земледелия [282].

Л.П. Потапов утверждал, что ведение комплексного экстенсивного хозяйства было возможно только при наличии пригодных для этого больших территорий. По свидетельству ученого, главным средством производства у кочевников была земля, т.е. пастбища, которые были решающим фактором производства. При наличии обширных земель и при круглогодичном выпасе скота в течение года существует возможность воспроизводства стад. При этом следует учесть и то обстоятельство, что традиционное хозяйство казахов было натуральным, оно было расчитано только на свои потребности [282].

По его мнению, на основе собственности на скот зародилась частная собственность на общинные пастбища, которые со временем перешли к зажиточным владельцам скота, что привело к общему увеличению поголовья скота. В итоге автор приходит к заключению, что в кочевом обществе шел непрерывный процесс развития монополизации собственности на пастбища. Таким же путем шло прикрепление к земле обычных скотоводов и формирование феодальных отношений [282, с. 76]. Передача скота обедневшим кочевникам была главным орудием прикрепления их к собственности феодала-кочевника, которое выражалось в патриархальной форме [282, с. 79-80]. По

мнению Л.П. Потапова, сохранялась территориальная община, которая консолидировала кочевников не по-родственному, а по военному принципу.

Опираясь на мнение, что именно пастбище было основным условием ведения кочевого хозяйства, не приуменьшал значение владения на скот, так как считал, что пастбище хотя и основополагающее, но не основное средство производства [282, с. 76].

На конференции с докладом выступил В.Ф. Шахматов на тему: «О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Казахстана», а содокладчиком был С.Е. Толыбеков [283; 284]. Основная мысль авторов заключалась в том, что при кочевом скотоводстве труд прилагался непосредственно на скот, а не на землю [283, с. 50; 284, с. 60-61]. Главным и базовым средством производства был скот [283, с. 51, 52].

При кочевом скотоводстве прикрепление пастбищ было невозможным, учитывая специфику ведения хозяйства у кочевников, «земля не служила основой эксплуатации» [283, с. 52]. Исследователь описывал существование двух основных форм эксплуатации: первая заключалась в раздаче скота «на временное пользование: саун, асыр, жилу», вторая форма «прикрепление их личности феодала через тот род, тайпа, атабаласы, которыми … феодал управлял» [283, с.52].

По мнению В.Ф. Шахматова, в кочевом казахском обществе не было классического феодализма, а были патриархально-феодальные отношения. По утверждению ученого без частной собственности на землю, не могут существовать полноценные феодальные отношения. В кочевом обществе рентой был скот, а в земледельческом – земля [283, с. 53]. С.Е. Толыбеков считал, что отношение к земле было разным и менялось оно «в зависимости от степени общественного развития» [284, с. 60 - 61]. У кочевников не могла существовать индивидуальная собственность на землю [284, с. 61]. По утверждению С.Е. Толыбекова патриархально-феодальные отношения и феодальные отношения не идентичные понятия [285, с. 75], у кочевников была общинная собственность на землю и частная собственность на скот [285, с.76]. Появление крупных, зажиточных скотовладельцев и правителей связано, по мнению исследователя, связано с возникновением частной собственности на скот [285, с.76].

При чисто кочевом ведении хозяйства у кочевников юридически отсутствовало право на землю. Толыбеков С.Е. правильно отмечал, что «…земля и скот являются различными объектами и средствами труда в двух самостоятельных отраслях производства…» [284, с.62].

По С.Е. Толыбекову, процесс производства определяется спецификой процесса труда. Если при кочевом же скотоводстве процессом производства является скотоводство, «… то *результатом труда будет скот* (курсив наш – А.И.) и его продукты» [284, с. 61 - 62].

При кочевом скотоводческом хозяйстве необходимым условием для сохранения пастбищно-кочевой системы, по утверждению В.Ф. Шахматова, было распределение пастбищ внутри рода между аулами, иначе привело бы к

хаосу, неразберихе и хищническому истреблению «пастбищ и гибель скота» [283, с. 54]. Изменения в земельных отношениях у кочевников начали происходить после присоединения Казахстана к России [283, с. 56].

По заключению В.Ф. Шахматова, при кочевом ведении хозяйства не могла возникнуть феодальная собственность на землю. Только с переходом к оседлости и земледелию кочевники могли перейти к частной собственности на землю [282, с. 56]. Прикрепления к земле среди кочевого общества не было, но имелись саунные формы прикрепления. В кочевой степи существовала наделение скотом во временное пользование, «которое вело к закабалению бедноты и к неполной собственности феодала на крестьянина» [283, с.57].

Кочевники-казахи в XV-XVIII вв. не могли передавать пастбища по наследству, так как земля имела общинную форму собственности [284, с.67].

С.Е. Толыбеков, делая заключение по поводу уровня феодальных отношений в казахском обществе, писал, что «основой патриархально-феодальных отношений у казахских кочевников XV-XVIII вв. была частная собственность на скот при общинном владении пастбищем … Пастбища не являлись частной собственностью отдельных скотоводов; до первой половины XVIII века они находились в общинном владении. Никаких очерченных границ, закрепленных территорий пастбищ за отдельными лицами, аулами, родами в этот период не было. В процессе беспрерывных передвижений кочевники коллективно использовали пастбища» [285, с. 81].

Таким образом, сторонники второго подхода к собственности, С.Е. Толыбеков и В.Ф. Шахматов, считали, что в основе кочевого скотоводства лежали общинные формы собственности на землю и частная собственность на скот. Такие патриархально-феодальные отношения воспринимались учеными как начальный этап феодализма и базис для его сложения [286, с.14]. По мнению исследователей, монопольное владение пастбищами принадлежало зажиточному кочевнику. С.Е. Толыбеков придерживался мнения, что в кочевом хозяйстве не могли сложиться полностью развитые феодальные отношения без перехода к оседлости [103, с. 112; 104, с. 75-76, 79-80].

Сторонники В.Ф. Шахматова и С.Е. Толыбекова полагали, что частная собственность на землю у кочевников возможна только с переходом хозяйства к оседлости [285, с.77].

Однако мнение С.Е. Толыбекова и его идейных единомышленников на конференции в Ташкенте не поддержали. Основная часть участников сессии была на стороне идей Л.П. Потапова, тем не менее, они отрицательно отнеслись к его суждению о том, что у кочевников средства производства составляли как земля, так и скот.

В итоге дискуссия в Ташкенте утвердила на долгие десятилетия в кочевниковедческой литературе феодальную концепцию номадов. Большинство ученых считали, что частная собственность на землю была основой производственных отношений у кочевых народов. Тем самым утвердилось мнение об одинаковых производственных отношениях, как оседлых народов, так и кочевников.

Применяемые методологические подходы в исследованиях ученых в номадологии не сумели раскрыть теоретическую проблему и завели дискуссии в тупик. В связи с идеологическим давлением на ученых была дана необъективная интерпретация исторических фактов, и дореволюционный период истории Казахстана отнесли к феодализму.

На сессии в городе Ташкенте было принято практически единогласно - основным признаком феодализма является феодальная собственность на землю с специфичными формами присвоения земельной ренты [281, с. 582].

Однако исследователей не остановило такое решение сессии, спорная проблема и после Ташкентской научной сессии получила свое продолжение, на страницах журналов «Вопросы истории», «Известия АН КазССР и далее в монографиях.

Свои позиции С.Е. Толыбеков, В.Ф. Шахматов и их сторонники продолжили отстаивать в своих трудах [103; 104; 105]. А. Еренов в своем труде «Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов» отстаивал немного другую точку зрения и доказывал, что земля находилась в частной собственности и являлась базой кочевого общества, а также существовало право собственности на водные источники [109].

Авторы концепции, в основе которой скот являлся главным средством производства у кочевников, считали, что пастбища находились в общинном владении, а скот в частно-семейной собственности. В основном ученые основывались на специфичном землепользовании у номадов и эту идею отстаивали В.Ф. Шахматов, С.Е. Толыбеков, позже поддержали Г.Е. Марков, Н.Э. Масанов, Н.Н. Крадин.

С.З. Зиманов и Н.Г. Аполлова считали, что собственность на скот возникла до того, как появилась собственность на землю [106, с. С.107; 286, с. 95-97; 288, с. 78-89, 336-337].

По мнению С.Е. Толыбекова и В.Ф. Шахматова, собственность на скот появилась с разделением труда, тем самым стала монопольной собственностью имущих классов. На основе скота феодалы эксплуатировали рядовых скотоводов [104, с. 117, 133-134, 335-336; 276, с. 37; 277, с. 18-37]. С чем не был согласен С.З. Зиманов писал, что саун не являлся источником закабаления, если саунные отношения существовали каким-то образом в кочевом обществе, они не имели всеобщего характера [106, с. 124].

Часть ученых признавала наличие частной семейной собственности на скот и при этом отрицала патриархально-феодальный или монопольный характер эксплуатации рядовых кочевников [288; 124, с.87; 4, с.141, 155, 290, 292].

Другая часть в лице Л.П. Потапова, С.З. Зиманова и других ученых не отрицали наличие собственности на землю [282; 106, с. 44]. С.З. Зиманов полагает, «что в казахском обществе существовала индивидуальная и феодальная собственность на землю» [107, с. 135-136]. Монопольное «право феодалов на пастбище было правом фактическим, а не юридическим» - пишет автор [107, с. 148]. Опираясь на обычное право казахов, автор упускает из виду

законодательство Российской империи второй половины XIX века, опираясь на которые Россия объявила земли Казахстана своей собственностью.

С.З. Зиманов делит земельную собственность на три вида: «феодальная собственность, индивидуальное и общинное землепользование [107, с. 138], но, к сожалению, не раскрывает суть видов собственности.

Большинство советских ученых считало, что скот был в частной собственности семьи.

Спор между исследователями не решил вопроса об особенностях эксплуатации на основе частной собственности на скот. С.Е. Толыбеков, и В.Ф. Шахматов рассматривают сдачу скота на выпас (саун или саунные отношения), в качестве «феодальной» эксплуатации рядовых кочевников. По утверждению Н.Г. Аполловой и С.З. Зиманова саун не являлся главным признаком феодальных отношений в кочевом обществе, но применялся феодальной знатью для усиления зависимости рядовых номадов, то есть был «… дополнением к праву феодальной собственности на пастбищные угодья» [287, с.78; 107, с. 179]. То, что скот находился в частной семейной или семейно-родовой собственности, это, бесспорно. Казахи - кочевники жили за счет кочевого хозяйства и основывались на ней, в этом заключалась особенность номадизма.

Главным условием воспроизводства стада является земля - пастбище, так же как основным условием кочевого скотоводства являлись обширные пространства. В данном случае мы согласны с мнением С.З. Зиманова о том, что освоение пастбищных угодий напрямую связано с количеством скота, которым владеет номад, однако считаем неправомерным сравнение хозяйства земледельцев и скотоводов – кочевников.

Г.Ф. Дахшлейгер на основе анализа трудов по проблеме собственности у кочевников пришел к следующему заключению: «земля находилась в общинной собственности, а частная собственность на землю (как в феодальной, так и в капиталистической формах) появилась в Казахстане только после перехода казахов – кочевников к оседлости и земледелию…» [8, с.116-117]. У казахов XIX - начала XX веков существовали различные формы земельной собственности и отсутствовали в этот период так называемые абсолютно «чистые кочевники» [8, с. 118-119].

Сейчас мы понимаем, что дискуссия была оторвана от жизни и безосновательна во многом. Так, исследователи выясняли один вопрос, что же является основой кочевого феодализма: собственность на скот или землю. Ученые – кочевниковеды, осознающие особенность номадизма, должны понимать, что при экстенсивном скотоводстве невозможно иметь индивидуальную земельную собственность.

Земельные отношения в Казахстане второй половины XVIII - начала XIX вв. трансформировались медленно. По нашему мнению, у кочевников-скотоводов существовала общинная собственность на землю. Собственность на землю (пастбищные угодья) через обычное право закреплялась за патриархальной большой семьей, родом, родоплеменной группой. Отношения –

распределения отдельных участков загонов, кыстау, жайлау имели внутренний общинный характер, т.е. их перераспределением время от времени занимались старейшины аула, рода, родовых объединений. Собственность на землю у кочевников-скотоводов имела завуалированную форму.

Что касается узурпации земли тарханами, биями – такого не было. Внутри общины разных уровней этот вопрос решался (время от времени) в зависимости от численности поголовья скота. Крупному скотовладельцу не было выгодно делить пастбища между отдельными хозяйствами, что и тормозило процесс развития земельных отношений в Казахстане.

Н.Г. Аполлова в монографии «Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII - начале XIX в.», показала монопольное право феодалов на земельную собственность основывалось на земельно-водных отношениях на юге, пишет: «…установилось наследственное владение феодальной знати ирригационной сетью…» [288, с. 339-340]. Но такое положение было не везде.

Со временем незанятые зимние пастбища осваивались отдельными наиболее зажиточными семьями общины и становились частной собственностью семьи. Процесс захвата лучших зимовок богатой верхушкой аульных общин усилился в начале XIX в. с углублением имущественной дифференциации аула и укреплением материального положения байства. Вследствие роста социально-экономического расслоения происходит распад общинного землепользования, развивается частная собственность на землю. Зимние пастбища начали передавать в наследственное пользование [288, с. 341-342].

В заключении монографии Н.Г. Аполлова касательно земельной собственности пишет: «Феодальные отношения в Казахстане развивались на основе общих закономерностей, но в условиях кочевого хозяйства существовала своеобразная форма присвоения земли (пастбища). Это было феодальное право распоряжения кочевьями, которое по существу являлось правом собственности на землю хана, султанов и других феодалов» [288, с.427].

Колонизация региона и захват пастбищных территорий Россией у казахов «усиливала потребность более точно определить границы своей земли» [288, с. 344; 290, с. 52]. Учитывая особенность ведения хозяйства кочевников и их отношение к пастбищам (земле), Х.А. Аргынбаев остается сторонником преобладания собственности на землю. Казахское население, по данным Х.А. Аргынбаева, старалось закрепить за собой в частной собственности родовые пастбищные угодья в связи с увеличением количества русских переселенцев в степи. У автохтонного населения «…возникла необходимость закрепить за собой право пользования известной территорией, строительства и построек» [290, с.52]. До колонизации земли находились в общинной собственности [290, с.52]

По утверждению Х.А. Аргынбаева, весенние и осенние пастбищные территории «обычно использовались несколькими кочевыми общинами», а общего пользования «…остались лишь летовки (жайлау) с определенными

путями кочевания, местами стоянок, колодцами и водопоями» [290, с. 52]. Исследователь отмечает случаи, когда самые лучшие и удобные пастбища захватывали зажиточные кочевники [290, с.52]. Судя по взглядам Х.А. Аргынбаева, у кочевников существовала общинная собственность на землю.

Исследователь П.Г. Галузо, на материалах Южного Казахстана относительно собственности у казахов-кочевников писал, что «до присоединения Юга Казахстана к России, … у казахов индивидуальной собственности не существовало» [291, с. 317]. Исследователь правильно подметил, что до колонизации частной собственности не существовало по той причине, что для кочевого хозяйства нехарактерно наличие частной собственности на землю, идентичной оседлым народам. Пастбища имели специфическую форму владения, П.Г. Галузо отмечал общинную форму владения [291, 317].

В 60 - 80 годов XX века продолжались споры кочевниковедов по поводу основных средств производства у кочевников.

В. Ф. Шахматов и С.Е. Толыбеков, Г.Е. Марков и другие продолжали придерживаться своих позиций и в более позднее время [105, с.5, 33; 104, с.296; 106; 284-286; 290; 292; 4, с.252, 253, 290; 245, с.123], что скот находился в семейной собственности, а монопольная собственность на землю отсутствовала. Большинством советских исследователей считали, что только с оседанием кочевников развивались феодальные отношения. Они не считали кочевое общество феодальным [4, с. 288-293]. Пастбища были в общинной собственности «пути кочевания и места сезонных пастбищ определялись обычаем, правом первого захвата, личной договоренностью, правом сильного» [4, с.141]. Саунные отношения внутри кочевого общества приносили выгоду обеим сторонам. В советской историографии саун преподносился исследователями, во-первых, как взаимопомощь и взаимовыгодная сделка, во-вторых, как жестокая эксплуатация рядового кочевника [4, с. 302].

Исследователь С.М. Абрамзон считает формирование частной собственности «на скот не только предшествовало развитию кочевого скотоводства, но и было одной из его предпосылок. Специфика скотоводства и животноводства как особых форм производственной деятельности, с одной стороны, и особенности скота как движимого имущества – с другой, явились причинами того, что, за редчайшими исключениями, скот всегда находился в частно-семейной или индивидуальной собственности. Нередко у кочевников обе эти формы собственности сосуществовали и переплетались» [115, с.20].

М.П. Вяткин, анализируя проблему земельного вопроса, писал, что царскому правительству «нужно было определить отношение …к землевладению как кочевого, так и оседлого населения» [293, с. 20]. В Положении 1867 года все земли Казахстана «были признаны государственной собственностью, лишь переданной кочевникам в бессрочное пользование. Признание земель кочевников государственной собственностью было закреплено Законом 1891 г.» [293, с.20]. Таким образом, на законодательном

уровне со второй половины XIX века земля принадлежала государству и нам не целесообразно далее касаться вопроса.

А.М. Хазанов, опираясь на источники раннего железного века по скифам, писал относительно собственности: «… скот, повозки с передвижными жилищами и прочее движимое имущество составляли у скифов частную собственность» [167, с.91]. Частной собственностью у скифов также была «…военная добыча после ее раздела» [167, с.92].

О наличии частной собственности у скифов-кочевников, по мнению А.М. Хазанова существовало «имущественное неравенство», которое прослеживается «на материале скифских погребений» [190, с. 92]. По изысканиям автора, существовала «собственность на скот и движимое имущество у древних кочевников» [190, с. 92], и сохранялось и более поздний период [190, с.92-93].

Такие исследователи как С.И. Руденко (алтайские племена) и К.Ф. Смирнов (савроматы), на археологическом материале, доказывали наличие частной собственности у древних кочевников [190, с. 92].

С.И. Вайнштейн считал «… более целесообразной организации труда двух близких по имущественному положению хозяйств, в некоторых случаях являвшаяся выражением родственной взаимопомощи». По суждения ученого эксплуатация родственников основанной на временной выдаче скота на выпас стала приобретать по мере разложения кочевого хозяйства [124, с. 87].

У казахов не существовало феодальных отношений, опираясь на письменные свидетельства, можно сказать, что кочевое общество нужно рассматривать, применяя другие подходы. Советская формационная теория не раскрывала суть жизнедеятельности номадов, это абсолютно иная цивилизация со своими принципами и методами ведения хозяйства, на котором строятся отношения в степи.

Классический феодализм, разработанный учеными-марксистами, искусственно был применен для кочевников, в результате чего привел к дискуссиям и тупику. Основой найма рядовых кочевников была семейно-родовая собственность на скот и общинная собственность на землю. Наемный работник в кочевом обществе не был закреплен, как, например, крепостные крестьяне в России. В отличие от крестьян, рядовой кочевник имел личную свободу, после окончания работ мог самостоятельно вести свою жизнь. Плата за труд, выплачивалась скотом и в дальнейшем он мог его использовать для воспроизводства стада. Любой кочевник мог оказаться на месте наемного работника: от этого никто не был застрахован. Кочевник мог вмиг стать нищим из-за природных катаклизмов и других причин, поэтому скотоводы относились к соплеменникам, потерявшим скот по достоинству.

В историографической статье Н. Алимбаева и Х. Аргынбаева рассмотрена проблема собственности, основную причину, приведшую в тупик исследователей, авторы видели в том, что «не был достигнут необходимый уровень глубины и конкретности в обосновании того, что именно способы, формы и уровни производства, распределения и перераспределения

совокупного общественного продукта, базирующиеся на отношениях производства, распределения, обмена и потребления, являются непосредственным выражением механизма реализации отношений собственности на условия и средства производства» [15, с.125].

Г.Ф. Дахшлейгер считает, что «важнейшим социальным институтом казахской общины на протяжении веков было … общинно-родовое землепользование» [9, с.3]. Сезонные пастбища еще с древности сложились в кочевом хозяйстве казахов, и «юридически (за очень редким исключением) не фиксировался факт монопольной земельной собственности» [9, с.3-4, 10, с. 54]. По его мнению, с развитием имущественного неравенства общинное землевладение эволюционировало и «по - существу стало фикцией, скрывавшей неравное отношение к земле, опосредованное собственностью на скот» [9, с.3 – 4; 10, с.54].

Институт общинного землепользования начинает разрушаться по причине внешних и внутренних факторов: «… рост плотности населения и увеличение поголовья стада при относительной ограниченности пастбищных просторов, … изъятие казахских земель царской администрацией, проникновение капиталистических отношений и переселение русско-украинского крестьянства на территорию Казахстана (вторая половина XIX – начало XX вв.)» [9, с.3–4; 10, с. 54].

Переходим к исследованию Н.Э. Масанова «Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII-XIX вв.», по мнению автора частная собственность на скот объективно обусловила особенности ведения хозяйства и общественных отношений у кочевников, способствуя в частности, интенсификации системы кочевания и складыванию в последующем отношений собственности на землю [192, с. 124-125]. Кочевники использовали землю, по утверждению Н.Э. Масанова, в качестве средства производства для выпаса скота, продуктивно используя корм и водные источники [192, с. 125].

Монография К.П. Калиновской посвящена теоретическим вопросам проблем соотношения типа хозяйства и социальной организации скотоводческих племен Восточной Африки (Кении, Танзании, Сомали, Южного Судана, Уганды, Эфиопии) XIX - начала XX в. Скот по мнению автора находился в семейной собственности являясь своеобразным проводником родства внутри кочевого общества [245, с. 129]. По утверждению исследователя, нет подтверждающих источников существования как общинной, так и частносемейной собственности на скот [245, с.129]. Наличие тамг не свидетельствует об общинной собственности скота, которое распространялось не только у восточноафриканских народов, но и кочевников Азии. Родовые клейма, по мнению К.П. Калиновской, использовали «как знаки коллективной защиты скота и социально-генеалогических связей. Клейма указывают каналы перехода скота из одного социального подразделения в другое и помогают удерживать в памяти членов социальной группы те узы, которые заключены между ее членами. Это позволяет перераспределять скот в случаях разрушения социальных союзов или заключения новых» [245, с.129 - 130].

В Восточной Африке земли, предназначенные для скотоводства, «не представляют собой объект чьей-либо собственности и продолжают входить в «кормовую» территорию общества как «ничье», данное свыше» [245, с.133]. Все земли, которые использовались в качестве пастбищ, ни в частной собственности семьи, ни общины не состояли, но община имела «право распоряжения землей и распределения» [245, с.133]. Земля, по убеждениям кочевников, «принадлежит богу, а он позволяет людям пользоваться лишь ее плодами» [245, с.135]. Она определяет земельные отношения у кочевников Восточной Африки «не как собственность, а как владение или пользование» [245, с.136-137].

К.П. Калиновская, как и большинство кочевниковедов, выделяет право «первозахвата» у африканских номадов пастбищных территорий, идентичное кочевникам Средней и Передней Азии [245, с.135].

Основным средством производства был скот, который сосредоточен был в основном у зажиточных кочевников, а у рядовых кочевников являющимися основными производителями имели недостаточное количество скота для прожиточного минимума. Поэтому простой кочевник должен был брать скот у бая во временное пользование на самых разнообразных условиях отработки.

Н. Алимбай отличается своеобразным институциональным подходом к изучению собственности у кочевников [294], отмечает существование условий «отношения естественной общности» в обществе. Кочевое скотоводство базировалось на организации эффективной работы производительных сил «в рамках институциональных отношений» [294, с.11].

В кочевом обществе имел место социальный институт казахов «Ата коныс» (или «ата мекен» - земля предков), заключающийся в неприкосновенности и неделимости территории соплеменников «и других общин» [294, с. 13]. Результативность института «Ата-коныс», по мнению исследователя, порождала баланс двух начал ««наша территория – территория других общин», имевшим едва ли не решающее значение в обеспечении автономного режима, дискретности экономического пространства каждой общины…» [294, с. 13]. В понятие «Ата коныс» заложен процесс объединения слаженного взаимодействия «всех структурных элементов системы землепользования у кочевников», который регулировал землепользование «как внутри -, так и меж общинных отношений» [294, с.13].

В основе общественных отношений кочевников, по мнению Н. Алимбая, лежало родственное начало, которое затрагивало все сферы жизнедеятельности и «являлось как бы синтезирующим и сплачивающим фактором» [294, с.14].

Институциональные отношения в кочевом обществе несли в себе интегрирующий принцип «как механизм осуществления отношений собственности на условия производства» [294, с.15].

Применение феодальной концепции к кочевому обществу, которая в большей мере подходила оседлым земледельцам, нежели к номадам, вызывало у ученых трудности автоматического переноса земледельческого феодализма на кочевников, не учитывая особенностей кочевой системы. Некоторые

исследователи понимали, что развитие кочевого общества не могло быть одинаковым с оседлыми народами, однако они не могли это открыто освещать в своих трудах. Такие мысли и идеи могли привести к печальным последствиям, вследствие противоречия официальному направлению мысли.

Итак, советские ученые вели свои научные изыскания на основе материалистического подхода к истории оседлых и кочевых народов. Среди исследователей появились несколько разных позиций по поводу возникновения частной собственности у номадов.

В результате научных дискуссий появились две точки зрения: 1. Базой феодальных отношений являются феодальная собственность на землю (С.З. Зиманов, А. Еренов, И.Я. Златкин, Л.П. Потапов и другие); 2. Основой феодальных отношений является собственность на скот (В.Ф. Шахматов, С.Е. Толыбеков и другие).

В данный момент мы понимаем, что идеи дискуссии были безосновательны и голословны. Дискуссия, предпринятая решить в спорные в советской историографии проблемы, не принесла результатов и завела ее в тупик. В итоге дискуссии исследователи пришли к мнению о развитии феодализма у номадов, основанного на собственности на скот или землю (пастбища), хотя они осознают, что при кочевом скотоводстве собственность на землю не может существовать.

В советской историографии главное внимание уделялось формационному развитию номадов, а не особенностям ведения кочевого хозяйства. Кочевничество не рассматривалось как отдельная цивилизация, имеющая свои особенности, требующая своего конкретного исследования. Однако в СССР были специалисты, которые учитывали характерные черты номадизма и особенности кочевой цивилизации, но им приходилось подчеркивать ее нерасчлененность, в которой собственность на землю у кочевников была не исключением.

Историография второй половины XX века отличается своей идеологической направленностью особенно относительно отношения к собственности у кочевников в период с XVIII - начало XX веков. По нашему мнению, у кочевников существовала частная семейная собственность на скот в связи с тем, что кочевники жили сообща, родом. При кочевом ведении хозяйства невозможно было иметь единолично собственность ни на скот, ни на землю. Специфичность кочевого скотоводства заключалась в создании неповторимой цивилизации со своими социальными, общественно-политическими особенностями, существовавшими в унисон с природой.

2.3 Изучение и теоретические аспекты собственности казахов-кочевников в современном номадоведении

После распада СССР в науке наметились тенденции пересмотра взглядов и идеологии, существовавших на протяжении десятилетий советской цензуры. Как отмечает Н.Н. Крадин, «в годы перестройки и постсоветское время немалое число отечественных исследователей начали пропагандировать

цивилизационный подход, полагая, что-он то сможет стать действенным лекарством от догматического советского марксизма» [54, с. 17-18]. Для исследователей было сложно «автоматически», одномоментно переключиться к новым методам и методологии. В годы советской власти исторические процессы объяснялись на основе формационной материалистической методологии. Однако новые тенденции общественно-политического развития 90-х годов XX века - начала XXI века получили свое отражение в историографии номадизма.

А.М. Хазанов в монографии «Кочевники и внешний мир» частично уделил внимание вопросам собственности в кочевых обществах. Ученый выделяет две основные причины, на которых строились экономические отношения у кочевников: а) частная собственность на скот и б) корпоративная собственность на пастбища [55, с. 222-226; 272, p. 109].

В кочевом обществе частная собственность на землю сформировалась постепенно в новое и новейшее время, но не на все пастбища, и под влиянием переселенцев вследствие «которой кочевники политически оказываются в подчиненном положении» [55, с. 223]. Переход к оседлости, по утверждению А.М. Хазанова, разрешил проблему аграрного вопроса у кочевников под влиянием земледельческих государств [55, с. 223].

А.М. Хазанов, опираясь на материалы начала XIX века, писал, что хан Букеевской орды Джангир «захватывал и выделял … земельные участки в частную собственность», но данный факт является исключением [55, с. 223-224]. Закон 1868 года, принятый Российской империей, окончательно прекращал прежнюю политику русского правительства, направленную на поддержку ханов и султанов [55, с. 223 – 224].

А.М. Хазанов использует понятие «корпоративная» собственность на пастбища вместо «общинной» характерна для кочевого общества, для определения собственности на скот по свидетельству ученого существует разнообразие, частносемейная и частноиндивидуальная собственность.

По мнению ученого, собственность на пастбища в первую очередь принадлежала кочевому объединению. Специфика распределения пастбищных угодий, водных источников, кочевых маршрутов сложились сложные формы прав собственности, владения и пользования [55, с. 224-225].

Корпоративная собственность на пастбищные угодья в кочевом обществе координировала распределение земель внутри кочевых объединений. своей При распределении пастбищ на особом положении была кочевая верхушка наиболее зажиточные номады, которым доставались наиболее плодородные земли. Преимущественное положение в распределении земель, по мнению А.М. Хазанова, «принимаются некоторыми советскими учеными за доказательство наличия частной собственности на пастбища» [55, с. 225]. А.М. Хазанов считает, что такое действие, сопровождалось как «общественно полезная функция управления вознаграждением», а не развитыми частнособственническими правами [55, с. 225].

При этом «наличие различных форм корпоративной собственности на ключевые ресурсы в кочевых обществах объясняются совокупным действием многих факторов», выделенных А.М. Хазановым: 1) окружающей средой, 2) хозяйственными факторами, 3) численностью кочевого общества и социальной организацией [55, с. 226].

Российский ученый В.П. Курылев в труде «Скот, земля, община у кочевых и полукочевых казахов» считает, что в казахском кочевом обществе была крупная феодальная собственность. Ошибочно, по утверждению исследователя, мнение ряда ученых об отсутствии крупной феодальной земельной собственности в связи с тем, что при «экстенсивном кочевом скотоводстве земля не может быть основным средством производства, так как к ней не прилагается труд человека» [250, с. 46]. В XV - первой половине XIX вв. собственность на землю «выражалась в праве определенной социальной группы феодалов распоряжаться пастбищами и кочевниками, находящимися в их подчинении …», по утверждению исследователя, «в этом заключается одна из основных особенностей феодализма у кочевников скотоводов вообще, и у казахов в частности» [250, с. 48].

В.П. Курылев признает, что в кочевом обществе только ханы и султаны обладали правом распоряжения пастбищами, поэтому земля являлась главным орудием эксплуатации трудящихся шаруа, родовая знать (би и баи) использовали в качестве орудия эксплуатации скот [250, с. 63].

Через частную собственность на скот эксплуататоры имели возможность использовать лучшие земли, которые находились в общинном пользовании рода. Узурпация пастбищ крупными феодалами, по мнению В.П. Курылева, возникла в период «Казахских ханств (XV-XVII вв.) и особенно усилилась в период присоединения Казахстана к России (XVIII-первой половине XIX в.)» [250, с. 64].

Субъектом пользования землей было не отдельное хозяйство, а община (род), т.е. для казахов-кочевников было характерно общинное землевладение [250, с. 68].

Исследователь подчеркивает, что до 60-х годов XIX века происходило смешение крупной феодальной земельной собственности, выражавшееся в праве распоряжения «пастбищами и кочевьями подвластных родов, с общинным землепользованием у рядовых казахов» [250, с. 69].

Несмотря на то, что в начале второй половины XIX века была официально ликвидирована крупная феодальная земельная собственность, изменений в пользовании пастбищ не произошло.

Монография В.П. Курылева была написана в 1990-ые годы [250], когда в исследуемой нами проблеме одни ученые пытались пересмотреть свои прежние взгляды, а другие исследователи продолжали придерживаться старой просоветской методологии. Не исключением является работа В.П. Курылева, в которой казахов-кочевников рассматривают через призму марксизма [296, с.210].

Н. Алимбаев активно занимается исследованием теоретических проблем кочевников-казахов. В коллективной монографии Н. Алимбаева, М.С. Муканова и Х. Аргынбаева «Традиционная культура жизнеобеспечения казахов. Очерки теории и истории» раскрыта проблема собственности на землю, и авторство теоретической части принадлежит Н. Алимбаеву (далее будем писать одного автора) [193].

Н. Алимбаев отмечает такую тенденцию в кочевниковедческих исследованиях: ученые не привлекали «…системообразующие компоненты последних как человек и община» для более точной интерпретации кочевого скотоводческого хозяйства и общества кочевников [193, с. 20]. В результате исключения системообразующих компонентов, по заключению автора, «…производственные силы кочевого общества выглядят лишь понятийным обозначением только двух видов средств производства – скота и земли» [193, с. 20].

Исследователи упустили, по мнению автора, из общества номадов такой «фундаментальной важности вопрос, как механизм реализации общинных отношений в хозяйственной сфере» [193, с. 21]. Если следовать понятиям экономической теории, применялись в качестве концептуальных средств исследования противодействия отношений социально и материально разнородных категорий номадов. Применялись такие категории как ««найм» и «совместный труд» (предпочтительней «общинный труд», поскольку последний исключает возможность постмодернистской интерпретации этого понятия – Н. Алимбаев) служат для адекватного обозначения и изучения специфического способа реализации отношений в сферах производства, распределения, обмена и потребления, т.е. являются одними из имманентных (свойственных) для данного типа социальности форм функционирования и реализации отношений собственности» [193, с. 21]

В основе отношений кочевого общества лежало родственное начало, которое напрямую связано с главным «… принципом самоидентификации индивида и с общинной (поскольку все ее члены родственники), и с естественной средой обитания, прежде всего, с территорией как естественным продолжением своего природного бытия (поскольку она унаследована от общих для всех общинников – родственников предков)» [193, с. 27 - 28].

Прежде чем перейти к собственности у кочевников, по утверждению Н. Алимбаева, нужно изучить «механизм реализации отношений собственности» в кочевой среде», при которой формируются «отношения собственности представляют собой экономический механизм реализации кочевого типа общинных отношений» [193, с. 39].

На основе сравнительного анализа источников Н. Алимбаев приходит к следующим выводам: «… субъектом собственности на определенную территорию не могут быть ни жуз, ни племя, поскольку они являются потестарно-политическими образованиями: племя – это определенное множество общин; жуз, в сущности, - ассоциация племен. Связи между этими этносоциальными величинами линейны, осуществляются они, главным

образом, потестарно-политическим и генеалогическим, т.е. институциональным способом» [193, с. 39 - 40]. По утверждению автора, субъектом собственности в кочевом обществе, является община [193, с. 39 - 40].

«Родовая» территория (земля, пастбищное угодье - А.И.) для номада «естественно-органическое продолжение своего природного бытия», унаследованное «от общих для всех родственников-общинников предков» [193, с. 41].

Н. Алимбаев, как мы уже отмечали, выделяется среди ученых своим институциональным подходом, относительно собственности на землю пишет: «институциональным выражением изначальной принадлежности «родовой» территории как объекта собственности общины является институт Атақоныс (вариант – Атамекен, буквально - земля предков)» [193, с. 41]. Понятие Атақоныс, по свидетельству ученого, несет в себе «неприкосновенность и целостность не только своей родовой территории, но и территории других общин» [193, с. 41]. Институт Атақоныс строился и регулировался на двух понятиях «наша территория – территории других родов (т.е. общин)», на их основе взаимодействия регулировались институциональными отношениями [193, с. 41].

Ритуально-обрядовые институты природных объектов (киесі бар) кочевников традиционно имеют своих покровителей владельцев, которые «… разрешают только членам данной общины пользоваться продуктами этих объектов и прилегающих к ним территорий» [193, с. 42]. Эффект такой коллективной привязанности к территории и являлся «… весьма эффективным институциональным средством (механизмом) географической самоидентификации общины», - по мнению Н. Алимбаева [193, с. 42].

В казахскую кочевую общину входили хозяйственные аулы, обладающие «… лишь правом владения и пользования ее сезонно сегментированными участками территорий, являющимися формой социальной и пространственно-хозяйственной организации данного родового объекта общинной собственности» [193, с. 44].

Основополагающей причиной при формировании отношений к собственности у кочевников «… на территорию на всех институциональных (субъективных) уровнях – общинном и сегментном – выступает скот» [193, с. 44]. Скот для номадов имел многогранную значимость: социокультурную, хозяйственно-экономическую, территориально-экологическую и т.д. Особенность осуществления «субъектно-объектных отношений» захвата родовых пастбищных угодий «отражена в структурно-функциональной природе отношений собственности на скот» [193, с. 44].

Н. Алимбаев считал, что отношение собственности на скот взаимосвязано напрямую с собственностью на пастбища, т.е. чем больше стад скота, тем больше территорий используется для выпаса [193, с. 45]. В реальности невозможно представить весь процесс, применяемый в организации ухода за животными без специфической, «… сезонной организации родовой территории (распределение и перераспределение пастбищ среди субъектов

производственной деятельности по принципу социальной, экономической и экологической целесообразности, определение маршрутов, радиусов и рабочего времени выпаса того или иного вида скота и т.п.)» [193, с. 45]. По этой причине формы отношения к собственности на скот и территорию взаимосвязаны между собой, «…функционируют воедино» в результате «… образуют функционально нерасчленяемый объект отношений собственности» [193, с. 45].

При раскрытии проблемы о механизме реализации отношений собственности у номадов, по мнению ученого, «возникает принципиально важный вопрос о субъектах отношений». Если бытовавшее в русской дореволюционной историографии второй половины XIX в. представление о кочевой общине как субъекте собственности на территорию получило историческое обоснование, то «проблема о субъекте собственности на скот практически находится в состоянии неопределенности» [193, с. 46].

По свидетельству Н. Алимбаева, нельзя определить субъект собственности на скот, применяя индивидуальный, т.е. частный труд и определить его как индивидуально-частный невозможно [193, с. 47-48]. Рассматривая отношение к средствам производства, в данном случае на скот, исследователь утверждает, что единственным субъектом собственности на скот «выступает так называемая большая, неразделенная семья, функционировавшая в экономической сфере как домохозяйство с его относительно автономной системой жизнеобеспечения» [193, с. 48].

Роль скота в отношении распределения и обмена у номадов была «…весьма эффективным средством воспроизводства, укрепления и регулирования традиционных норм и принципов социальных связей в обществе» [193, с. 49].

В кочевом обществе казахов существовала собственность на скот, собственником являлась большая семья. Однако в работе Н. Алимбаева отмечает размытость «социального и институционального «контура» отношений собственности на скот», «тем, что отношения собственности на скот в рамках большой семьи реализуются на уровне ее отдельных составляющих – индивидуальной семьи и индивида – лишь в виде отношений владения и пользования» [193, с. 49]. При кочевом образе ведения хозяйства формируются определенные взаимоотношения у кочевников, в качестве основных обязанностей содержания скота нужны были большие затраты не только для обеспечения жизни семьи, а также рода. В степи при кочевом образе жизни невозможно было выжить вне кочевого коллектива, в связи с этим каждый индивид принадлежал общине, социуму. Опираясь на мысль автора, отношения к собственности у номадов выражалась как экономическая форма общинных отношений [193, с. 49]. Кочевник изначально был связан с общиной «социокультурно, экономически, экологически», «… принадлежность общинника к социуму и связанная с этим обстоятельством ограниченность частнособственнического начала в кочевой среде исключали реализацию номадного типа отношений собственности в виде стоимостно-вещных, возмездных отношений» [193, с. 49]. Глава крупного рода «рубасы»

«…фактически не мог полностью распоряжаться стадом, принадлежащим ему и его семье. Он мог отчуждать лишь часть данного стада, поскольку единоличное распоряжение скотом как основным источником, и одновременно средством жизнедеятельности кочевников означало бы саморазрушение самой социальной системы», - заключает Н. Алимбаев [193, с. 49 - 50].

Тормозили процесс становления частной собственности на скот общинные отношения у кочевников. В работе было отражено общинное начало скотоводства, которое было «фундаментальным принципом частной собственности на скот жизнедеятельности номадного социума: в сфере землевладения и землепользования субъектом собственности выступает община, большая семья является основным собственником» [193, с. 50].

Большая семья несла в себе общинника (носителя труда) с территорией и скотом (средством производства) «(поскольку общинник – член семьи, скот и территория – объект предметной деятельности большой семьи)» [193, с. 56].

Элементы общины – большая неразделенная семья - «бір ата» (единый предок), которая объединяет родственников в пределах двух-трех поколений по отцовской линии, которую в дореволюционной литературе второй половины XIX века называют «хозяйственный аул» и которая выступала в качестве главная социокультурной и производственной структуры [193, с. 215]. По мнению Нурсана Алимбая, «бір ата» являлся основным субъектом собственности на скот, обусловленым данным обстоятельством, единственно реальным субъектом соответствующего участка родовой территории [193, с.216].

Дискуссия по поводу проблемы собственности у кочевников, начатая в советской историографии, по мнению Г.Е. Маркова, «представляется надуманным и кабинетным, не учитывавшим реалии кочевой жизни» [6, с. 114]. По заключению Г.Е. Маркова, как скот, так и земля, являлись основными средствами производства [6, с. 114].

Между средствами производства существовала разница, которая заключалась в затрате труда на выпас скота, в тоже время кочевники не затрачивали свой труд на пастбищные угодья, а на скот при выращивании от человека требовался уход, охрана, обработка продуктов. При сезонном кочевании номадами затрачивался труд «…на выпас животных, что и представляло формы собственности на основные средства производства» [6, с. 114].

В период постепенного разложения номадизма существовал капитализм, зачатки, которого «…всегда существовали у номадов в виде частносемейной собственности на скот…» [6, с.118].

С зарождением кочевничества существовал главный уклад, который встречается у номадов вплоть до разложения кочевого хозяйства – общинное владение пастбищем, водными источниками, частно-семейной собственности на скот при кочевом, полукочевом типе хозяйства казахов. До разложения традиционного хозяйства социально-экономические отношения у кочевников

формировались без монопольной сословно-классовой собственности на средства производства [6, с. 118].

Кочевое скотоводческое хозяйство формировалось на основе специфичных производительных отношений и «…составляет самостоятельный способ производства» [6, с. 118].

В выводах Г.Е. Марков определял отношения у номадов так, «…хозяйственная деятельность чрезвычайно схожа и может быть отнесена к единому и полукочевому хозяйственно-культурному типу, а социальные отношения единообразны и могут быть определены как общинно-племенной, номадный способ производства» [6, с. 120].

Большинство исследователей полагает, что «вопросы о формационной принадлежности и способе производства, нуждаются в дальнейшем исследовании и обсуждении. Важной проблемой является также изучение дальнейшей судьбы номадов – как групп, продолжающих кочевать, так и групп, переходящих на оседлость» [6, с. 120]. Г.Е. Марков как один из крупных номадологов - теоретиков видит, что время материалистического понимания прошло и нужно рассматривать кочевые народы, не привязываясь к марксистским идеям. Многие ученые понимают, что кочевые народы надо рассматривать как специфичную и отдельную общность, отношения в которой строятся на основе кочевого ведения хозяйства.

В коллективной работе «История Казахстана: народы и культуры» затрагивается проблема собственности у кочевников. По утверждению исследователей, существовала частно-семейная собственность на скот и продукты скотоводства. В кочевом обществе каждый член семьи имел право на имущество (енши, калым и т.п.) [297, с. 101].

С.Е. Ажигали была опубликована статья «Традиционная система скотоводческого поселения казахов (в историческом развитии)», в ней рассмотрены формы поселения, ее генезис, роль поселения в пастбищно-кочевой системе землепользования казахов, а также роль общины в кочевом хозяйстве. Публикация довольно объемная, в ней автор затронул проблему собственности [298]. Во второй половине XVIII века в Казахстане сформировались территориально-хозяйственные отношения «в форме пастбищно-кочевой системы землепользования, в ее основе лежала община как социально-экономическая ячейка казахского общества, сфера деятельности которой распространялась на вполне определенную территорию. Пастбищно-кочевая община формировалась на принципах родства и общности экономических интересов», - пишет С.Е. Ажигали [298, с. 154]. По мнению ученого у кочевников существовала общинная собственность на пастбища (землю).

Во второй половине XIX – начале XX вв., по С.Е. Ажигали, «община имела хозяйственную территорию, распределенную на сезонные пастбища, водопои и угодья (коктеу, жайляу, кузеу, кыстау), но лишь на правах пользования ими, поскольку *основным субъектом собственности у казахов являлся род* (курсив – А.И.)» [298, с. 155].

Право первозахвата пастбищных угодий у кочевников-казахов «в древности и средневековье … распределение …пастбищ осуществлялось на уровне родовых подразделений, где в основном и размещались родовые могильники, а границы кочевий отмечались зачастую каменными знаками «оба», «боликтас» и т.п» [298, с. 157]. Право первозахвата зимних пастбищ характерно «… для так называемых чистых кочевников (кошпели), к которым относилась основная масса скотоводов Казахстана до середины XIX в.» [298, с. 157]. Ученый выделяет случаи (исключения), когда среди чистых кочевников встречались случаи скрытых «форм владения зимними пастбищами, … которые являлись фактической собственностью определенного лица и его потомков. Минимальное обустройство места зимней стоянки также давало определенные права на повторное ее использование» [298, с.157]. С.Е. Ажигали на основе анализа Мангышлакско-Устюртского региона и южных пустынь отмечал, что у казахов-кочевников «вплоть до начала XX в. право владения традиционными зимними пастбищами было достаточно зыбким, фактически отсутствовало», и как результат возникали конфликты на этой почве [298, с. 157].

Право первозахвата среди кочевников происходило на основе определенных условий: «…когда при обнаружении «свежей» старой стоянки представитель аула, разведчик (кошбасшы) делал на ней особую метку, служившую обоснованием права временного владения ею» [298, с. 158]. С.Е. Ажигали утверждает, что «право первого захвата сохранялось на Мангышлаке, Кызылкумах вплоть до начала XX века» [298, с. 158].

Пользование пастбищными угодьями действовало по традиционным нормам казахов, иначе сложно было бы использовать земли по назначению [298, с. 167].

В своей работе «История Ногайской Орды» В.В. Трепавлов уделил внимание изучению кочевого хозяйства ногайцев [299, с.507-515]. Как и многие исследователи, он отмечает тот факт, что «маршруты кочевий и пастбища закреплялись за определенными элями, их отдельными общинами (улусами) и соответственно мирзами, которым эти эли и улусы вверялись в управление» [299, с.510]. Пастбища находились в общем владении, «…семьи, населявшие эти аулы, свободно перемещались по пространству орд в поисках сочных трав, не имея в распоряжении «вовсе …определенной земли»» [299, с.510,]. Исследователь не ставил своей целью рассмотрение проблемы собственности у ногайцев-кочевников. В связи с тем, что казахи и ногайцы вели кочевой образ жизни процессы ведения хозяйства и быта были схожи. По В.В. Трепавлову, земля для кочевников всегда имела «…особое значение» [300, с.177], владение пастбищем в традиции кочевников предусматривало «легитимность земельного владения только в форме пожалования от монарха. Хан не только жаловал земли и подвластное население, но и подтверждал право подданных на пользование их исконными, доставшимися от предков землями» [300, с.222]. Исследователь указывает на преемственность башкирских и золотоордынских правителей в перераспределении пастбищ между племенами [300, с.223], которые принадлежали предкам [300, с.224].

Т. Барфилд уверенно без каких-либо сомнений утверждает, что у кочевых обществ пастбища находились в общинном владении расширенных родственных групп, а скот в личной собственности [301, с.44]. В связи со специфичностью ведения хозяйства у номадов миграции, т.е. перекочевки «происходили не случайным образом, а в пределах определенного диапазона пастбищ, к которым группа имела доступ» [301, с.44]. Среди пастбищ автор выделяет стабильные, где имелись фиксированные стоянки, куда кочевники возвращались каждый год, и маргинальные пастбища, при которых существовали наиболее частые перемещения с одного пастбища на другое. Также были случаи, когда наиболее лучшие пастбища захватывали «силой родовой группы», скорее здесь идет речь об обычае «первозахвата» [301, с.44]. По мнению Т. Барфилда, для кочевников важную роль играли пастбищные угодья во времени и пространстве: «… их заботило право использовать пастбище в определенное время или сохранять право собственности на фиксированные предприятия, подобные колодцам; исключительное право собственности на землю само по себе имело малое собственное значение» [301, с.44].

Российский ученый А.Ю. Быков в монографии «Истоки модернизации Казахстана (Проблема седентаризации в российской политике XVIII - начала XX вв.)» затрагивает проблему землепользования казахов и отмечает, что среди кочевников к 1870-м гг. сформировалось «понятие «чужой земли»». По утверждению автора, связано это было с двумя причинами: «из-за смещения родов и вынужденного перехода к хозяйственной группировке аулов, с другой, из-за признания земли государственной собственностью» [302, с. 210].

А.Ю. Быков уделил внимание собственности в 4 параграфе третьей главы «Эволюция представлений казахов о собственности (к вопросу о трансформации интегрального менталитета)» [302, с. 221-243]. Автор, опираясь на источники XVIII-XIX вв., выделял скот как главное богатство кочевников-казахов [302, с. 221].

Используя в качестве источника народный фольклор, опираясь на устное народное творчество, исследователь считает, что скот находился в частной собственности, «однако и род в их понимании имел определенные права на находящееся в индивидуальном/семейном владении движимое имущество» [302, с. 223].

А.Ю. Быков, поднимая вопрос о собственности, на землю, писал, «… что казахи отказываются платить арендную плату Сибирскому казачьему войску, «считая землю своей» [302, с. 230]. Право первозахвата в Казахстане до 1850-х гг. было исключительным, т.е. земля «принадлежала» тому роду и аулу, кто первым прикочует на пастбища, либо тем, кто займется земледелием. В случае спора по поводу пастбищ казахи говорили: «земли были заняты «давным-давно, деды и прадеды тут жили»» [302, с.230].

До 1860-х гг. в казахском обществе пастбищные угодья (земля) были в общинной собственности, ситуация меняется «в пореформенное время», когда происходит «внутриродовое размежевание» [302, с. 230].

С проникновением товарно-денежных отношений и капитализма в казахскую степь среди кочевого населения отношение к земельной собственности меняется, кочевники стали сдавать земли в аренду, т.е. бывшие пастбищные угодья приносили прибыль [302, с. 231]. В результате влияния внешних факторов среди кочевников сложились восприятия личной собственности «недвижимое имущества и недра», а денежное обращение в степи и вообще «деньги стали признаваться большинством казахского населения в качестве культурной ценности и всеобщего товарного эквивалента» [302, с. 240].

Несмотря на трансформационные процессы в кочевом обществе, субъект собственности кочевники воспринимали традиционно род [302, с.240]. Изменения несомненно существовали, но незначительные [302, с.240-241].

Монография Ж.О. Артыкбаева «Казахское общество: традиции и инновации» хронологически рассматривающая XIX век, была опубликована в 1993 году, однако позже в 2003 году вышла в свет 2-е доработанное издание, которое мы и использовали для анализа [303].

Ж.О. Артыкбаев, определяя частную собственность на землю, утверждает, что кочевники не имели четкого и осознанного представления о земельной собственности вообще, так как ее и не было. Земля, по свидетельству ученого, была священной и «право собственности традиционной общины на определенную территорию сводилось к осознанию права давности владения и права первозахвата» [303, с. 157]. В кочевом казахском обществе «коллективное сознание вырабатывало, осмысливало и даже мифологизировало свои права на владения определенной территорией» [303, с. 157-158]. Каждый род или племя из трех жузов могло доказать давность своих кочевых маршрутов. По утверждению автора, законодательно не было закреплено право первозаимки и наследования от предков, но оно «основательно укрепилось в коллективном сознании племенных групп» и «исходило из сложившихся общественного, генеалогического строя» казахов-кочевников [303, с. 158].

Численность населения и обеспеченность скотом не связаны с размером пастбищных территорий, отмечает Ж.О. Артыкбаев [303, с. 159]. Рассеянность населения по всей территории Казахстана и традиционное кочевое хозяйство - взаимообусловленный процесс, связанный с жизнедеятельностью казахов в результате чего «основным связующим звеном общины служат только хозяйственные интересы, но и отношения родства последние доминируют и выполняют роль нравственного начала во взаимоотношениях членов общин» [303, с. 159].

Опираясь на письменные источники, в частности на архивные документы, Ж.О. Артыкбаев отметил, что со второй половины XIX в. происходит распад общинного землепользования и формирование частной собственности на землю [303, с. 164 - 165].

Несмотря на различные формы землепользования община остается в традиционном обществе казахов в качестве регулятора и главным собственником, изменения имелись «… если отдельный хозяин задумал

уступить свой участок чужому, то эта сделка осуществится только с согласия общины», иначе «он лишается права на пользование землями общины, и, соответственно, поддержки своих сородичей» - отмечает Ж.О. Артыкбаев [303, с. 168].

Препятствием для развития поземельных отношений в Казахстане стало «Временное положение» 1868 г., в нем не учитывались установившиеся обычаи традиционного землепользования у казахов, в результате «родовое землепользование раздробилось на самые мельчайшие единицы» [303, с. 169]. Мероприятия администрации Российской империи медленно разрушали традиционные маршруты кочевий и землепользование казахов.

По мнению Ж.О. Артыкбаева, кочевое скотоводство нужно рассматривать как главный компонент системы, которой нужно дать определение этносоциальной структуры, так как это многоаспектная проблема [303, с. 28].

В исследовании «Кочевники Евразии: в калейдоскопе веков и тысячелетий», Ж.О. Артыкбаев рассматривает историографию, методологию и некоторые теоретические вопросы номадизма [304]. Исследование интересно своим синкретическим подходом и использованием устного фольклора для объяснения особенностей кочевой культуры и хозяйственной деятельности.

Ж.О. Артыкбаев, раскрывая и анализируя историографию земельной собственности, отмечает, что «пространственные категории современной исторической науки чрезвычайно европоцентричны, привязаны к оседло-земледельческому стандарту жизнедеятельности» [304, с. 27].

Земля вплоть до конца XIX века не находилась в частной собственности, так как максимальная подвижность хозяйства создавала условия для жизнеобеспечения кочевого хозяйства. По утверждению Ж.О. Артыкбаева, индивидуальная собственность «на землю фактически означала бы конец хозяйства» [304, с. 28]. Мы однозначно согласны с мнением Ж.О. Артыкбаева, что при функционировании кочевого скотоводства невозможна индивидуальная частная собственность на пастбищные угодья.

Ж.О. Артыкбаев считал, что кочевники выработали особое отношение к земле, которое можно понять «только в связи с принципом родства, который играет генерализирующую роль в социальной системе степных народов. Земля кочевниками воспринимается как субстанциональная основа жизни человека» [304, с. 28-29].

По утверждению Ж.О. Артыкбаева, собственность - это социально-экономическое явление идентичное производственным отношениям кочевников, своеобразие собственности заключалось в условности форм владения [304, с. 29].

Использование этносоциального подхода позволяет Ж.О. Артыкбаеву исследовать кочевое общество как «… живой и действующий организм, а также как историческое явление» [304, с. 29]. Ж. О. Артыкбаев, раскрывая понятие «этносоциальное», считает, что в дефиниции была заложена идея изучения кочевого скотоводческого общества как единого целого живого организма.

Понятие «этносоциальная структура» «существует вне человека и вне определенных социальных групп, но функционирует через действия и отношения отдельных людей и групп. … внешне выражается в территориальной общности, хозяйственно-культурных традициях, административно-политическом строе и институтах. Их контуры зависят, в конечном счете, от самосознания, от духовных ценностей этноса» [304, с. 31]

Родство в кочевом обществе является фундаментом взаимодействия номадов во всех сферах жизни - территориальной, хозяйственной, политической и т.д. [304, с. 31]. Родство было основным понятием, по которому определялось отношение к земле. Исследователь использует такие понятия как «ата – қоныс» - земля предков, «жұрт» - сложное сплетение различных территориальных и родовых уз выражаются данным понятием [304, с. 200]. По мнению автора , территориальная организация возникает, из факта временного владения землей и формируется на основе исторической идентификации человека с владениями предков [304, с. 200]. Через выяснение таксономических рядов родства определяются конкретные территориальные границы «журта», отдельного хозяина аула, рода и т.д.

Земля для кочевников, по мнению Ж.О. Артыкбаева, «изначально рассматривается как вечное неосязаемое и недосягаемое начало жизни» [304, с. 204]. Земля в историографии рассматривалась только «как объект собственности», среди исследователей идет спор, как распределялись пастбищные угодья, «…даже в самых современных исследованиях территория рассматривается в плане реализации отношении собственности» [304, с.197-198].

По проблеме собственности на землю в Казахстане были опубликованы статьи и написана диссертация на соискание кандидата исторических наук А.К. Ешмуратовым, позже им был написан учебник «Историография проблемы земельной собственности в казахском обществе второй половины XIX – начала XX вв.» [34-38].

Исследователь не ставит вопрос о решении теоретической проблемы вопроса собственности у казахов: что же являлось основным средством производства в кочевом хозяйстве - пастбище или скот. По мнению автора, эту проблему надо решить и исследовать дальше на основе современных новых методологических постороений: «… следует констатировать, что данный институт выводился из феодальных отношений путем наложения методологических штампов, принятых в советской историографии. Исходя из этого, можно сделать вывод, что в советской историографии институт собственности в обществе номадов не был должным образом изучен. В настоящее время это требует особого рассмотрения, прежде всего в силу современной экономической ситуации и появления новых методологических построений» [38, с.100-101].

С.Н. Малтусынов в работе использует социокультурный подход. Относительно собственности на пастбища он придерживается мнения, что «...земля, ... воспринималась казахами как «божий дар», в силу этого не могла

иметь конкретного собственника, который мог бы свободно эксплуатировать ее по собственному усмотрению вплоть до продажи» [305, с. 93]. Однако после присоединения Казахстана к Российской империи «...в традиционных представлениях номадов о земле была пробита брешь» [305, с. 93], т.е. в сознании кочевниика происходит трансформация в видении территорий, предназначенных для пастбищных угодий под влиянием внешних факторов воздействия. Переход зимних пастбищных территорий «...в собственность отдельных семей и малых групп» в итоге «означал начало конца безраздельного господства общинного землепользования и общинных ценностей», - заключал С.Н. Малтусынов [305, с. 93].

Рыночные отношения, проникая в казахскую степь, повлияли на отношение казахов-кочевников к пастбищным территориям, как на товар [305, с.93]. Однако, по наблюдениям исследователя, переход земли в частную собственность процесс длительный и сложный [305, с.93]. Администрация Российской империи, по мнению С.Н. Малтусынова, не была заинтересована в формировании частной собственности в Казахстане на основе юридического права «в качестве естественной и эффективной хозяйственно-экономической формы», а также власти не желали менять кочевое общество «в экономически независимых хозяйствующих субъектов, свободно распоряжающихся землей на правах частных собственников» [305, с. 93].

Объявив территорию Казахстана государственной собственностью Российской короны, правительство начало масштабно изымать пастбищные угодья кочевников-казахов для русских переселенцев [305, с. 94].

В доработанное исследование Н.Э. Масанова были включены материалы, которые при жизни автора из-за цензуры не попали в первое издание под названием «Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества». В ней был проведен сравнительный анализ евразийского типа номадизма с номадизмом различных регионов Казахстана [52].

Н.Э. Масанов, опираясь на «право первозахвата» различных общин в теплый период года, регулировались этим правом пользование пастбищами. Однако право первозахвата не распространялось на кыстау и на искусственные водоисточники преимуществами пользования распространялись только на членов ассоциативной группы [52, с. 428]. В теплое время года существовало присвоение в собственность водных источников, в результате возникали отношения общинной собственности на пастбищные угодья вокруг водного источника.

Исследуя структуру производственных отношений у кочевников, Н.Э. Масанов оценивает «отношения собственности на землю и воду» и отмечает, рассеянность этих отношений «среди различных звеньев социальной организации» [52, с.429].

Автор полагает, что количество скота и зажиточность среди кочевого общества являются главным признаком «неравенства в сфере поземельных отношений» [52, с.437]. Имущественное неравенство влияло на присвоение

пастбищных угодий и тем самым определяло захват более плодородных пастбищ и охват больших по площади территорий.

Опираясь на экологический фактор, Н.Э. Масанов видит альтернативу в посезонном характере собственности на землю среди кочевников. Посезонный характер собственности на землю ученый объясняет так: «вовлечение земли в сферу природопользования происходило на основе посезонной продуктивности растительного покрова» [52, с. 422]. «Посезонная собственность» на пастбища распространялась до тех пор, пока там был корм для скота «на одних и тех же пастбищах в разные периоды года в силу сезонной производительности растительного покрова мог выпасаться скот различных общин» [52, с. 442].

Н.Э. Масанов выделяет три базовых признака, составляющие собственность: «, во-первых, опосредованный характер, поскольку кормовые угодья присваивались в теплый период года опосредовано отношениям собственности на водные источники. Во-вторых, избирательный характер, ибо каждый вид животных требовал организации особого режима выпаса, водопоя и кочевания. И в – третьих, посезонный характер, ибо практическая утилизация пастбищных угодий зависела от посезонного характера наивысшей продуктивности растительного покрова» [52, с. 442-443].

«Право первозахвата» пастбищ и водных источников для крупных скотовладельцев и общин было своеобразным временным правом собственности, что касается рядовых кочевников то в процессе производства оно являлось юридической фикцией [52, с. 444].

В 1868 году Российская администрация приняла реформу, по которой территория Казахстана объявлялась государственной. В традиционном казахском обществе отсутствовали юридические права индивидуальной собственности, а с интеграцией Казахстана в состав Российской империи власти санкционировали частную собственность [52, с. 523].

Н.Э. Масанов считает, что российские власти не нарушали традиционные устои в кочевом обществе и «…никоим образом не затронули отношения собственности на средства производства и прежде всего на скот» [52, с. 533].

По нашему мнению, «право первозахвата» в кочевой общине, если и имело место, то работало только во внутриобщинных земельных отношениях. Например, лучшие пастбищные участки или верхнюю часть водного источника при потоке мог занять тот общинник, кто раньше поселялся. Здесь определенную роль сыграла и общественное и имущественное положение члена аульной общины или сородича, например, престижный пастбищный участок не мог занять бедный сородич. К тому же «право первозахвата» практиковалось, возможно, на первых порах «освоения» новых территорий, новых пастбищ.

Н.Э. Масанов считает, что собственность на скот у казахов находилась в господствующей значимости «в системе производственных отношений» [52, с.444].

Исследователь приводит очень интересный пример прерывания процесса накопления собственности по двум основным причинам: первый «естественный» – это джут (падеж скота); второй – по «социально-сегментирующим» причинам т.е. после смерти индивида между родственниками происходил раздел имущества в виде уплаты калыма, «…выделением имущества женатым сыновьям, приданного дочерям, устройством многочисленных пиров по случаю рождения детей, их инициации, свадьбы, похорон… обязательной помощью родственникам, законам гостеприимства, отдачей скота в саун, большими штрафами за разного рода провинности … и т.д.» [52, с. 446-447].

Родовая казахская община выполняла функцию символа «…отношений собственности на скот по отношению к массе непосредственных производителей, результатом принципа дополнительности» [52, с.454]. Зажиточные кочевники практически захватили весь процесс производства в рамках общины, тем самым «…процессы концентрации скота имели тенденцию подчинять общину, детерминируя тем самым ее зависимое положение от класса богатых скотовладельцев» [52, с.454].

Таким образом, богатые скотовладельцы монополизировали в своих руках управление процессом производства «…по обеспечению функционирования всех элементов системы материального производства» [52, с.454]. Для полноценного функционирования кочевого скотоводческого хозяйства, кочевникам нужны были условия для выпаса скота, которые создавались в результате объединения хозяйств рядовых кочевников с зажиточными. Эффектом интеграции «обеспечивалась «критическая масса», позволявшая в оптимальном режиме функционировать системе материального производства», иначе «воспроизводство стада не обеспечивалось» [52, с. 454]. Н.Э. Масанов доказывал, что в кочевом обществе «… процесс производства совершенно объективно определял монополию класса богатых скотовладельцев как на средства производства (скот, землю и воду), так и на сам процесс производства, а, следовательно, на всю систему материального производства» [52, с.454].

Рядовые кочевники были заинтересованы в объединении с хозяйствами зажиточных кочевников «для обеспечения воспроизводства лично им принадлежащего скота» [52, с.460]. Иначе, по мнению автора, это приведет к выпадению «… из процесса производства, из всей сферы общественного бытия и жизнедеятельности, а вследствие этого обнищание, отверженность и пауперизация» [52, с.460].

Н.Э. Масанов констатирует, «что отношения собственности на скот и процессы его концентрации обуславливали не только отношения собственности на землю и воду, зависимое положение общины, но фактически детерминировали несвободу трудящихся индивидов и различные формы их зависимости. …В этой связи становится понятной доминантная роль отношений собственности на скот в системе производственных отношений, определяющая специфику кочевого способа производства» [52, с. 460].

М.Б. Олкотт отрицала наличие частной собственности на пастбища у кочевых казахов, однако констатировала существование права пользования пастбищами, но не владение [168, p. 18].

А.И. Оразбаева затронула проблему собственности у казахов, отметив ее особую черту, характерную для социальной организации кочевников - «коллективизм». По утверждению исследователя, для кочевников характерно «коллективное владение землей, сочетание коллективизма с элементами социальной неоднородности – все крепилось общностью территории, хозяйственно-экономическими связями, кровными и родственными узами, мифами, подтверждающими общность происхождения всех членов рода и племени от предка основателя» [33, с. 226]. В кочевых обществах существовали кровно-родственные, родственные и территориально-родственные (племенные) социальные связи, причем автор отмечает, что казахи различали «кровное и генеалогическое родство» [33, с.226].

У кочевников восприятие территории (земли) было заложено предками «как источника своего жизненного начала, обители своих предков – «*Атамекен*» к земле, которое не могло «породить» земельную форму собственности [33, с.239]. Мобильность подвижного хозяйства кочевников давала преимущество в свободном выборе пастбищ в отличие от земледельческого населения [33, с.239-240]. Автор объясняет многие особенности традиционного казахского общества через символизм, традиционность, сакральность, социальную, культурную преемственность предков, которые повлияли на формирование государственности у кочевников.

Ю.Н. Каняшин в труде «Кочевые сообщества пустынь и степей казахского Турана в XIX веке», опираясь на письменные источники и ландшафт региона, исследует пастбищные аулы и их особенности в зависимости от природно-географических факторов [306]. Автор использует метод исторического ландшафтоведения и делает попытку воссоздать кочевые пути [306, с. 4]. По утверждению Ю.Н. Каняшина, «казахское землепользование в своей первичной форме исходило из понятия о земле как обширном выгоне, на котором каждый кочевник мог пасти скот в силу общественного права» [306, с. 189]. Для определения границ пастбищных территорий, по мнению исследователя, «необходимы хотя бы самые упрощенные планы землепользования» [306, с. 189-190]. Для кочевников границы пастбищ «очень подвижны, условны и растяжимы», чтобы решить эту проблему автор предлагает использовать картографический материал или использовать границы урочищ с изучением принципов измерения ими пространства [306, с.190]. Особенность кочевых маршрутов заключалась в том, что кочевали казахи по одним и тем же путям регулярно в течение длительного времени, которые нужно изучать и составить «книгу урочищ» пустынь и степей Турана [306, с.192].

В заключение мы хотим отметить, что хотя для дореволюционных исследований свойственен описательный характер, но несмотря на это они обладают внушительным значением для изучения казахов. Исследования

носили не только научный, но и стратегический характер, направленный на его дальнейшую колониализацию. Большая часть работ конца XIX - начала XX вв. посвящена переселению крестьян и в меньшей проблеме земельной собственности в связи с тем, что исследователи акцентировали внимание на законодательном закреплении земли за Российской короной. Но несмотря на это дореволюционных ученых второй половины XIX – начала XX вв. наличие собственности у казахов на скот не вызывало сомнений. Второй объект собственности – земля, по взглядам ученых, либо отсутствовал, или носил общинно-родовой характер.

В историографии советского периода большое внимание уделялось формационному развитию кочевников и в меньшей степени хозяйственному развитию. Историография советского периода не рассматривала кочевников как отдельную систему жизнедеятельности с особенным специфичным скотоводческим хозяйством. В исследованиях недооценивался общественно-политический строй и социально-экономические отношения кочевников, выводы ученых приводили к тому, что по сравнению с земледельческими народами номады не могли самостоятельно развиваться и создать государственность с развитыми отношениями. В то же время были исследования, в которых признавалась уникальность кочевой государственности, однако по идеологическим соображениям ученые признавали неразделенность кочевого общества, так же это касалось отношения к земельной собственности у кочевников. В советской номадологии институт собственности так и не был раскрыт.

В исследованиях конца XX - начала XXI вв. выделялись три составляющих, на которых базировалось кочевое скотоводство: водные источники, пастбище (земля) и скот, что вызвало неоднозначную дискуссию в среде обществоведов. Большинство ученых придерживается мнения, что скот находился в семейной частной собственности, пастбища - в общинной собственности, где действовал принцип первозахвата. Третий вид - водные ресурсы были доступны всему роду, имевшему рядом пастбища. Они приходят к выводу, что до начала присоединения Казахстана к Российской империи не была законодательно прикреплена собственность на землю.

Таким образом, проблема собственности на землю у казахов до середины XIX века в историографии была открытой. Земля находилась в общинной собственности и не могла принадлежать кому-то единолично, связано это было с особой кочевой хозяйственной самобытностью, которая существовала и формировалась на протяжении тысячелетий.

Изучая теоретическую проблему собственности у кочевых казахов XVIII-начала XX веков, хотелось бы отметить тот факт, что невозможно отделить скот и землю друг от друга. Анализируя историографию по данной проблеме, мы пришли к мнению, что у казахов существовала родовая собственность на пастбища (это связано с расселением племен на всей территории Казахстана), касательно собственности на скот она однозначно существовала, но единолично ею никто не владел, и соответственно принадлежала семье.

Кочевой образ жизни, который вели наши предки, сформировал очень сложную структуру. На основе кочевого хозяйства строились политические, социально-экономические отношения и структуры кочевого общества, власть и т.д. Территориально-климатические условия являются одним из закономерных явлений, которые связали население с кочевым ведением хозяйства автохтонного населения.

3 ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА КАЗАХОВ В СЕРЕДИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ. В ИСТОРИОГРАФИИ

3.1 Изменения в системе традиционного хозяйства казахов в трудах дореволюционных ученых XIX-начала XX вв.

Проблема трансформации традиционной хозяйственной деятельности казахов объединяет в совокупность вопросы, разрешение которых для современной казахстанской этнологической науки и казахстанского общества в целом важна и актуальна. Трансформация скотоводства - составная часть основных проблем в историко-этнографических трудах. На основе анализа научных трудов дореволюционных исследователей можно выявить основные трансформационные тенденции в традиционном хозяйстве казахов. Дефиниция «трансформация» в переводе с латинского языка ***transformatio*** - превращение. Преобразование, превращение вида чего-нибудь… [307, с.849,]. Некоторые исследователи употребляют термин «модернизация», который несет более объемную и исчерпывающую в методологическом плане мысль. Но сейчас не об этом, итак под термином «трансформация скотоводства» - изменения, связанны с комплексом проблем в скотоводческом хозяйстве, которые не происходили одномоментно, это очень длительный процесс.

Аспект трансформации в этнологии освещен не полно, исследователи касались данной проблемы в трудах частично. В научно-исследовательской литературе, нет работ которые бы в полной мере раскрывали последствия трансформации хозяйства казахов с XVIII века и до середины XIX в., хотя наиболее очевидные изменения проявляются со второй половины XIX – начала XX вв. как и отражено в историографии.

Проблема процесса оседания кочевых народов интересовала исследователей в конце XIX-начале XX вв. Ученые по-разному оценивали переход, к полуоседлости учитывая все факторы: эффективность, прогрессивность и рациональность перехода и его последствия. Существовало четыре концептуальных подхода к проблеме: поссибилистский, геодетерминистский, эволюционный и стадиальный (к цивилизационные изменения).

Из дореволюционных исследователей сторонниками геодетерминизма были: А.И. Левшин [63], М.И. Красовский [260], Л. Мейер [308], А.Л. Трегубов [309], Ф. Щербин [67], В.А. Тресвятский [310], Н.М. Ядринцев [311], П.М. Головачев [312], И.А. Третьяков [313], С.Е. Десницкий [266] и др. К группе поссибилистов можно отнести В. Островского и А.Н. Букейханова [314; 73], к эволюционистам И.Г. Георги [60], В.В. Радлова [64], А.Н. Байтурсынова [74], М. Дулатова [75], Р. Марсекова [315], А. Бекимова [316], А. Жанталина [317] и др., а к цивилизационной М. Сералина [318], К. Сулейменова [319], М. Жалпакова [320] и др.

Одной из актуальных проблем в истории кочевниковедения является процесс перехода номадов к оседлости, трансформация их жизни и быта, связанная с изменениями общественно-экономических отношений.

Царское правительство постепенно берет курс на ликвидацию родового объединения и расселения казахов, заменяя его территориальным принципом, что, конечно, напрямую отразилось на традиционной структуре хозяйства и его организации. Переселенческая политика несла в себе изменения и стеснение землепользования, отражавшиеся в хозяйстве казахов, лишая их возможности пользоваться, как и раньше, пастбищами, источниками воды и т.п.

Проблема трансформации кочевого скотоводства казахов находит свое отражение, хотя и фрагментарное, в дореволюционной русской литературе, начиная с конца XVIII в. в исследованиях П.С. Палласа (1776-1777), И.Г. Георги (1799), И.П. Фалька () и др.

В последней четверти XVIII в. российскими учеными С.Е. Десницким и И.А. Третьяковым была сделана попытка теоретически обосновать трансформационные процессы в Казахстане в пользу оседания [266; 310].

И.А. Третьяков профессор Московского университета, рассматривая трансформационные процессы, считал, что в результате перехода кочевников к оседлости и земледельческому хозяйству будет проще получить права на земельную собственность. Об экономической выгоде перевода кочевников к оседлости: «в нынешние просвещеннейшие веки и последний земледелец несравненно пользуется выгодами большими, нежели народы, рассыпанные по степям, без утвержденных жилищ кочующие. Такой, будучи снабжен и простыми орудиями, несравненно с большим успехом и большею удобностью отправляет свои дела, нежели другой, не достигший до его состояния человек», - отмечает И.А. Третьяков [313, с. 81].

Так, исследование И.Г. Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов так же их житейских обрядов, веры, обыкновений, жилищ, одежды и прочих достопамятностей» (1799 г.) [60, с. 114-142]. И.Г. Георги писал о важности изучения Казахстана для дальнейшей более эффективной колонизации и управления нужно ввести административное устройство «предварительно» изучив все нужды страны, и обычаи народа, «ставшего под нашу опеку, его понятий юридических, понятий о поземельной собственности и прочего» [60, с.19].

Исследователь понимал последствия перемен, внедренных правительством для местного населения, и отмечал, что «…русское устройство, введенное ныне в степи, сильно отразилось во всех мелочах общественного и частного быта кочевых жителей; нельзя только сказать, чтобы произошла оттого какая-нибудь польза для последних» [60, с.20]. И.Г. Георги понимал, что информированность властей была слабой. Представления о коренных жителях в администрации, а также их жизнедеятельности, было отражено в его работе. И.Г. Георги характеризуя ситуацию в степи Казахской писал, что у власти не было авторитета в управлении территорией, причина заключалась по

его мнению в раздвоенности действий местных властей, которая привела к «замедляющему действию…поставленных правительством» мер [60, с.20-21].

Более информативны и основательны в этом отношении работ русских ученых конца XIX – начала XX вв. В отличие от работ конца XVIII века, носящих чисто описательный характер, в исследованиях более позднего времени можно проследить моменты теоретического анализа, в частности, выяснение причин перехода кочевников к частичной оседлости. При этом одни ученые опирались на природно-климатические особенности региона, другие считали, что историческое развитие кочевников не зависело от природно-климатического фактора.

Существовало несколько точек зрения по поводу трансформации хозяйства и перевода кочевников сначала к полуоседлости, а позже и к оседлости.

Первый, крайне геодетерминистический, взгляд основывался на том, что кочевники зависимы от природно-климатических условий, и процесс перевода кочевников к оседлости, не учитывающий условий окружающей среды и хозяйственной потребности кочевников, не приведет к модернизации и улучшению.

Второй, поссибилистский, подход, исходил из того, что кочевое общество живет по своим законам, вне зависимости от природно-климатических законов, и поэтому предполагал главным критерием для улучшения условий жизни для кочевого населения как альтернативы земледелие. Главным мотивом сторонников поссибилистского подхода против кочевого хозяйства было отрицательное воздействие кочевников на экосистему, что, в свою очередь, приводит к опустыниванию территорий.

Третий подход эволюционный, подразумевал постепенный естественный переход кочевников к оседлости.

В.В. Радлов в своей работе охарактеризовал положение казахов второй половины XIX века, по данным автора казахов все больше ограничивали в свободном передвижении в степи (1893). Вследствие таких ограничений «благосостояние народа уменьшалось», все земли Средней орды, кроме земель Старшего жуза практически полностью были «разорены» [64, с.344]. Одним из сторонников концепции геодетерминизма был В.В. Радлов, несмотря на то, что являлся приверженцем естественного оседания кочевников, без вмешательства извне. В качестве примера исследователь приводит налоговую политику Китайского правительства к кочевым монголам, которая принесла меньше вреда нежели политика ограничения в свободе кочевников Российской администрацией «нанесли благосостоянию этого народа гораздо больший вред», чем повышенные налоги китайского правительства [64, с. 345]. В.В. Радлов понимал, что «номад лучше всех знает, что для него благо» [64, с.345]. В работе отмечал следующее: «Дальнейшее развитие отношений и форм существования, несомненно, должно происходить в степях, само собой. Порядок, навязанный извне и основанный на пустом теоретизировании, может лишь помешать истинному прогрессу. Большая часть степей по своим

природным условиям пригодная только для кочевников перейти к оседлости, это безусловно, явится причиной регресса и приведет к обезлюдению степей» [64, с, 345]. Тем самым показывая катастрофичность навязанной трансформации кочевого образа жизни.

В.В. Бартольд был по своим взглядам поссибилистом, и не был согласен с точкой зрения В.В. Радлова. По своим убеждениям В.В. Бартольд считал переход к оседлости номадов прогрессом, и заключал: «Как ни велик был вред, причиненный народу насильственным, неумелым и непосредственным вмешательством в его жизнь, едва ли, однако, непригодность отдельных местностей для земледелия исключают возможность перехода от кочевой жизни к усовершенствованному скотоводству, вполне совместимому с установлением мирных условий жизни и усвоением европейской культуры» [321, с. 179].

Концептуальные проблемы, поднятые исследователями в конце XIX – начале XX вв. и дальнейшее изучение развития скотоводства и седентаризации ученые все больше склонялись к поссибилистским тенденциям во взглядах, считая важным шагом перевести кочевников к оседлости с модернизацией социальной структуры.

Другой исследователь М.И. Красовский, показывает, как вмешательства российских властей изменило отношение казахов к Российским властям: «проявление у жителей, подпавших нашему владычеству, большей нелюбви, большого недоверия к нам, нежели к остальным, невежественным, азиатским государствам, каковы: Китай и средние ханства» [237, с. 16].

М.И. Красовский в своем исследовании поднимал вопрос о прикреплении земли в собственность кочевников-казахов, которая со временем приведет к развитию земледелия, а сенокошение в свою очередь улучшит скотоводство в регионе [260, с.42]. Несмотря на то, что власти делали попытку внести изменения в скотоводческую отрасль экономики и дополнительно ввести земледелие, которое будет по мнению М.И. Красовского «значительным подспорьем … в основе …, которого лежит прочное владение местом постоянного жительства» [260, с.42]. По утверждению ученого, прикрепление к земле кочевников приведет к более продуктивному управлению регионом. Казахи с их кочевым образом жизни и системой жизнеобеспечения не были подчинены царским властям, что усложняло дальнейшую экспансию степи.

Л. Мейер, дореволюционный русский исследователь, собиравший сведения о казахах, приводит следующие данные о трансформации кочевого образа жизни, к сожалению, не может дать точных данных о соотношении оседлых и кочевых хозяйств в степи. Он пишет: «… весьма трудно определить, сколько именно киргизов (казахов - А.И.) постоянно кочует и сколько живет почти оседло, т.е. занимается хлебопашеством» [308, с. 22], причина таких сложностей заключалось в смешанном ведении хозяйств «… соединяют одно с другим» [308, с. 22].

По утверждению Л. Мейера хлебопашеством занимались «совершенно бедные», и «при первом удобном случае переходят опять в кочевое состояние.

… тем не менее, число хлебопашцев весьма изменчиво, и почти невозможно обозначить его даже с приблизительною верностью» [308, с.22]. По примерным сведениям автора, «… вообще в степи, не считая Сыр-Дарью, в настоящее время занимается хлебопашеством около 10 000 кибиток, а на Сыр и по его разветвлениям, …около 25 000 кибиток в окрестностях этой реки, что составило бы всей степи до 35 тыс. кибиток, участвующих в этом промысле посредственно и непосредственно, т.е. 1/5 части народонаселения. Остальные четыре пятых – народ кочевой в полном смысле слова» [308, с.22-23].

О влиянии российской администрации на развитие земледелия (оседлости) в регионе впоследствии реформ в регионе Л. Мейер писал, что они «…не прививаются, и киргизы (казахи - А.И.) в общественном и частном быту остались тем же кочевым народом, которым были несколько столетий тому назад. … весьма много способствуют этому застою местные условия, и не подлежит никакому сомнению, что часть этого народа будет всегда вести кочевую или полукочевую жизнь, потому что только при этом условии можно извлечь некоторую пользу из многих частей его обширной территории» [308, с.42-43].

Хлебопашество в казахской степи, Л. Мейер делил на: «1) хлебопашество обыкновенное и на 2) хлебопашество с орошением пашни или предварительным смачиванием земли» [308, с.101]. На начальном этапе внедрения земледелия в Казахстане потерпел крах, не приходится говорить о трансформационных процессах в традиционном хозяйстве казахов-кочевниках.

В. Островский, был геодетерминистом и по сути противником трансформационных процессов в степи, в своем труде раскрывая специфичность земледельческого хозяйства казахов, и негативное влияние России на степь писал о низком уровне жизни, где: «…несмотря на …благоприятные для земледелия условия, киргизский (казахский – А.И.) пахарь несравненно беднее своего соплеменника-скотовода, что большинство земледельцев высеивает не свыше 5-10 пуд зерна ежегодно и вообще влачат жалкое существование. Нельзя поэтому, одобрительно отнестись к тем мнениям, которые рекомендуют правительству, в отношении поземельно податного устройства, на оседлое положение» [314, с.238].

Причину бедности казахов-земледельцев В. Островский видит в наибольшей продуктивности ведения кочевого скотоводческого хозяйства в степи. Казахи, занимающиеся земледелием, были беднее, чем казахи-кочевники, чем автор объясняет негативное отношение казахов к оседлости, так как переход их к земледелию не мог быть добровольным, а только «… в силу неотразимой экономической необходимости» [314, с. 239]. Кочевник-казах «с презрением относится к землевладению, он предан образу жизни, унаследованному им от отцов и дедов, сложенному веками, и потому, это его родное, его стихия» [314, с.239]. Переход казахов к земледелию был вынужденной мерой [314, с.239].

В. Островский видел особенности кочевого образа жизни в специфичном ведении экстенсивного скотоводства, «…требует простора, в зависимости от

чего перекочевки в поисках пастбищ достигают, как известно, весьма часто и более верст. По мере прироста населения, степных пастбищ становится недостаточно, земля отказывается кормить человека своим естественным покровом, требуя от него труда и ухода» [314, с.240].

В. Островский понимал, каково кочевникам-казахам перейти к чуждому земледелию характеризуя это состояние как «…полное отвращение к непривычному земледельческому труду, налагающему на них свои железные тиски», собрав урожай «… киргиз (казах - А.И.) …по старой памяти откочевывать в степь» [314, с.240].

Относительно ситуации в Казахской степи, В. Островский, обращаясь к властям, писал следующее «… цель правительства заключается не в том, чтобы получить в известном году несколько лишних рублей. Напротив, правильная финансовая политика стремится создать постоянные и верные источники дохода, т.е. идет рука об руку с заботами об экономическом благосостоянии населения при подобных условиях, некоторая отсрочка податной эксплуатации земледелия киргизов (казахов – А.И.) выгодна не только для последних, но обещает не менее благие результаты и для казны» [314, с.241]. Он понимал, что нужно изменить направление проводимой политики в степи, и видел ее неэффективность и нежелание местного населения заниматься оседлым промыслом.

Интересна работа М. Шорманова «Заметка о киргизах Павлодарского уезда». Работа представляет собой вопросник по этнографии казахов, где автор очень подробно описывает быт, промыслы казахов. По некоторым сведениям М. Шорманова, можно отметить изменения быта и хозяйства казахов. Со второй половины XVIII века и вплоть до начала XIX в. в Казахстане наблюдаются незначительные изменения, связанные с ведением более активной торговли с российскими купцами. Под воздействием рыночных отношений кочевники, подстраиваясь под спросы рынка, начинают содержать коров, непригодный для кочевого хозяйства скот, тем самым меняя видовой состав скота.

В исследования М. Шорманова выделены основные изменения в традиционном хозяйстве казахов: помимо проникновения земледелия, казахи стали заниматься сенокошением, а торгово-денежные отношения способствовали изменениям в видовом составе скота, т. е. теперь кочевников интересовала его товарность [70, с.52, 65-66, 69]. Несмотря на то, что казахи всё-таки большее предпочтение отдавали кочевому скотоводству, они побочно занимались земледелием. Это связано с этнокультурными процессами и влиянием Российского государства в регионе.

Х.М.-С. Бабаджанов, один из казахских авторов, который писал статьи в дореволюционную периодическую печать, был членом Русского географического общества (с 1861 г.). Работы автора поднимали различные аспекты истории, этнографии, археологии, религии о ситуации в казахской степи середины XIX века, особенно его интересовали проблемы, связанные с колонизацией степи, хозяйства казахов и взаимоотношении казахов с казаками.

М.-С. Х. Бабаджанов отмечал важность постепенного процесса перехода в степи к земледелию и развитию хлебопашества [322, с.79], а также необходимость светского образования и общей грамотности коренного населения для улучшения качества их жизни. Он писал о трансформационных процессах в сознании казахов, влиянии татар на язык и быт казахов, отмечал, что казахи стали «отатариваться» [322, с.90]. В газете «Деятельность» в 1868 г. им была опубликована статья «Спор Уральских казаков с киргизами Внутренней орды», где автор писал о земельных спорах между казахами и казаками. По мнению автора, и казахи, и казаки не имели прав на владение и пользование, в результате каждая из сторон опирается «…на давность пользования, и в этом отношении не имеют друг перед другом никакого преимущества» [322, с.99].

Описывая положение казахов и скотоводства, он пишет, что земля является единственной и первой потребностью для ведения кочевого хозяйства и воспроизводства стада, которое не приносит «выгод и плодов» в результате сокращения пастбищных территорий как «единственного источника пропитания, равносильно обречению их на погибель» [322, с.99]. Численность скота не соответствует содержанию в связи с ростом населения, то есть идет оно не пропорционально. Земли мало, поэтому приходится брать ее в аренду «…за пределами орды…», для полноценного функционирования традиционного хозяйства и «материального благосостояния» нужны пастбищные угодья [322, с.99-100]. М.-С. Х. Бабаджанов, описывая ситуацию, в которой оказалось население, пишет о временном поощрении правительством скотоводства и необходимости наделения их «…достаточными землями», понимая, что в дальнейшем будущем власти намерены изменить в степи хозяйственное направление. Он просил дать время казахам приспособиться к тому времени, «…когда киргизы (казахи - А.И.) приучатся и к другим родам промышленной производительности, и когда скотоводство без посторонних принуждений и насильства само собой уступит место и другим более соответственным промыслам, согласным с обстоятельствами того времени. Но до той поры, до приспособления киргизов (казахов - А.И.) к приобретению себе средств содержания другими родами промышленного производства, стеснять орду внезапным прекращением ее скотоводства – значит привести к весьма неблагоприятным последствиям» [322, с.99-100].

Х.М.-С. Бабаджанов в своих трудах пишет о сенокошении [322, с.112], характеризует свою попытку лично заниматься садоводством как «пример … благотворного влияния к приучению и приохочению ордынцев заниматься этой полезною промышленностью» [322, с.115].

Работа Б.Д. Даулбаева (1881) интересна тем, что в ней показаны изменения в казахском обществе за 50 лет (с 1830 по 1880 гг.). Автор статьи впервые попытался систематизировать изменения в степи на примере одного уезда, который, по мнению А. Безносова, можно применить и к другим соседним уездам. Факт наличия в статье небольшой краткой аннотации в виде сноски - дополнения А. Безносова показывает заинтересованность властей в

трансформационных процессах в Казахской степи [323, с. 98]. А. Безносов отмечает, что авторы работ о казахах XIX в. не замечают, что они «упускают из виду, что в настоящее время киргизы отчасти вследствие влияния различных мер, принятых правительством в последние времена, преимущественно с 1835 г., отчасти вследствие влияния смежного оседлого населения, русского, башкирского и татарского, уже не представляют собой, по быту и характеру своему, цельного народа: тогда как одна часть киргизского (казахского – А.И.) народа по прежнему держится кочевого быта, другая находится на различных стадиях перехода от кочевого быта к быту оседлому и представляет собой многочисленные и интересные формы видоизменения древних привычек, вкусов, верований, вообще всего характера» [323, с. 98].

Б.Д. Даулбаев, характеризуя, начиная с 1830 г., положение казахов, отмечает, что казахи жили традиционно, занимаясь перекочевкой в поисках корма для скота, «…так как тогда никто из них не заготовлял сена на зиму и хлебопашеством не занимался. … Домов и землянок не было ни у кого из киргиз (казахов - А.И.)» [323, с. 99].

Как пишет исследователь, загонов для скота не существовало: «…тогда хотя скота было и больше, чем в настоящее время, но зато не было ни денег, ни имущества. Не было также, кроме скотоводства, звероловства и баранты с другими родами, никаких особенных промыслов» [323, с.101].

Примерно со второй половины 30-х гг. и начала 40-го года XIX в. после введения некоторых административных мероприятий по управлению и заселению со стороны русских властей в регионе [323, с.112-113] начали происходить трансформационные процессы среди казахов: «... сначала прилинейные, а потом и другие киргизы (казахи - А.И.), взяв пример от соседних русских, начали заготовлять для своего скота сено и устраивать при зимовках азбары, загоны для скота. … начали распространяться между киргизами (казахами - А.И.) грамотность и торговля и вообще народ принялся за честный труд, почему прежний образ жизни, грубый нрав и некоторые суеверия начали понемногу переменяться к лучшему; беднейшие из киргиз (казахов - А.И.) стали наниматься в работники к русским и башкирам и с того же времени начали заниматься провозкой соли» [323, с.113].

По Б.Д. Даулбаеву, в 1841 году султан-правитель Ахмед Джантюрин одним из первых «…выстроил на зимовке своей при р. Тобол, как для себя, так и для своих семейных, землянки» [323, с.113], а в 1950-е гг. казахи Дамбарской волости постепенно начали строить деревянные дома в незначительных количествах [323, с.114]. Казахам изначально строили дома «преимущественно русские и башкиры», но «со временем казахи начали сами строить себе жилье…. В Дамбарской и Чубарской волостях зимой в большинстве своем живут в стационарных домах» [323, с.114-115].

В 1851 году наблюдается среди некоторых казахов заготовка сена и хлебопашество, с 1853 года хлебопашеством были заняты бедные, «…а потом и богатые стали заниматься хлебопашеством, и с того же времени киргизы

(казахи- А.И.) вообще начали жить роскошно и сытно и между прочими предметами роскоши стали употреблять чай» [323, с.114]

Проблема эволюции традиционного хозяйства и ее модернизации стала освещаться в журнале «Айкап» и газете «Казах» [324-325], причем среди авторов были как сторонники модернизации традиционного скотоводческого хозяйства, так и ее противники.

А. Байтурсынов [74], М. Дулатов [75], Р. Марсеков [315], А. Бекимов и А. Жанталин [316-317] поддерживали идеи о необходимости постепенного перехода к оседлости и считали наиболее целесообразным животноводческую направленность сельского хозяйства.

О пользе перехода к оседлости в Казахстане писали М. Сералин [318], К. Сулейменов [319], М. Жалпаков [320], они опирались на теорию стадий, полагая, что переход к земледелию приведет к цивилизационным изменениям.

А.Н. Байтурсынов понимал, что казахам нужно приспособиться к капиталистическим условиям рынка и старался просветить казахский народ. Трансформационные процессы в хозяйственной деятельности не могли происходить отрывочно. По мнению А.Н. Байтурсынова переход к оседлости - это длительный эволюционный процесс, который протекает веками и тысячелетиями [74]. В публикации «Об изменении хозяйства» автор отстаивал эволюционные пути перехода к оседлости, а не насаждение ее властями, полагая, что для этого администрации нужно создать подходящие условия: подобрать территории, благоприятные для земледелия, опираясь на природно-климатических данные, население должно иметь навыки обработки земли.

М. Дулатов, являясь сторонником обусловленности скотоводческого хозяйства в регионе природно-климатической средой, считал, что земли Казахстана не приспособлены к земледелию, условия в регионе пригодны лишь для скотоводства. Если культивировать земледелие, произойдет истощение почвы, а для их восстановления понадобится 20-25 лет [75, б.84-85].

А. Букейханов старался предупредить коренное население, что постепенно в казахскую степь будет проникать русское влияние на все стороны жизни казахов. В работе «Киргизы» он показал проникновение оседлости в Казахстан: «…былое чисто пастушеское хозяйство киргиза (казаха - А.И.), постепенно уступает место смешанному земледельчески-пастушескому типу; это наблюдается, по крайней мере, в тех местностях, где естественноисторические условия и экономическая конъектура оказались благоприятными для развития земледелия. В этом отношении Киргизский край (Семипалатинская, Акмолинская, Тургайская и Уральская области) можно схематически разбить на два района: северный, лежащий выше 50-ой параллели, благоприятный для земледелия, и южный – где плохая почва, скудность атмосферных осадков и отдаленность от рынков делают земледелие в сколько-нибудь значительных размерах невозможным» [73, с.8; 52].

В работе даны статистические материалы, на основе которых А.Н. Букейханов делает вывод, что «… по данным киргизских (казахских – А.И.) бюджетов, земледелием занимаются 63% киргизских (казахских - А.И.)

хозяйств, причем на каждое приходится в среднем 2, 25 десятин посева» [73, с. 11]. Он акцентирует внимание на ведущем месте скотоводства в хозяйстве: «… главным промыслом киргиз (казахов - А.И.) является еще и теперь скотоводство…» [73, с.11].

А.Н. Букейханов приводит статистические данные о национальном составе населения Казахстана и о соотношении разных форм ведения хозяйства в регионе. Приведем отрывок из труда ученного: «… киргизское (казахское – И.А.) хозяйство, хотя и вступившее на путь дифференциации и перешедшее от чисто скотоводческого и натурального характера к смешанному, земледельчески-скотоводческому, все же остается, по преимуществу [73, с.12] натуральным и значительно превосходит по своей примитивности крестьянское хозяйство России» [73, с. 12 - 13].

Несмотря на то, что все-таки казахи стали заниматься, по мнению А.Н. Букейханова, земледелием «… привычное, старое представление о них, как о вечно кочующем народе, каким рисовала себе комиссия Булыгина, составляя положение о Государственной думе, является простым анахронизмом и свидетельствует о невежестве нашей бюрократии. Все киргизы живут 8-10 месяцев в году оседло на одном месте. …» [73, с.12-13].

А.Н. Букейханов ясно видел негативные последствия царской переселенческой политики, основной целью которой экспедиций было отобрать как можно больше лучших пастбищных угодий. Он так оценивал политику Переселенческого управления: «…чины Переселенческого Управления вместо того, чтобы самостоятельно исследовать свойства почвы, просто отнимали пашни и пастбища у киргиз (казахов - А.И.), доверяя агрономическим знаниям последних и полагая, что занятые ими земли должны оказаться пригодными для крестьян» [73, с.27]. Земли, занятые казахами, по мнению Переселенческого управления, были пригодны для крестьян-переселенцев: «… вера в агрономические знания киргиз (казахов - А.И.) была до некоторой степени полезна, но случались ошибки, в результате которых крестьянам приходилось бросать полученный надел, как непригодный для земледелия» [73, с.27]. Последствия необдуманной политики царских властей отразились негативно, и население не могло терпеть такого отношения к себе, в результате была написана Каркаралинская петиция 1905 года.

В Каркаралинской петиции, отправленной в июне 1905 года на имя председателя Комитета министров, была ясно выражена оценка казахами переселенческой политики: «Не считаясь ни с интересами народа, ни с его историческими правами, преследуя лишь одну обрусительную политику, местная администрация стремилась к уничтожению всего того, что не согласовывалось с этой политикой. Правительство совсем упустило из виду, что киргизские (казахские – А.И.) степи не завоеваны, а добровольно присоединились к России. Киргизы (казахи – А.И.) приняли русское подданство в видах внешней защиты, не предполагая какого-либо вмешательства во внутренние дела. В насильственном же вторжении государства в сферу религиозных дел киргизы видят явное посягательство на

их веру и относятся с недоверием к действию правительства… Считая землю своей собственностью, приобретенной кровью отцов, киргизы (казахи - А.И.) при вступлении в русское подданство не подумали, что государство позволит себе посягнуть на частную собственность; между тем, русское правительство создало законы, по которым без всякой мотивировки, просто по праву сильного, все киргизские (казахские - А.И.) степи признаются государственной собственностью, последствием чего создалось переселенческое движение в киргизской (казахской - А.И.) степи, и самые лучшие участки земли перешли к переселенцам, а худшие – остались за киргизами (казахами - А.И.)…»» [73, с.41].

17 октября манифест был переведен на казахский язык и разослан по всей степи, после этого начались открытые публичные митинги. Таким образом, население в начале XX века начинает осознавать в каком положении оно оказалось. Судя по манифесту, казахи были в отчаянии, что власти не учитывают интересов коренного населения отбирая пастбищные земли, в результате которых казахи, оставались без средств к существованию.

На рубеже XIX - начала XX вв. русские исследователи, такие как Н.М. Ядринцев [311], П. Головачев [312], А.А. Кауфман [261], П.П. Румянцев [257-258], И. Аничков [326], О.А. Шкапский [68] положили начало анализу трансформационных процессов в кочевом казахском обществе в составе Российской империи.

Н.М. Ядринцев, опираясь на идею цивилизаторской миссии Российской империи в степи, считал, процесс перехода казахов к оседлости прогрессом. Уровень развития кочевников по сравнению с земледельцами был на низшей ступени развития, здесь мы видим европоцентристский подход со стороны Н.М. Ядринцева [311]. Другой исследователь П.М. Головачев отзывался о переселенческой политике России как с позитивной точки зрения – оседлость и земледелие, так и видел отрицательные последствия для Казахстана – уменьшение коренного населения за счет внешних факторов, разрушение традиционного быта и использование кочевников-казахов со стороны русских торговцев [312]. Строительство Сибирской железной дороги отразилось на трансформации скотоводства.

А.А. Кауфман на основе анализа материалов акцентирует внимание на трех причинах, которые повлияли на изменения в скотоводческом хозяйстве Казахстана: давление со стороны властей, влияние русских земледельцев и сокращение пастбищных угодий [261].

П.П. Румянцев считает, что изменения в традиционном кочевом хозяйстве происходят под влиянием рыночных отношений и строительства железной дороги в степи. Автор пишет: «… тогда-то натуральное скотоводческо-кочевое хозяйство киргиз (казахов - А.И.) стало превращаться в товарно-денежное, с постепенным переходом к новым формам - оседло-скотоводческому и оседло-земледельческому» [258, с.36]

В начале XX века исследователи, рассматривая изменения в казахской степи и товарность скотоводческого хозяйства, отметили, что шли они под

влиянием товарно-денежных отношений, строительства железной дороги, переселенческой политики России и рынка [325; 326; 327; 257]. В результате внешних факторов и изъятий пастбищных угодий кочевники вынуждены были заниматься сенокошением, строительством загонов для содержания скота. Вначале XX вв. русские ученые приступили к изучению перспектив скотоводческого хозяйства в стратегических целях развития торгово-рыночных отношений для Российской империи. На основе анализа ученые пришли к мнению, что под воздействием внешних факторов происходили изменения в скотоводстве - товаризация видового состава скота у казахов.

В.А. Тресвятский писал: «Заселение степи русскими переселенцами и вовлечение ее в мировую торовлю, которая начала в усиленном темпе развиваться с проведением железнодорожных машин, не могли не произвести переворота в хозяйственной жизни киргиз (казахов - А.И.). Натуральное скотоводческо-кочевое хозяйство киргиз (казахов - А.И.) стало превращаться в товарно-денежное, а возникшие капиталистические отношения раскололи киргизский (казахский – А.И.) народ на новые экономические классы, не имеющие ничего общего со старыми родовыми группами» [310, с.71].

В начале XX века среди коренного кочевого населения отмечаются тенденции перехода к более интенсивному использованию пастбищных угодий, переход к сенокошению и стационарному содержанию скота. В.А. Тресвятский, раскрывая особенности изменений в степи, писал: «процесс развития киргизского (казахского – А.И.) хозяйства выражался в устройстве постоянных зимних жилищ, затем развитии сенокошения и земледелия. В связи с этим наблюдалось сокращение перекочевок во времени и пространстве, удлинении срока пользования призимовочными пастбищами и более интенсивное зимнее содержание скота. Теперь немало киргизских (казахских - А.И.) общин, сохранивших только видимые формы кочевого быта; круглый год они вращаются около своих зимовок, откочевывают на лето не более 5-6 верст, зимою держат на подножном корму только гулевых лошадей, овец же, рогатый скот и рабочих лошадей кормят всю зиму сеном, причем все почти занимаются земледелием» [310, с. 66].

Реформы второй половины XIX-начала XX вв. в Казахстане стали внешним фактором, подтолкнувшим на трансформацию не только скотоводческое хозяйство, но и казахское общество в целом. Проникновение товарно-денежных через создание торговой сети (степных ярмарок) и рыночных процессов приводит к постепенной эволюции экономики кочевого хозяйства.

Переселенческая политика царской России к 1917 году изъяли для русских крестьян перселенцев 30,7 млн.десятин земли, что привело к кризису кочевого скотоводческого хозяйства [105, с. 131].

В отчете О.А. Шкапского, где было уделено внимание изъятию земель в Семиреченской области в целях ее колонизации [68, с.3], очень подробно дано описание населения этого региона. В зависимости от специализации хозяйства

он делит их на несколько групп, из них непосредственные кочевники вошли в третью группу, составляя 84, 4% всего населения [68, с.25-26, 29].

Описывая особенности хозяйственной деятельности кочевого населения (казахов и киргиз), О.А. Шкапский пишет, что они переходят к земледелию на время из-за падежа скота, а когда ситуация налаживается, снова переходят к скотоводству [68, с.29]. Основным хозяйством коренного населения было скотоводство, а земледелие играло второстепенную, вспомогательную роль. Тем не менее О.А. Шкапский, основываясь на статистических данных за 1902 г., показывает, что среди казахов происходит рост численности населения, которое занимается земледелием и соответственно идет «…процесс оседания киргиз (казахов - А.И.), связанный с уменьшением скотоводческого хозяйства» [68, с.31], появляются селения с домами на русский манер [68, с.32]. Так же автор акцентирует внимание на том, что не все кочевники перешли к полной оседлости, среди них существуют хозяйства, сочетающие скотоводство с земледелием [68, с.33-34]. О.А. Шкапский не имел точных данных о количестве перехода к оседлости автохтонного населения, но в работе есть личные впечатления, сложившиеся во время поездок по Верненскому уезду, где он наблюдал посаженные деревья, засеянные люцерной и зерновыми культурами поля [68, с.34].

Препятствовали дальнейшему процессу оседания борьба за территории между оседлыми земледельцами и скотоводами, «за права пользования землями, которые раньше служили только для выпаса скота, а теперь вошли в число занимаемых под земледельческую культуру, оседающим киргизам приходится еще вести борьбу с родовой …аристократиею…» [68, с.36].

На юго-восток Казахстана с середины XIX века и на рубеже XIX-XX вв. прибыло много переселенцев, которые повлияли на трансформационные процессы не только хозяйства, но и в историко-культурном направлении (строительство жилья, построек для скота). В работе уделено внимание переселенцам, их хозяйственным занятиям и условиям жизни. О.А. Шкапский полагал, что для развития оседлости кочевое население Юго-Восточной части Казахстана нуждается в поддержке и льготах со стороны властей [68, с.185]. Особенно его интересовали территории, пригодные для земледелия переселенцев - крестьян и казаков [68, с.165]. Переселенцы, кроме земледелия, занимались пчеловодством, садоводством и другими промыслами. К сожалению, информация о каких-либо изменениях в скотоводстве казахов в работе носит поверхностный характер.

И. Аничков в статье 1902 г. «Упадок народного хозяйства в киргизских степях», по сравнению с О.А. Шкапским, дал более обстоятельный анализ дальнейшей интеграции Казахстана в Российскую империю благодаря мероприятиям со стороны властей [326, с.50-73]. Он поднимал вопросы социально-экономического положения казахов, слабого развития образования в регионе, ростовщичества, сбора подати и другое. В работе описаны факты перехода коренного населения от кочевого хозяйства к оседлости и процесс смешения скотоводческого хозяйства с земледельческим. И. Аничков

констатирует, что казах уже не кочевник, и он приспосабливается к ведению смешанного хозяйства, практикует рыболовство, происходит рост торгово-рыночных отношений и продвижение в глубь степи [326, с.51].

По утверждению И. Аничкова, нужны статистические исследования в регионе с точными цифрами для выделения земель для кочевников, а также отдельно для переселенцев и поддержания их благосостояния. Строительство железной дороги, по мнению автора, улучшит товарооборот и удешевит ввозимую продукцию между казахской степью и Россией [326, с.55]. Приграничные к России казахи начали перенимать сенокошение, а для повышения продуктивности земледелия у казахов появится спрос на закуп сенокосильных аппаратов. Торговля и развитие образования в степи, переход казахов от кочевого к земледельческо-скотоводческому хозяйству увеличат спрос в качественном скотоводческом товаре в России, но и в товаре из России для степи [326, с. 57-58]. Наиболее актуальные четыре вопроса в степи, которые нужно, по мнению автора, регулировать администрацией и усилить в них позиции русской власти: 1. изменить обычное право казахов под влиянием российских законов в степи; 2. распространить ислам как наиболее приспособленную религию для кочевого образа жизни; 3. противостояние между родовой зависимостью и личным развитием казахов; 4. в результате упадка скотоводства и как следствие бедность народной массы, задолженность ее и переход к земледелию «от кочевого быта к оседлому» [326, с.60].

В исследовании И. Аничков отмечает периодические джуты, в результате которых происходит обеднение казахов-скотоводов и «увеличение «игинчей», перешедших от скотоводческого хозяйства к земледелию. Со временем к земледелию, как пишет исследователь, перейдет вся Казахская степь [326, с.61-62, 63,64]. В работе даже нет намека на то, что упадок скотоводства происходит из-за изъятий пастбищных угодий в пользу переселенцев с ее вытекающими последствиями. Большинство исследователей дореволюционного периода были уверены, что они привносят «цивилизацию» казахам. Автор констатирует, что все население Казахской степи стремится перейти к оседлости и заниматься земледелием, тем самым получить стабильность.

Среди казахов И. Аничков отметил неравномерность строительства зимовок-стойбищ и сенокошения [326, с.66], в связи с тем, что казахи проходят «переходный момент от кочевого образа жизни к полукочевому и полуземледельческому» [326, с.66-67]. Чтобы исследователь и поднять социально-экономическое положение казахов, которые предоставлены сами себе, по мнению автора, нужно проводить географические, статистические и экономические исследования чтобы сочетать скотоводство с земледелием, а также переселенческий вопрос [326, с.71-72].

Ю. Шмидт, Н. Коншин, Н. Здравосмыслов, А. Козырев, М. Роженец, изучая специфику природно-климатических условий степи и данных Ф.А. Щербины, показали изменения в традиционном хозяйстве под воздействием внешних факторов рынка [330-337].

А.А. Кауфман в своем исследовании «К вопросу о колонизации Уральской области» отразил действия местной администрации по отношению к зимовкам казахов. Из-за сосредоточения русских поселений в одном месте властями сгонялись с мест казахские зимовки, что подрывало скотоводческое хозяйство казахов [262, с.14].

В работах П.П. Румянцева, и К.О. Валя затронута проблема трансформации кочевого ведения хозяйства, основной причиной которых, по их мнению, явились крестьянская колонизация и проникновение торгово-экономических отношений [257-258; 335].

По этому поводу пишет П.П. Румянцев, утверждая, что гибель традиционного уклада казахов и его истории начинается с принятием «Степного Положения», которое затрагивало экономическое и социально-правовое положение казахов. В работе он констатировал, что казахи являются сельскими обывателями «Степных, Сибирских и Среднеазиатских областей» [258, с.107].

П.П. Румянцев, описывая развитие хозяйства северных регионов начала XX века в Казахстане, писал: «…переход от чисто пастбищного содержания скота к частично стойловому сказывается в распространении сенокошения: 89,5% всех хозяйств делают запасы сена на зиму» [259, с. 38-39]. Из отрывка видно, что в северных регионах Казахстана были заметные изменения в ведении скотоводства под влиянием России.

Статист царской России Ф.Ф. Щербина так характеризовал административно-территориальное дробление Казахстана: «… обычная киргизская (казахская – А.И.) форма землепользования – киргизская (казахская – А.И.) община, состоящая обыкновенно из одного или группы хозяйственных аулов (кстау), нигде не совпадает с волостью, а с аульным обществом очень редко, но зато нередко не только такие общины, входящие целыми десятками в состав аульных обществ и волостей, но даже хозяева отдельных общин бывают расчленены по официальным спискам и значатся в составе совершенно различных административных единиц» [336, с.12-13]. Проводимая административно-территориальная реформа царизма преследовала определенные цели: во-первых, разрушить маршруты кочевий; во-вторых, прикрепить к земле казахов, для большего упрощения управления регионом и решить проблему с нехваткой земель для переселенцев; ослабить родовые отношения и т. д.

С середины XIX века, по мнению Ф. Щербины, происходят активные изменения в хозяйстве казахов, процесс колонизации напрямую детерминировал её [337, с.104], а именно, казахи заимствуют косу, и некоторые хозяева стали делать запасы сена. Экспедиция Ф. Щербины выявляет постепенное изменение видового стада у казахов, что, конечно, также говорит о трансформации хозяйства [338]. Переселенческая политика напрямую подорвала традиционное казахское хозяйство, сюда мы можем отнести посевные площади, которые препятствовали привычным кочевым маршрутам казахов к пастбищам и резкое сокращение радиуса кочевания. Так, для

имперских чиновников, кочевничество виделось простой сменой места, вслепую следующего за скотом. Русские крестьяне, захватив право на землю, приводят к кризису скотоводство казахов, захватив лучшие земли, которые отличались высоким содержанием травостоя в тот или иной сезон.

Административно-территориальная реформа вносит изменения и в традиционную структуру родового строя казахов. Как отмечал А.А. Кауфман, «…разложение рода у казахов должно быть, разумеется, понимаемо в очень относительном или условном смысле, именно не столько в виде действительного распада родовых групп и замены их группами лиц, вовсе не связанных узами кровного родства, сколько в смысле изменения характера взаимных земельных и хозяйственных отношений лиц, связанных родовою связью» [261, с. 86]. Члены экспедиции Ф. Щербины отмечают: «со временем, чем больше занималась территория уезда, тем больше стеснялась свобода в кочевании. … исчезает кочевание целым аулом» [337, с.105].

Появление стационарных жилищ у кочевников-казахов в колониальный период является результатом сокращения пастбищных просторов, казахи переходят к ведению полукочевого скотоводства и начинают заниматься земледелием. Одно из таких подтверждений мы находим в материалах Тургайско-Уральской статистической партии, «…земледельческое хозяйство для киргиза (казаха - А.И.) начинает иметь большее значение, нежели кочевое скотоводство» [338, с.123]. Данный переход к оседлости сопровождался болезненной ломкой установившихся веками хозяйственного уклада и образа жизни казахов. Несомненно, это было также связано с проникновением в казахскую степь капиталистических отношений, с быстрым ростом рынков и ярмарок.

Т. Седельников отмечал: «Впоследствии, под влиянием дальнейшего размножения и близости русских земледельческих поселений, начинает постепенно развиваться и земледелие, от которого, по выражению киргизов (казахов - А.И.), двойная польза: себе пища и скоту корм» [255, с.24]. Т. Седельников понимал, что «… сокращение пастбищных пространств в XIX в. привело к полукочевому образу жизни с сопутствующими ему сенокошением и хлебопашеством» [255, с.159] Он впервые поставил вопрос о трансформации казахского общества, вызванной колониальной политикой правительства.

Казахи - скотоводы начинают обзаводиться постоянными хозяйственными постройками. А.И. Левшин пишет, «… такая зимовка могла спасать от всяких непогод» [63, с. 195]. По-видимому, нарастание и распространение земледелия среди казахов было вызвано стихийными бедствиями, джутом и спросом на зерновые со стороны царской администрации. Стоит также отметить, что этому способствовало общение с оседлым населением и хлебный товарообмен, данный вид также давал дополнительный источник прибыли и благосостояния в определенной мере, так как оно все же носило локальный характер.

А.Л. Трегубов, член Государственной Думы, опубликовал небольшую брошюру о летней поездке 1909 года в Семипалатинскую и Семиреченскую

области Казахстана, где автор изложил свои заметки и впечатления. Поездка носила стратегический характер, и основная ее цель заключалась в колонизации региона и переселении русских крестьян и казачества, выявлении «излишков» земель для Переселенческого фонда. Автор проявил интерес к наблюдению за климатическими условиями качеством почвы, необходимых для дальнейшего развития земледелия [309].

А.Л. Трегубов четко апеллирует цифрами земель, занимаемых кочевым населением и переселенцами по каждому уезду описываемых областей. Отмечает удобство земель предгорной части земель и равнинных земель для развития сельского хозяйства, сравнивает здешний климат с климатом европейской части России.

В Семипалатинской области, по свидетельству А.Л. Трегубова: «Самые лучшие казачьи земли отведены под офицерские участки. Правительство, отдавая землю офицерам, полагаю, желало создать в западной Сибири местный интеллигентный класс и ту экономическую и культурную силу, без которой невозможно развитие края» [309, с. 11]. Как пишет автор, «Благие и мудрые начинания Правительства не оправдались. Все офицерские участки или распроданы или распродаются теперь» [309, с. 11].

Исследователь описывал земли Семипалатинской области как урожайные и зерно получают высокого качества так в 1908 году «… на десятину уродилось 120-150 пудов пшеницы» [309, с.14].

А.Л. Трегубов от населения, что чиновники переселенческого управления отбирают все лучшие земли казахов, оставляя негодные участки, что абсолютно не укладывается в голове у исследователя. Так автором было отмечено наличие плодородных земель у казахов, а также наличие водных хранилищ (озер) [309, с. 14].

Все записи А.Л. Трегубова похожи на лабораторные наблюдения, где автор делал свои умозаключения по «улучшению» земледелия, и они были описаны так: «Агрономическая помощь в Семипалатинской области почти отсутствует. Опытные посевы только начаты в текущем году; результаты неизвестны. По моему мнению, необходимо обратить особенное внимание на развитие среди крестьян травосеяния. … Посевы произведены крестьянами скверно, и результаты получились неважные, в чем я лично убедился…» [309, с. 16].

Земледелие в Семиреченской области по описанию А.Л. Трегубова, были богарными (не поливными), земледелие носило примитивный характер [309, с. 19-21].

Целью поездки А.Л. Трегубова в Казахстан было изучение территории для возможности изъятия пастбищных земель в пользу переселенцев. Автор, делая заключение по Семиреченской области, приходит к выводу «…с колонизационной точки зрения, … земельный фонд ее огромный» [309, с. 42], по его подсчетам «…при самом скромном расчете, возможно, располагать, теперь же, для немедленного изъятия - 5.700.000 десятинами» [309, с. 42] и дает прогноз на будущие изъятия [309, с. 43]. По свидетельству автора «одно только

Семиречье может принять в себя до 1 ½ миллионов русских людей…» [309, с. 43].

А.Л. Трегубов отмечал борьбу между кочевым скотоводческим хозяйством и земледельческим населением, и делает следующий вывод «…Почти все население занимается в большей или меньшей степени хлебопашеством, но есть и богатые скотоводы, которых, впрочем, очень немного … имеющие иногда большое влияние на народ» [309, с. 62]. А.Л. Трегубов считал стратегически важным заселить Семиреченский регион особенно на границе с Китаем для обеспечения безопасности и противодействия заселению пустующих земель китайцами [309, с.77-78].

В работе прослеживаются личные наблюдения А.Л. Трегубова о развитии оседлой земледельческой культуры в областях. Очень подробно описана Семиреченская область, населенные пункты, уезды. Чиновник не дает ссылок, где берет точные данные о свободных землях, соотношении оседлого и кочевого населения. В работе прослеживается шовинистский подход в описании и характеристике коренного кочевого населения «… устраиваются они (переселенцы – А.И.) с тем, чтобы нести знание в страну дикую и помочь киргизам (казахам – А.И.) – скотоводам перейти к более высокой культуре земледельческой» [309, с. 13].

В дореволюционных трудах были заложены теоретико-концептуальные основы для дальнейших развития проблем, трансформационных процессов в кочевом хозяйстве. Среди исследователей были как сторонники седентаризации (поссибилисты, приверженцы цивилизации), так и противники (геодетерминисты и эволюционисты), считавшие, что наиболее продуктивным хозяйством является скотоводство в Казахстане.

Таким образом, традиционная структура казахов постепенно претерпевает изменения, сложенные веками методы ведения кочевого скотоводства, приспособленные к природно-климатическим условиям Казахстана, трансформируются, это мы отчетливо видим по анализу дореволюционных исследований. Царское правительство, проводя в казахской степи реформы, приводит к тому, что коренное население начинает приспосабливаться к новой системе управления, которое отразилось на социальной структуре казахского общества. Отчуждение казахов от своих земель в пользу государства, строительство военных линий, дефицит зимних пастбищ, зачатки развития рыночных отношений в степи постепенно рушат устоявшиеся традиционные устои казахов.

Иными словами, установление окончательной верховной власти царизма в Казахстане, изъятие земель, лучших пастбищных угодий, летовок и зимовок усугубляло положение полноценного кочевого хозяйства, нанося не только серьезный ущерб скотоводству края, но и всей традиционной системе жизнеобеспечения казахов, ставя его в узкие рамки нормального существования.

Вопросы оседания кочевого общества, рассмотренные учеными в конце XIX – начале XX вв. среди исследователей все больше стали преобладать

поссибилистские взгляды. По утверждению большинства ученых, седентаризация один из важных этапов для модернизации кочевых народов империи. Опираясь на негативное воздействие кочевого образа жизни на экосистему степей, то есть опустынивание территорий разрабатывались крайне поссибилистские взгляды среди ученых. Однако, несмотря на это, среди ученых оставались сторонники геодетерминизма.

3.2 Трансформация традиционного хозяйства казахов в советской историографии

В 20 - начале 30-х гг. XX века господствующей тенденцией в советской историографии стало негативное освещение последствий присоединения Казахстана к России. Поэтому Октябрьский переворот в стране освещался с точки зрения «освобождения» народа от эксплуататоров и поработителей. Царская власть оценивалась как наибольшее зло для граждан империи. Подчеркивалось, что Советы дали «власть» пролетариату (народу), для того, чтобы народ воспринимал советскую власть как своих спасителей.

Работы Г. Тогжанова, П.Г. Галузо, А.Ф. Рязанова, Е.К. Фёдорова пронизаны «колониальным завоеванием» Казахской степи Российской империей, центр и окраины не имели равных условий [93-94; 339-340; 341; 342].

В 20-х годах XX века в советской историографии исследователи поднимали также вопрос о рациональности седентаризации кочевых народов СССР, являвшейся одной из важных задач теории номадизма. Взгляды ученых на оседание кочевников опирались на взаимосвязь номадизма с природно-климатическими условиями обитания. Сторонниками сохранения традиционного хозяйства казахов, среди которых были С.П. Швецов 1926 [130], Н. Ярошевич [343], Б.А. Куфтин [344], А.А. Ермеков [345], М.Г. Сириус [132,], А.Н. Челинцев [133], Н.Н. Мацкевич [131] и другие. В своих работах они писали о пагубности трансформационных процессов для традиционного скотоводческого хозяйства.

Исследователи придерживались мнения, что наиболее выгодной и рациональной формой хозяйствования было кочевое хозяйство. Н.Н. Мацкевич относительно кочевого скотоводческого хозяйства писал, что оно формировалось под воздействием «естественно-исторической обстановки» в результате которого человек приспособил хозяйство к природно-климатическим условиям [131, с.1]. Сторонники сохранения кочевого скотоводческого хозяйства опасались за кочевые народы и их жизнедеятельность.

Экономист С.П. Швецов был сторонником сохранения скотоводческой направленности в регионе, отражая в работе свое видение и перспективу в развитии скотоводства в Казахстане. Переход к оседлости казахов по утверждению автора не является рациональным решением, так как скотоводство «наиболее полно приспособленное к окружающей природе», и

«наиболее продуктивное» хозяйство [130, с.104-105]. Он видел перспективу животноводческой направленности и дальнейшей консервации скотоводческого хозяйства Казахстана [130, с. 102]. С.П. Швецов восторгался тем, что казахи смогли выжить в таких природно-климатических условиях и приспособить кочевой образ жизни на пустынных и безводных степях, в этом и заключалась консервация кочевого животноводства в Казахстане на протяжении столь долгого времени. С.П. Швецов не был сторонником седентаризации, он понимал, что скотоводство в Казахстане может и дальше развиваться без каких-либо изменений, а наоборот страна больше обогатится, оставив традиционное хозяйство казахов.

Приверженцы оседания кочевников как условие улучшения видели в модернизации кочевого общества, которое было построено на «отсталости» хозяйства и общества в целом (низшей ступени развития номадов - А.И.). С.П. Швецов же не был согласен с такой точкой зрения, и заключал «Кочевое хозяйство и кочевой быт не является чем-то застывшим … напротив оно подвержено незаметным, но постоянным видоизменениям под влиянием возрастания плотности населения, становясь более устойчивым и интенсивным» [130, с. 93].

В.В. Бартольд в 1927 году опубликовал монографию: «История культурной жизни Туркестана», он отразил в ней влияние царских властей по отношению к традиционным порядкам кочевого быта Туркестана. Показав в работе, роль власти в ослаблении родовых отношений, для достижения результата они разработали не одно положение (первое (временное) положение Туркестанской области в 1867 г положение от 12 июня 1886 г.). Чиновники понимали, что, ослабив родовые связи, будет легче управлять в регионе, забрать земли и изменить систему хозяйственных отношений коренных жителей. Чтобы установить царскую власть, нужно уничтожить старую [346, с. 120]. Как отмечает, В.В. Бартольд «… без разложения родового строя был бы невозможен переход киргизов (казахов - А.И.) к хлебопашеству и оседлости. Связь между кочевой жизнью и родовым строем, действительно, не подлежит сомнению» [346, с. 120]. Исследователь акцентировал внимание на разделении мнений среди чиновников о сохранении кочевого скотоводства или переход к оседлости [346, с. 121]. Здесь можно отметить, двоякость в подходе к оседлости казахов-кочевников среди чиновников царской администрации.

Последствия присоединения к России и его влияние на традиционное кочевое хозяйство В.В. Бартольд определял в работе так: «С переходом к оседлости и развитием земледельческой культуры постепенно утрачиваются родовые деления, забываются также прежние, связанные с воинственным бытом кочевника сказания и песни. … О разложении кочевого быта при русских не имеется точных статистических данных; тем не менее, существование этого процесса не подлежит сомнению. В 1867 г. кочевое население Туркестана определялось в 84% общего числа; к 1875 г. этот процент понизился до 57, в 1877 г., после присоединения Ферганы, до 47; 30% сельского населения Туркестана» [346, с. 121].

В.В. Бартольд считал, что переход к земледелию среди местного населения приведет к негативным последствиям в скотоводстве, как: «сокращение стад кочевников, вздорожание мяса, ухудшение местных конских пород» и другие проблемы [346, с. 121-122] Исследователь понимал, какие последствия, будут после перехода к оседлости и вмешательства во внутреннее устройство. Он писал не только о трансформационных процессах в хозяйстве, но и последствиях, связанных с изменением национальной идентичности казахов-кочевников Туркестанской области: «Сверх того, переход к оседлости и связанная с ним утрата кочевником своего национального облика способствовали слиянию киргиз (казахов – А.И.) и туркмен не с русскими, но с родственными им по крови и по религии сартами и татарами, способствовали вытеснению более чистых турецких наречий и своеобразного уклада национальной жизни искусственным литературным языком, с множеством арабских и персидских слов, и обще-мусульманскою схоластическою образованностью, только затруднявшею насаждение русской и европейской культуры» - заключал автор [346, с. 122].

В.В. Бартольд, раскрывая проблему переселенческой политики, в регионе, раскрывал ее влияние на сокращение земель, нарушения «земельных прав киргиз (казахов - А.И.)», и порчей «по неопытности ирригационные сооружения» русскими [346, с.145]. Относительно переселенческой политики и проведенных мероприятий властей (переселение дунган и таранчей из Кашгарии и Кульджинского края) В.В. Бартольд видел их воздействие на трансформацию хозяйства и проникновение земледельческих культур (овес, картофель и др.), а также использование орудий труда для обработки земли [346, с. 158-160].

В заключение автор приходит к выводу, что «последствием русского завоевания» было «развитие земледелия в ущерб скотоводству…» [346, с. 161]. Ученый как специалист в области этнографии и истории понимал, какие необратимые последствия принесут реформы и политика со стороны Российских властей для кочевников Средней Азии и Казахстана.

Геодетерминистские взгляды среди ученых начинают все больше исходить на нет, связано это было, прежде всего, с классовым подходом в идеологии страны и сменяются единомышленниками за оседание кочевников (поссибилистов – А.И.), считая это разложением и кризисом феодального хозяйства прошлого.

Поссибилистская концепция основана на прогрессивности оседлых форм ведения хозяйства среди кочевого населения СССР, которая стала теоретической базой социальных и экономических преобразований в Среднеазиатском регионе, Казахстане и других неоседлых регионах страны. Как мы знаем, из истории 20-30-х годов XX века производилась политика насильственной седентаризации и коллективизации кочевых народов с уничтожением общинно-родовых институтов для строительства «светлого будущего» СССР. Советские историки широко освещали в своих трудах позитивность перехода к оседлости и строительстве социалистического

государства (т.к. это была теоретическо-идеологическая установка Коммунистической партии - А.И.) как В. Батраков, П. Есаулов, И. Косоков, П.В. Погорельский и другие [347; 348; 349; 350-354].

П.В. Погорельский предлагал использовать Среднеазиатский и др. кочевые степные регионы для развития животноводства [354; 75]. Он считал, что развитие отгонно-пастбищного животноводства как главной отрасли хозяйства страны и насильственные принудительные меры оседания не приведут к положительной динамике строительства социализма. По его мнению, седентаризация и модернизация скотоводческого хозяйства в сторону земледелия не указывает на то, что нужно отказаться от скотоводства вообще [350; 98, с. 221-223; 354].

П.В. Погорельский заключал, что при проведении коллективизации в кочевых районах СССР первым шагом нужно было создать коллективные скотоводческие хозяйства, в составе скотоводов бедняков и середняков на основе этой прослойки происходил бы постепенный переход к оседлости, а также использование земледелия как второстепенное хозяйство. По мнению автора, эти шаги постепенно приведут к тому, что кочевники полностью перейдут к оседлости. Взаимосвязь между земледельческими и скотоводческими хозяйствами СССР, ускорит процесс седентаризации кочевников [98, с. 223-224; 354, с. 39]. Тем самым подчеркивая плавность перехода к полуоседлости, а затем и оседлости кочевников-скотоводов, сделал вывод проанализировав материалы в ходе экспедиционного исследования.

С.Д. Асфендияров в своей работе подробно раскрывает стратегическую цель России по отношению к Казахстану и характеризует ее как завоевательную политику.

Относительно последствий для коренного населения он писал о внешних факторах, повлиявших на традиционную систему жизнедеятельности - земельной политике царизма. С.Д. Асфендияров считал, что основной и главной проблемой для России была земельная теснота, ее решали путем переселения крестьян в Казахстан и выдачей земельного надела каждому за счет пастбищных угодий коренного населения. Исследователь назвал эту политику земельной переселенческой и делит ее «на три периода: военной колонизации, период крестьянской колонизации, и период после 1905 года» [97, с.186].

Последствием такой политики России, привело к нарушению естественного цикла кочевок из-за изъятий пастбищных угодий. Общеизвестно, что испокон веков казахи кочевали по одним и тем же маршрутам в течение многих сотен лет и тысячелетий, захват земель вынуждал кочевников искать земли для выживания. С.Д. Асфендияров писал о трансформационных последствиях традиционного хозяйства в результате колонизации и переселенческой политики с негативной точки и вынужденной седентаризации казахов-кочевников [97, с. 196].

Аналогичных с С.Д. Асфендияровым взглядов был и М. Тынышпаев на основе анализа законодательных актов и документов, относящихся к

управлению земельным фондом Казахстана, отрицательно характеризовал их последствия для традиционной кочевой жизнедеятельности, «Большое зло терпят они в области экономической жизни» [355, с.24].

В советской историографии возник дискуссионный спор о перспективах скотоводческого хозяйства казахов и дальнейшем развитии оседлости (земледелия) в Казахстане. Для этого к проблеме подойти нужно было комплексно, а также разработать методы как провести коллективизацию и седентаризацию номадов в регионе. Одни исследователи считали, что оседание должно проходить на основе осмысленных предпосылок и соответствующих мер, для обеспечения безболезненного перехода к оседлым формам ведения хозяйства кочевых народов СССР. Другие считали, что земледельческое хозяйство в Казахстане выведет казахов из культурной и экономической отсталости (поссибилисты). Кочевое скотоводство оценивалось как примитивная форма хозяйствования. Данная точка зрения в советской исторической науке закрепилась на длительный период. В результате советские кочевниковеды обходились рассмотрением видового состава скота, содержания животных, принципами ведения маршрутов кочевания казахов и места традиционного хозяйства в экономике в Казахстане.

В 1931 году была опубликована справочная книга «Весь Казахстан» автором, которой являлся Е. Федоров. В ней затрагивалась проблема присоединения региона и последствия, отразившиеся на кочевом хозяйстве. Вопрос седентаризации казахов, по утверждению Е. Федорова внесла в степь отрицательные последствия. В справочнике Е. Федоров показывает основную причину изменений в традиционной хозяйственной деятельности казахов, связывая ее с военной экспансией царизма переселением крестьян тем самым, «… оттесняет казахов с лучших пастбищ» [87, с.17].

Административно - территориальное дробление, проведенное властями в 1868 году, исследователь характеризует как «искусственное деление на аулы и волости, которые предвзято были построены так, чтобы они не совпадали с родовым делением казахов» [87, с. 18].

Е. Федоров, характеризуя реформы и положения царской власти, писал об изъятии пастбищ и вытеснении «…обрекала хозяйство казахов на вымирание» [87, с.29]. Все предпринятые действия властей так и не смогли решить земельный вопрос России. Итоги колониальных реформ в Казахстане описывалось, ученым как: «разложение казахской родовой земельной общины. Упадок скотоводства, …переход к земледелию и оседлому земледельческому и скотоводческому хозяйству» [87, с.30].

А. Бернштам считал, что переход кочевников к земледелию, привел к разорению отдельных семей рода, потому что первое оседание шло за счет бедняков, не имеющих достаточного количества стад для кочевки [95, с.100]. Шел процесс постепенного оседания части казахского населения, появляются различные виды земледелия, и в некоторых районах происходит переход к стойловому содержанию скота. Однако в работе А. Бернштам не дал

развернутого ответа о последствиях и причинах перехода от кочевого хозяйства к оседлости.

С 1930 – х гг. в советской историографии наметилась тенденция реабилитации имперской политики к «инородческим окраинам» [347-354; 356-358]. Оправдание царской политики связано с тем, что изменилась позиция советской администрации относительно скотоводческой отрасли хозяйства в регионах. Связано это было, в первую очередь, с продовольственным кризисом в стране, с индустриализацией и коллективизацией.

В советской историографии под влиянием идеологических принципов в своих трудах исследователи характеризовали модернизацию в кочевом скотоводческом хозяйстве с положительной стороны. Теперь период господства Российской империей преподносилось как избавление казахов от порабощения Среднеазиатскими государствами [274; 272].

В историографии по колониальному периоду существует две точки зрения, от положительных сторон присоединения, проявлявшихся в распространении оседлости, перехода к земледелию и цивилизаторской сущности политики, до отрицательных факторов вхождения Казахстана в состав России. Однозначно преобладающей стороной в освещении присоединения Казахстана к России была мысль о прогрессивности присоединения.

Т. Тогжанов отмечал, что до присоединения Казахстана к России казахский аул был в своей основе кочевым. Как и большинство исследователей считал, что под влиянием российской экспансии в конце XIX века происходит значительная трансформация традиционного хозяйства, изменения он связывает с сокращением территорий пастбищных угодий за счет агрессивных захватов земель, проникновения капитализма (торгово-экономических отношений), «происходит товаризация казахского животноводства, значительная часть казахов переходит к земледелию, сенокошению, идет процесс оседания кочевников» [94, с.30].

Трансформация скотоводческого хозяйства, прежде всего отразилась на видовом составе стада. Крупный рогатый скот в основном преобладал у бедняков и середняков по причине того, что более продуктивным животным на тот момент была корова [94, с. 154]. Т. Тогжанов ярко иллюстрирует классовый подход в своей работе, характерный для всех советских ученых, утверждая, что зажиточные скотоводы северных регионов содержали крупно - рогатый скот «как товарный» [94, с.154].

Начало массового перехода к земледелию, по наблюдениям Т. Тогжанова, происходит в конце XIX века [94, с.154]. Он считал переход к земледелию одним из ярких примеров трансформации традиционного хозяйства казахов [94, с.159]. Автор в работе преувеличил массовость перехода к оседлости, если ориентироваться на перепись 1887 года, то можно увидеть разницу, причем ощутимую в процентном соотношении земледельцев и кочевников.

В северных районах Казахстана богатые скотовладельцы вели смешанный тип хозяйства одновременно занимались скотоводством и

земледелием, однако в южных регионах была другая ситуация: в байских хозяйствах юга редко занимались земледелием, - заключает ученый [94, с.159-160].

Власти не учитывали интересов неоседлых народов СССР и специфического ведения хозяйства номадов с природно-климатическими условиями региона.

В начале 40-х годов XX века кочевое население СССР осело, ученые уже не так активно проявляли интерес к проблеме седентаризации кочевников. В 1949 году В.П. Погорельский в своей работе «Оседание кочевников и развитие животноводства», обобщил специфику кочевого скотоводства и проблемы его оседания на основе социалистической модернизации сельского хозяйства страны [351].

В 1940 – 1950 – е гг. появляются специальные исследования, посвящённые детальному изучению земельных отношений в Казахстане. Наиболее значительными исследованиями, опубликованными в указанный период, следует считать труды О.А. Ваганова и А.Б. Турсунбаева, в них был проведен анализ мероприятий царской администрации связанный с переселением крестьян в Степной край, и их последствий для земельного фонда кочевников-казахов [359; 134].

М.П. Вяткин отразил свое видение об изменениях в хозяйстве казахов [360], считая, попытки, предпринятые для заготовки сена на зиму в XVIII в., не дали ощутимых результатов для казахов-кочевников, но в более поздний период «…в XIX в., привели к кризису скотоводческие хозяйства казахов» [360, с. 157]. Причину кризиса исследователь связывает с теснотой кочевий [360, с.157].

По утверждению М.П. Вяткина, с XVIII в. и практически до 20-х гг. XIX века «не наблюдалось сколько-нибудь заметного перехода к земледелию» в кочевом хозяйстве казахов все оставалось в неизменном состоянии, видимые изменения в хозяйстве происходят примерно со второй половины XIX века [360, с.157]. Администрация Российской империи практически век не подвергала значительным изменениям ни хозяйство, ни внутреннее устройство казахов.

Казахстан по взглядам М.П. Вяткина стали использовать как сырьевую базу российской промышленности, а в 30 – х гг. XIX в. «…стало открыто принятой программой экономической политики царского правительства», что и стало одним «из последствий принятия российского подданства в народнохозяйственной жизни казахов» [360, с.158-159].

В историографии тематика присоединения Казахстана к России определена хронологическими рамками с 30-х годов XVIII до 60-х годов XIX вв., «захватом Семиречья завершилась военная колонизация Казахстана», - пишется в работе [271, с. 426]. Царскую колонизацию в научной литературе называют «казачьей колонизацией», которая началась с середины XVIII века и продолжалась «до последней четверти XIX века, постепенно отняла у казахов более 10 миллионов десятин самых лучших земель» [271, с. 426]. За военно-

казачьей колонизацией началась переселенческая политика, проходившая в несколько этапов, за счет переселения были отобраны жизненно необходимые пастбищные угодья кочевников. Российская администрация, главным образом была заинтересована в разрешении аграрного кризиса в России, который встал особенно остро. В конце 80-х годов XIX века возобновился массовый захват и переселение русских крестьян. В 1889 году правительством был издан закон о порядке и условиях переселения крестьян из России в Казахстан [271, с.431].

В результате всех мероприятий, проведенных в Казахстане, происходят значительные изменения, часть населения вынуждена переходить к оседлому образу жизни. Для основной массы населения из-за недостатка пастбищных территорий и скота был единственный выход «…постепенный переход к оседлому земледельческому хозяйству» [271, с. 450-451]. Кризис кочевой системы особенно сильно отражался на малочисленных родах.

Изменение в традиционном кочевом обществе привели к тому, что казахи, переходившие к оседлости, совмещали скотоводство с земледелием. Оседлыми в основе своей являлись бедняки-казахи [271, с. 452]. Несмотря на то, что обедневшая часть кочевников перешли к земледелию, условия их жизни не улучшались «большинство из них едва сводило концы с концами» в результате они «вынуждены были арендовать землю у богатых … за отработки», в итоге они превращались в полузависимых [271, с.452].

По мнению Е. Бекмаханова, захваты земельных пастбищ богатыми скотовладельцами и царских властей «внесли некоторые изменения в характер скотоводческого хозяйства казахов» [272, с. 54]. Прежде всего, колонизация земель отразилась на маршрутах важных кочевий (летовок и зимовок) крупных казахских родов. Последствиями для кочевых аулов было то, что казахские рода «смешивались между собою и кочевали сообща», - пишет автор [272, с.54]. По мнению Е. Бекмаханова, земельная теснота - основная причина трансформации скотоводства, а вынужденный переход к полуоседлому образу жизни произошел из-за захвата лучших «лучших пастбищ властями и феодальной знатью» [272, с.54].

Е. Бекмаханов считал, что сенокошение у казахов было заимствовано у русских переселенцев, оно давало «определенную устойчивость скотоводческому хозяйству, усилив его сопротивляемость неблагоприятным природным условиям» [272, с.55].

Под влиянием рынка происходит приспособление традиционного скотоводства, к потребностям, отразившееся на видовом составе скота, например, на рынке КРС был востребован, и казахи-скотоводы начинают разводить коров [272, с. 55-56]. Рост среднеазиатской караванной торговли привел к увеличению спроса на верблюда, как основного транспортного средства [272, с.56].

Земледелие постепенно начинает заметно развиваться в XIX веке, основной социальный слой, занимающийся земледелием была беднота (жатаки, егинши). Как отмечает Е. Бекмаханов переход кочевника к земледелию

(хлебопашеству и др.) было вынужденным поступком, для того чтобы хоть как-то прокормить себя и свою семью [272, с.56].

Но несмотря на это у казахов всегда первым и основным видом хозяйства было скотоводство, земледелием им приходилось заниматься по причине джута, упадка скота, чтобы выжить за счет обработки земли. В кочевом обществе к земледелию относились с пренебрежением, так как земледелием в большинстве случаев занималась беднота.

Начиная с первой половины XIX века, под натиском политики Российской империи земледелие все больше начинает проникать на территорию Казахстана и «к 30-м годам XIX в. земледелием» начинает заниматься «более имущая часть казахов», - отмечает, Е. Бекмаханов [272, с.59].

Земледелие в Казахстане было возможно, но только с искусственным орошением или же возле рек. Климат в регионе не способствовал развитию земледелия из-за малого количества осадков. Обработка земли у казахов с его особенностью искусственного орошения достигло некоторого совершенства, но «в целом земледелие носило примитивный характер» [249, с.61].

В Казахстане с середины XIX века земледелие «… стало вторым после скотоводства видом занятия» [272, с. 62]. В Младшем и Среднем жузе, по мнению Е. Бекмаханова, земледелие выделилось в особую отрасль хозяйства, хотя количество занимающихся хлебопашеством по сравнению с числом населения этих жузов, было невелико, но, несмотря на это, хлебопашество твердо вошло в казахский быт [272, с.62].

Последствия реформ 20-30-х годов в Младшем и Среднем жузах были одинаковыми. Деление на административные территории проводились «без учета родовых кочевий, что приводило к большим осложнениям» [272, с. 126]. Властями было решено «отказаться от деления по территориальному признаку» и прикреплять роды к административным округам, что лишало «казахов политической независимости», а также был установлен «постоянный политический контроль» [272, с. 126].

По свидетельству Е. Бекмаханова, «переход многочисленных летних кочевий и зимних стойбищ казахов в ведение царских властей нарушил веками сложившуюся форму кочевок» [272, с. 131].

В результате такой агрессивной политики по отношению к коренному населению шел процесс отстаивания интересов народа в результате борьбы за землю, которая позже привела к народной борьбе [272, с.131].

Е. Бекмаханов, как и В.В. Бартольд отмечает то, что власти всячески препятствовали процессу перехода казахов к земледелию, но несмотря на это шел рост перехода к нему [272, с. 349]. Несмотря на влияние политики царизма, «земледелие становится вторым после животноводства, занятием казахов, внося новые черты в их хозяйственную жизнь» [272, с. 350].

Развитие торгово-экономических отношений в Казахстане, по свидетельству Е. Бекмаханова, «…не разрушило основы старого способа производства …а только приспособила его к своим нуждам» [272, с. 354].

Н.Г. Аполлова в своей монографии «Присоединение Казахстана к России» раскрывает особенности хозяйства казахов и социально-экономические изменения в связи с переходом казахов в подданство России. Хронологические рамки исследования - начало XVIII века. В работе рассмотрен период начала вхождения Казахстана в состав Российской империи. Что касается информации о трансформации хозяйства, исследователь особо не акцентирует на этом внимание. По нашему мнению, это было связано с тем, что в начале XVIII века российские власти не проводили каких-либо решительных мер или реформ и преобразований, касающихся кочевого общества казахов и хозяйства, а только исследовали регион [274].

Хотя в четвертой главе Н.Г. Аполлова затронула проблемы трансформации традиционного хозяйства в период присоединения и характеризует политику как «крупную агрессию царизма, направленную к осуществлению, так называемого, «мирного завоевания» степи и «вечного подданства» казахского народа» [274, с. 252]. По мнению автора, политика России была направлена на колонизацию Казахстана, «чтобы получить сырьевую базу для русской промышленности и связать транзитными путями русские рынки с восточными» [274, с.245].

Влияние России на традиционный уклад, по мнению Н.Г. Аполловой произошел вследствие перехода «части казахов к земледелию и оседлости», в результате «повысился удельный вес земледелия в хозяйстве казахов северо-западных районов, примыкающих к русским границам. Внедрялось пашенное земледелие. Прививались новые, незнакомые ранее казахам, навыки в сельском хозяйстве» [274, с.246].

Применение животных у казахов с темпами трансформации хозяйства в сторону земледелия Н.Г. Аполлова и товарности скота [274, с. 247].

В приграничных с Россией западных районах в 30-х годах XVIII века заготовка сена на зиму, по свидетельству Н.Г. Аполловой, «предотвратить большую убыль скота от бескормицы и гололедицы» [274, с. 247]. Заготовка корма если и применялась, то очень редко, «и не могло вытеснить привычного в условиях кочевого быта содержания скота круглый год на подножном корму» [274, с.247].

Н.Г. Аполлова, как и М.П. Вяткин считает, что Россия использовала Казахстан как сырьевую базу для русской промышленности. С проникновением торговых отношений «…не изменилась производственная основа хозяйства казахов, которое оставалось натуральным», - заключает автор не улучшало [274, с.251].

Некоторые исследователи советского времени считали, что политика, проводимая царской Россией, влияла на Казахстан положительно и привнесла оседлость и цивилизацию. Не исключением была работа А.Б. Турсунбаева, который писал: «Колонизация казахской степи, вопреки субъективным целям царского правительства, способствовала развитию прогрессивных начал в экономической и культурной жизни» [136, с.18].

А.Б. Турсунбаев видит причину оседания в экономическом уровне хозяйств, переходили к оседлости в регионе в массе своей бедные, зажиточные же занимались скотоводством [136, с.20]. Переход к оседлому хозяйству было вынужденной мерой для кочевников-казахов и являлся признаком «обеднения» [136, с.21].

А.Б. Турсунбаев подчеркивает, что «несмотря на усиление процесса оседания казахского населения в связи с массовым изъятием в переселенческий фонд и обеднением, до Октябрьской революции основная масса казахов вела кочевой образ жизни» [136, с.21]. Опираясь на статистические данные, ученый показывает, что в процентном отношении, сколько процентов «исключительно скотоводством занимались 30,79 %, менее 1/3 хозяйств, 68,55%, т.е. более 2/3 хозяйств, занимались и скотоводством, и земледелием» [136, с.21]. Здесь проиллюстрирован процесс модернизации хозяйства Казахстана, что приводит к мысли, что в основной массе население занималось скотоводством, так как оно было продуктивным, нежели земледелие.

А.Б. Турсунбаев, описывая причины изменения традиционного хозяйства кочевого общества, одним из основных считает массовое изъятие пастбищных земель Переселенческим управлением [136, с.22].

Особенностью труда А.Б. Турсунбаева было положительное освещение переселенческой политики царской России, что нас не удивляет, так как работа была опубликована в 50-е годы XX века при сталинском режиме [136, с. 25].

А со второй половины XX века, точнее с конца 50-х и начала 60-х гг. большой объем научно-исследовательской литературы по оседанию кочевников приобретает актуальность в СССР и за ее пределами. Были организованы международные конференции, форумы, семинары в содействии советских исследователей. Международные организации такие как ЮНЕСКО, ВОЗ, МОТ и мировое научное сообщество целью, которой была использовать опыт СССР в вопросах перехода кочевников к оседлости. Советские исследователи как Т.А. Жданко, Б.А. Федорович, В.В. Грайворонский публиковали имидживые труды, популяризируя успехи перехода советских кочевых народов к оседлости [361; 362; 363; 364, С.8-9].

Х.А. Аргынбаев в своем труде показал изменения в кочевом скотоводстве в царский период. Однако хотелось бы отметить, что автор вынужден был по идеологическими стандартами и «пролетарского» направления дружбы народов в СССР показать с позитивной стороны влияние русской культуры на изменения в традиционном хозяйстве казахов. По свидетельству исследователя, трансформации подверглась форма ведения скотоводства и развитие земледелия у казахов привело к земельной собственности [138, с. 54].

Скотоводческие хозяйства казахов на рубеже XIX- начала XX вв. Х.А. Аргынбаев делит на четыре типа, отличавшиеся между собой маршрутами кочевий, он, характеризует свою классификацию по дальности кочевки и ее трансформации [138, с.54]. Увеличение маршрутов перекочевки связаны не только с развитием земледелия в результате вхождения Казахстана в состав

России, а в большей степени с тем, что у казахов сокращались пастбища за счет переселенческой политики Царской России.

Сенокошение, по мнению Х.А. Аргынбаева, один из приспособляющих факторов кочевника для сохранения поголовья скота в результате бескормицы или нехватки пастбищ, как один из важных факторов в развитии животноводства [138, с. 58-60]. Но, как утверждает Х.А. Аргынбаев, «несмотря на развитие сенокошения, большая часть скота содержалась все еще на подножном корму и в тяжелую зиму, вовремя жута … падеж поголовья был по-прежнему велик» [138, с.62].

Казахи приспосабливались к новым условиям выживания, продиктованным, влиянием колониальных преобразований в степном крае, в результате начали строить животноводческие помещения, и происходила заготовка корма [138, с.62].

Кроме сенокошения и разведения коров, русские переселенцы оказывали влияние на хозяйство в небольшом развитии птицеводства. К началу XX века основная масса казахов разводили кур, уток, гусей [138, с.62-63].

Среди негативных трансформаций хозяйства, кроме сокращения пастбищ, были проблемы, связанные с ухудшением породности скота связанное с кочевым образом жизни связи с тем, что в видовой состав животных выбирали наиболее выносливых «низкорослых, но крепких» лошадей «грубошерстных курдючных овец… в силу приспособленности своих пород к суровым условиям круглогодичного содержания» [138, с.65-66].

Со стороны Переселенческого управления были предприняты меры по улучшения породности скота, но несмотря на все усилия чиновников они «не смогли оказать сколько-нибудь серьезное влияние на улучшение породы скота у казахов» [138, с.66].

По мнению Х. Аргынбаева, в традиционном хозяйстве произошли изменения, которые способствовали постепенному переходу от кочевого ведения скотоводства к «…более развитому, оседлому и полуоседлому, сочетающемуся с земледелием товарному скотоводству» [138, с. 66-67]. Практически до 1917 года большинство казахов занимались кочевым скотоводством, связано было с большей продуктивностью скотоводства в Казахстане и природно-климатическими условиями, способствовавшим развитию животноводства.

Трансформация в традиционном кочевом хозяйстве в сторону оседлого ведения хозяйства, по мнению Х. Аргынбаева, было связана «с разложением натурального хозяйства и ростом классовой дифференциации населения» [138, с.69].

И.Ф. Макаровым была опубликована статья в 1959 году «Казахское земледелие в конце XIX – начале XX века». Она написана на основе экспедиционных исследований 1896-1913 годов. Публикация довольно объемная - 54 страницы, сравнительный анализ проведен по всем областям Казахстана. Автор поделил свою объемную статью на 6 разделов и заключение. В работе мы не видели отражения изменений в традиционном хозяйстве

казахов под влиянием внешних или каких-либо внутренних факторов. Исследователь затронул переселенческий вопрос и его влияние на развитие земледелия в Казахстане [139, с. 434]. Большое внимание в статье уделено посевным площадям в разных областях Казахстана, отмечается также товарность развития земледелия. И.Ф. Макаров проследил рост продаваемых земледельческих культур, таких, как просо, пшеница, овес и т.п. Анализируется соотношение хозяйств, занятых чисто земледелием и хозяйств, содержащих скот от количества единиц животных в регионе [139].

И.Ф. Макаров, показывая влияние русского переселения на развитие земледелия в Казахстане, выделяет два периода: «первый, достолыпинский, когда переселенцы размещались на началах добровольного соглашения с коренным населением, и второй, столыпинский, с принудительным отобранием у казахов «излишних», пригодных для земледелия угодий» [139, с. 434-435]. Как отмечает автор, во втором периоде «принудительное вселение зачастую оттесняло «киргиз» (казахов – А.И.) с их лучших земель, что вело к сокращению и даже прекращению собственного земледелия у казахов и превращению многих из них в дешевых батраков богатых переселенцев» [139, с. 435]. По свидетельству И.Ф. Макарова, русское переселение отрицательно отразилось как на развитие земледелия, так и на производительные силы региона [139, с. 435].

И.Ф. Макаров делая вывод своей объемной работы, пишет, что земледелие «в сколько-нибудь значительных размерах начало развиваться со второй половины XIX в. и вплоть до первой мировой войны» являлось потребительским, подсобным хозяйством [139, с. 444]. Относительно кочевого скотоводства по мнению автора: «где успешно развивалось земледелие, начало постепенно отмирать, сохраняя свое господствующее положение лишь в непригодных и мало пригодных для земледелия местах» [139, с. 444-445].

Проанализировав материалы экспедиций конца XIX начала XX вв. И.Ф. Макаров заключает, что развитие земледелия содействовало оседлости [139, с. 445].

Исследователь показал роль русских переселенцев в трансформации хозяйства в сторону «положительного» развития [139, с. 445]. Но и не отрицает негативный фактор столыпинских форм переселения, нацеленных на захват «…лучших земель и превращение казахов в батраков для богатых переселенцев» [139, с. 445].

В научных изысканиях начиная со второй половины 60-х и в 70-е гг. Г.Ф. Дахшлейгер, Т.А. Жданко, С.М. Абрамзон, С.Е. Толыбеков, А.Б. Турсунбаев и другие рассматривали проблему оседания как факт строительства социализма и прогресс [9-10; 365, С. 143-145; 361, с. 3-24; 104, С. 235-248; 103, с. 317; 137, С. 223-234 и др.]. В более поздний период советские исследователи обдуманно оценивали воздействие на природно-климатические условия и географический фактор для номадизма и кочевников в целом, опирались на концепцию поссибилизма.

Одним из исследователей, освещавших «цивилизаторский» прогресс, был С.Е. Толыбеков считавший, что седентаризация в Казахстане началась с конца XVIII века, а в начале XX века охватило население полностью [103-104 и др.].

Работы ученых-кочевниковедов С.И. Вайнштейна, И.Д. Ковальченко, Е.С. Карнауховой раскрывают последствия кризиса скотоводческого хозяйства и изменения видового состава скота в XIX в. в результате воздействия внешних факторов [124; 366, С.175-190; 367].

В советской историографической науке 1950-1970-е гг. процесс эволюции традиционного скотоводческого хозяйства казахов освещались в трудах Е.Б. Бекмаханова [272; 368; 369], А.Б. Турсунбаева [134-137], Н.Г. Апполовой [288; 370], С.Е. Толыбекова [103-104], В.Ф. Шахматова [105], Б. Сулейменова [371], Е.Е. Тажибаева [141], П.П. Галузо [291] и др. Период со второй половины XIX до начала XX вв. в скотоводческом хозяйстве ученые отмечали влияние рыночных отношений и строительство Железной дороги в степи на товарность скотоводства и развития его в сторону изменения видового состава скота направлено на спрос рынка. Изменения были связаны в первую очередь с колониальной политикой Российской империи. Исследователи понимали роль скотоводческого хозяйства для коренного населения в связи с приспособленностью к природно-климатическим условиям Казахстана и специфичностью.

По мнению Г.Ф. Дахшлейгера и М.Х. Асылбекова, строительство железной дороги в Казахстане явилось основной причиной разрушения скотоводства и дальнейшего развития рыночных отношений в степи [372; 140, с.178-213].

Были исследователи, которые не разделяли мысль о прогрессивности влияния на кочевников русских переселенцев, одним из них был П.Г. Галузо. В своей статье «Земледелие казахского и киргизского крестьянства Семиречья во второй половине XIX века», П.Г. Галузо писал о том, что русские переселенцы «учились земледелию у казахов и киргизов, особенно освоению методов искусственного орошения» [340, с. 120]. Здесь мы видим взаимообусловленный фактор влияния, т.е. не только русские влияли на казахов, но и казахи трансформировали земледелие русских крестьян в обработке земли аридных зон, приспособив ее к природным условиям Казахстана.

С.З. Зиманов подробно рассматривая и анализируя специфические особенности кочевого хозяйства казахов и приходит к выводу, что трансформация и последующее разложение кочевого скотоводства и общины было в первой половине XIX века, захват земель со стороны царских властей вели к ограничению кочевых маршрутов и развитию традиционного хозяйства [106-107].

В работе Н.Г. Аполловой «Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII- начале XIX в.», изменениям в хозяйстве казахов отведена целая глава под названием «Изменения в хозяйстве казахов в XVIII – начале XIX в.» [288].

Сенокошение появилось в Казахстане по утверждению Н.Г. Аполловой в период второй половины XVIII - начале XIX в., оно не было связано с оседлостью, но постепенно сенокошение, начинает влиять на сокращение радиуса кочевания, которое было особенно заметно в первой четверти XIX века на территории Младшего жуза [288, с.157].

Как мы видим, заметные изменения в хозяйстве начинаются в XIX веке. По свидетельству Н.Г. Аполловой, росло производственное значение кыстау, строительство на зимовке хозяйственных построек давало возможность закрепить землю в собственность и «преимущество при земельных спорах» [288, с.157-158].

В период с XVIII – начала XIX в. в крупных хозяйствах земледелие совмещалось с кочевым скотоводством и не выделилось как самостоятельная отрасль хозяйства. Земледелие было подсобным занятием, ведущее место в хозяйстве «…по-прежнему занимало кочевое скотоводство» - отмечает Н.Г. Аполлова [288, с.182].

Земледелие развивалось больше «в северных и северо-восточных районах Казахстана, близких к русским поселениям», влиянием русских крестьянских хозяйств и мероприятий царского правительства [288, с.197]. Немаловажным фактором устойчивости земледелия были «благоприятные климатические и почвенные условия», - по свидетельству Н.Г. Аполловой [288, с.197].

Н.Г. Аполлова видит прогресс в трансформации хозяйства казахов, а русское правительство хозяйственное освоение Казахстана рассматривало как усиление «в нем политического влияния России» [288, с.212-213].

Во второй половине XVIII – начале XIX в. действия русских властей в Казахстане были направлены на развитие «сенокошения, земледелия и оседлого быта», для создания более устойчивой базы для многочисленного скота и создать его товарность приспособив к спросу рынка [288, с.426, 430, с.213].

Б.С. Сулейменов в работе «Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX – начала XX века (1867-1907)» затронул земельный вопрос в Казахстане. В монографии встречаются сведения об изменениях в хозяйстве, землеустройстве казахов под влиянием реформ конца XIX века. Несмотря на то, что работа была написана в советский период, исследователь четко показал колониальную политику царских властей по отношению к кочевому казахскому народу. Характеризуя реформы 1867-1868 гг. введенные царской администрацией исследователь пишет: «определила положение Казахстана как поставщика сырья для развивающейся капиталистической промышленности царской России… Реформа содержала тщательно продуманную программу укрепления органов колониальной власти» [371, с. 47].

Автор с учетом естественно-географических и почвенно-климатических условий Казахстана в конце XIX и начале XX вв. делил регион на два района: «первый – северные, северо-западные, юго-восточные, где население в основном занималось скотоводством и земледелием; второй – большая часть территории центральных, южных и юго-восточных районов, где население занималось скотоводством» [371, с. 48]. Изменения в традиционном кочевом

хозяйстве казахов, по мнению Б.С. Сулейменова заключалось в строительстве загонов, стационарных жилищ по типу русских, совместный выпас скота, «сенокос и пахотные земли были общими» [371, с. 53]. По утверждению исследователя, реформы 60-х годов XIX века пошатнули не только традиционное хозяйство, но и аграрный вопрос в степи [371, с. 53].

Строительство стационарных жилищ «и животноводческих помещений имело основное значение для перехода к оседлости» [371, с. 58]. В хозяйственной деятельности «наряду с земледелием, скотоводство оставалось основным средством существования местного населения Казахстана», - пишет автор [371, с. 58]. Последствием политики царских властей было сокращение маршрутов кочевания, поголовья скота в результате джутов, - отмечал автор [371, с.68]. Переселенческая политика России для скотоводства и коренных жителей «… была направлена на расхищение земель бедняцких и середняцких слоев населения» [371, с. 107].

Б.С. Сулейменов дал оценку политики царизма по оседанию казахов, по мнению исследователя, власть «отнюдь не способствовала, а по существу мешала оседанию казахского аула» [371, с. 144]. Правительство подходило к переходу казахов к оседлости с прагматической точки зрения все за и против с экономической и политической выгоды [371, с. 145]. Опираясь на указы и распоряжения, со второй половины XVIII века отмечал, что правительство царской России «…в течение своего почти полуторавекового господства в Казахстане даже не пыталось принимать кардинальные меры, направленные на массовый переход коренного населения к оседлости» [371, с. 145-146].

Только к концу XIX века «возник вопрос об оседании казахов», которое «принесет немалую пользу делу колонизации Степного края, освободив много земель для переселенцев» [371, с. 146]. В заключении автор дает обобщающий вывод, где утверждает, что «Реформа 1867-1868 гг. дала толчок территориально-хозяйственному переустройству аула, переходу казахов к оседлости, сокращению летних кочевок, развитию земледелия и заготовки кормов для скота» [371, с. 368]. Влияние экономики и переселенческой политики России воздействовала на оседлость казахов, сетует автор, как и другие исследователи. Оседание казахов, по мнению ученого, проходило очень медленно.

В.Ф. Шахматов в своей монографии «Пастбищно-кочевая община: вопросы образования, эволюции и разложения» рассматривает земельную общину у кочевников-казахов, отмечал роль переселенческой политики в изменении хозяйства казахов. На основе земельной общины исследователь показывает нам трансформацию землепользования в Казахстане, которое особенно активно происходило с начала XIX в. за счет изъятий [105, с. 38]. Захват земель, по мнению В.Ф. Шахматова «приводило к нарушению пастбищно-кочевой системы и меридиональности кочевания» [105, с. 40]. В результате нехватка пастбищ для выпаса скота привела к эрозии почв, и превратила былые прекрасные пастбища в песчаные степи.

В.Ф. Шахматов считал, что процесс трансформации скотоводства протекал под влиянием торгово-экономических тенденций взаимодействия и влияния Российской экономики. По мнению исследователя, существовал и внутренний фактор который влиял на кочевое хозяйство: крестьянская колонизация в конце XIX – начале XX вв. «привела к развитию земледелия» [105, с. 129] и «наступал кризис кочевого скотоводства» [105, с.133].

Под влиянием русской переселенческой политики «… во многих местах прекращалось передвижение стад по кочевым путям с севера на юг, т.е. нарушалось традиционное кочевание…» [105, с. 135]. Сокращение поголовья скота и увеличение численности населения за счет переселенцев, по мнению В.Ф. Шахматова, в начале XX века «происходил кризис кочевого экстенсивного скотоводства. Жизнь настойчиво выдвигала перед кочевниками вопрос о переходе к оседлому скотоводству и земледелию» [105, с. 141].

В работе автор выделяет еще одну причину кризиса кочевого скотоводства, лежала в основе возникновения «частного землепользования и частного владения пастбищами» [105, с. 142].

Опираясь на взгляды В.Ф. Шахматова, для выхода из появившегося положения кочевники должны были «принять новые формы – в одних районах яйлажного, в других – оседлого (стойлового), полуоседлого (кошарного) и т.д., соединенного с земледелием и сенокошением. Процесс трансформации в конце XIX – начале XX вв. охватывает весь Казахстан. Прежде всего, усиливается развитие земледелия, которое постепенно для многих хозяйств из подсобного превращается в основную отрасль» - пишет автор [105, с. 142-143].

Во второй половине XIX в. по утверждению В.Ф. Шахматова происходит «отделение земледелия от кочевого скотоводства», детерминирует переход к оседлости. Следовательно, земледелие из подсобного хозяйства переходит в самостоятельную отрасль производства [105, с. 149], но к сожалению процесс не успел завершиться [105, с. 153-154]. В.Ф. Шахматов считает, что переход к земледелию шел мирным путем и постепенно кочевое хозяйство «имело подсобное значение» [105, с. 158]. Автор преувеличил ведущее значение земледелия у казахов.

Сенокошение в Казахстане, по мнению В.Ф. Шахматова, начинает распространяться к концу XIX века, а «в начале XX века оно становится повсеместным явлением» [105, с. 161], однако сенокошение еще не признак развития земледелия в Казахстане.

В.Ф. Шахматов, характеризуя изменения в традиционном хозяйстве казахов, писал, что на рубеже XIX - XX вв. «…казахское кочевое хозяйство претерпело ряд серьезных изменений. Если раньше основной формой хозяйства было кочевое скотоводство, то теперь в дополнение к нему возникает хозяйство оседло-земледельческое. В процессе складывания его появляются самые разные переходные формы хозяйства, характер которых зависел от социальных и экономических факторов, от географических условий и т.д.» [105, с. 162].

Итогом трансформации хозяйства по свидетельству автора, стало появление пяти типов хозяйства, зародившихся в первой половине XIX в.:

чисто кочевое, кочевое с посевами и сенокошением, полуоседлое с сенокошением, оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство в равной степени занимаются и земледелием и содержат скот, оседло-земледельческое земледелие основной источник дохода [105, с. 163]. Таким образом, В.Ф. Шахматов создал свою классификацию типов скотоводческого хозяйства, не совершенную, но все же выделил типологию хозяйств.

С.А. Сундетов в работе «О генезисе капитализма в сельском хозяйстве Казахстана» в отразил влияние капитализма на кочевое общество северных районов. Под воздействием внешнего экономического фактора происходило разложение натурального хозяйства. Развитие земледелия и изменение видового состава животных происходило за счет сокращения пастбищ [142].

Трансформация кочевого хозяйства, по мнению С.А. Сундетова, проявилось в оседании кочевников. Седентаризация происходила, по определению ученого, по мере распространения капиталистических отношений в степи «…обуславливался, прежде всего, внутренними, экономическими причинами. Немалую роль сыграл и внешний фактор» [142, с. 18].

Были чиновники, которые преувеличивали массовость перехода к оседлости среди казахов-кочевников. Я считаю преувеличением мнения о массовости перехода казахов к оседлости среди чиновников и исследователей советского периода это факт. Однако хотелось бы высказать мысль, что советские ученые пытались тем самым меньше акцентировать внимание на насильственном оседании казахов в 30-е годы XX века. В том случае, если кочевники массово переходили к оседлости в конце XIX и начале XX вв. значит можно и не говорить о насильственной седентаризации кочевников в период коллективизации. Если проследить политику царской России и Советской власти можно заметить преемственность. В работах советских ученых виден классовый подход высказывания типа «Активное сопротивление феодально-байской знати и байства оседанию казахских шаруа зачастую было препятствием к переходу последних на оседлость» [142, с. 21].

С.А. Сундетов понимает, что царские власти, переселяя русских крестьян на территорию Казахстана, преследовали только одну цель-решить земельный кризис в самой России. Администрация и переселенцы использовали пастбищные угодья нецелесообразно, не учитывая природно-климатических условий [142, с. 25].

На рубеже XIX – начала XX вв. «товарно-капиталистические отношения в экономике Казахстана» приводят к росту производительности и развитию земледелия, скотоводства, но «все эти новые явления в хозяйственной жизни аула искажались колониальной политикой царизма. Прогресс был весьма относительным» - заключает С.А. Сундетов [142, с. 40]. С.А. Сундетов, исследуя изменения в хозяйстве, отмечает проникновение товарно-денежных и капиталистических отношений в степь, однако из-за патриархально-феодальных отношений в Казахстане не сформировались капиталистические.

С.Е. Толыбеков, раскрывая влияние государственной политики России на Казахстан и конкретно на изменение кочевого хозяйства казахов, дает

позитивную оценку перестройке и существенным преобразованиям архаичной системы круглогодичного кочевания. Оседлость, по его мнению, является оптимальным вариантом, пришедшим на смену кочевому скотоводству, следовательно, вытекающим материальным производством жизнеобеспечения. В связи с произошедшими изменениями все больше среди казахов распространяются черты полукочевого и оседлого скотоводческо-земледельческого хозяйства [104, с. 376].

С.Е. Толыбеков, характеризуя трансформацию и упадок скотоводства, писал: «…когда мы говорим об упадке и кризисе кочевого хозяйства казахов в XVIII веке, то не можем считать все это результатом нехватки пастбищ или какого-то мнимого выселения казахов в бесплодные пустыни, как это делают некоторые историки. … Объяснение надо искать в самой системе кочевого хозяйства» [104, с. 236].

Автор видит негативные последствия в кочевом хозяйстве и обнищание кочевников из-за внутренних противоречий, барымты, что «исключали рациональное использование пастбищ…», но никак не влиянием политики царской России [104, с. 237]. По свидетельству автора «в конце XVIII и начале XIX в. никакого сужения пастбищного пространства не происходило, а наоборот, оно расширялось за счет территории России», у нас возникает вопрос о какой территории России здесь идет речь?

С.Е. Толыбеков видел основной и важный процесс присоединения Казахстана к России – оседание, по свидетельству ученого «…явилось важным поворотным пунктом в развитии производительных сил казахского общества» [104, с. 238].

С.Е. Толыбеков являлся сторонником положительных факторов присоединения Казахстана к России и интерпретировал как «прогрессивное значение оседания казахов» [104, с. 239].

В 40-е гг. XVIII в., по свидетельству С.Е. Толыбекова, «…благодаря принятию российского подданства, казахи заняли такие места, где впоследствии можно было осесть, заняться сенокошением и земледелием» [104, с. 243]. Однако нет никаких подтверждений в монографии, как могла «расширяться» территория Казахстана.

Как отмечает С.Е. Толыбеков, до вхождения Казахстана к России кочевое скотоводство было отсталым и малопродуктивным [104, с. 243]. Поэтому С.Е. Толыбеков считает, что «в этот период были необходимы не столько земельные расширения, сколько условия для ограничения землепользования, возможного только при оседлой жизни». Он видел положительные стороны присоединения Казахстана к России в трансформации хозяйства [104, с. 244].

Делая заключение, С.Е. Толыбеков писал: «Экстенсивное пастбищное кочевое хозяйство казахов в XVIII и начале XIX в. переживало период упадка и разложения, исчерпав все возможности прогрессивного развития» [104, с. 294].

Г.Е. Марков в своей монографии «Кочевники Азии» писал о влиянии России на кочевое хозяйство, приведшее к разложению скотоводства, а также к проникновению земледелия и капитализма. По утверждению Г.Е. Маркова,

изменения в хозяйстве и в общественной организации происходили по мере проникновения влияния Российской колониальной политики в степь, особенно со второй половины XIX века все более заметнее были перемены «в структуре хозяйства и общественной организации казахов», влияние «стало особенно сильным после введения в 1868 году «Временного положения», что «означало распространение непосредственной власти русской администрации на степное население. Ту же цель преследовали и последующие законодательные акты…» [4, с. 156].

Г.Е. Марков, как и многие советские исследователи, видел причину трансформации хозяйства в переселенческой политике России, что привело «в конечном счете к разложению кочевого скотоводства» [4, с.156-157].

Главным занятием большей части казахов в первой половине XIX в. было кочевое и полукочевое скотоводство, а уменьшение поголовья скота в регионе было связано с торговлей скотом, барымтой и междоусобицами [4, с.157].

На рубеже XIX -начала XX вв. в присырдарьинском регионе большая часть населения занималась земледелием, а «скотоводство было лишь подсобной отраслью хозяйства», - пишет Г.Е. Марков [4, с. 159].

В конце XIX века изменения, происходившие в хозяйстве казахов начали все более ярче отражаться на видовом составе стад, на способах ведения скотоводства. Сильное влияние на трансформацию скотоводства оказали изъятие традиционных пастбищных угодий, которое Г.Е. Марков считает одной из основных причин оседания [4, с.160].

Мероприятия, проведенные царскими властями в 30-40-х гг. XIX века, по данным Г.Е. Маркова, «…привели к тому, что казахи севера … постепенно становятся более оседлыми. … начали заготавливать на зиму сено, … устаивать зимние загоны для скота» [4, с. 164]. Исследователь отмечает, что в конце XIX – начале XX в. процесс седентаризации стал более интенсивным и земледелие вытесняет скотоводство [4, с. 166].

Исследователи по-разному оценивали вопросы социально-экономического и политического направления. По истечении времени выводы о прогрессивности перехода к оседлости были пересмотрены, ученые понимали однобокость суждений закономерности и безболезненности перехода казахов от кочевого образа жизни к оседлости.

Некоторые ученые оценивали оседлость в степи как период перехода от низшей ступени. По заключению ученых, присоединение Казахстана к России дало толчок перехода казахов от первобытных отношений к патриархально-феодальным и от патриархально-феодальных к капиталистическим. Опираясь на стандартную логику маркситско-ленинской идеологии существование государства у казахов не было, что парадоксально Казахское ханство не учитывалось как государственное образование.

В монографии Н.Г. Аполловой «Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI- первой половине XIX в.» раскрывает особенности ведения хозяйства у казахов, а также переход кочевников к земледелию и постепенному оседанию.

Переход оседлости казахов в XVIII – первой половине XIX в. Н.Г. Аполлова связывала с падежом скота, в результате безскотные кочевники вынуждены были переходить к земледелию, чтобы выжить [370, с.240].

Стойловое содержание скота в Казахстане в XVIII –XIX вв., - по мнению автора, было невозможно «без коренной перестройки скотоводческого хозяйства… особенно в хозяйствах крупных феодалов, имевших по 10-20 тыс. голов скота» [370, с.240]. Кыстау с жилыми и хозяйственными постройками являлись «лишь стоянкой в ежегодном кочевом маршруте» [370, с.240]. В случае постройки на зимовке оседлого жилья по законам степи «неподвижное имущество обеспечивало постоянное пользование зимовкой, превращало ее в собственность» [370, с.240-241].

Н.Г. Аполлова считает, что царскому правительству было выгодно строить стационарное жилье ханам и султанам, а также строить крытые сараи для скота «чтобы приучить казахов к оседлому быту» [370, с. 241]. Помогая феодальной знати из политических соображений, царское правительство помогало им в скотоводческом хозяйстве. При уменьшении поголовья скота закономерно сокращался маршрут кочевий, что «вынуждало заниматься земледелием, а спрос на скот в меновой торговле с казахской знатью отступал на второй план» [370, с.241]. По рассуждениям правительства, если молодой скот будет содержаться в конюшнях, то они не смогут тебеневать и тем самым придется переходить к оседлости [370, с.241-242].

Стратегические планы правительства трансформировать скотоводство в нужном направлении стремление перевести население к оседлому ведению хозяйства. Как пишет в работе Н.Г. Аполлова «начавшееся оседание казахов было не только результатом определенной политики царского правительства, оно обуславливалось и развитием казахского хозяйства, подвергшегося воздействию экономики и быта русского населения» [370, с.245]. Зажиточная часть казахов просила земли под сенокос и пашни недалеко от форпостов. По причине нехватки пашен и пастбищ происходили конфликты между коренным населением и пришлым (русским казачеством).

Царское правительство считало, что в Казахстане земля была в избытке, можно использовать необъятные просторы региона для переселения русских крестьян и выдачи пашен, для решения земельного кризиса в России. Решить проблему можно было за счет земель Средней Азии и Казахстана, которые находились в составе Российской империи. По мнению Н.Г. Аполловой, правительство не учитывало «то обстоятельство, что обширными пастбищами и лучшими зимовками пользовались лишь представители феодальной знати и баи» [370, с.246].

По реформе 20-х годов XIX века власти поощряли земледелие среди казахов: «за хорошие успехи в этом деле награждались» [370, с.246-247].

Для более продуктивного развития скотоводства, чтобы содержать молодняк и слабый скот, казахи «осваивали сенокошение, заготовляя сено на зиму» [370, с.249]. По сведениям Н.Г. Аполловой всего 50% хозяйств Алтайского горного округа перешли к оседлости.

Приоритетной задачей правительства должен был стать переход казахов к оседлости. Автор склоняется к следующему мнению: усиливая свои позиции в степи, царское правительство понимало, «что кочевой быт не обеспечит верного подданства, а управление казахами сопряжено с большими трудностями» [370, с. 250]. С переходом к оседлости кочевников власти России надеялись усмирить их, подчиняя «их общеимперской системе управления», - пишет Н.Г. Аполлова [370, с.250].

Переход к оседлости, по мнению автора, был вызван социально-экономическими причинами, связанными с массовым падежом скота, разорением кочевников, сокращением традиционных маршрутов кочевания [370, с.251].

Н.Г. Аполлова считает, что 50-60-х годах XIX века в северо-восточных районах Казахстана определяющим фактором, побуждающих оседлость среди казахов, «были вольные крестьянские переселения» [370, с.252].

Автор отмечала негативные последствия для казахского хозяйства земельной политики российских властей, которая проводилась «в интересах Сибирского казачьего войска, кабинетского хозяйства горнорудного Алтая и казахского байства» и «тормозило переселение рядового русского крестьянства на территорию Казахстана» [370, с. 252].

В заключении монографии Н.Г. Аполлова, пишет, что кочевое хозяйство является господствующей отраслью хозяйства с «неустойчивой базой (большие потери скота во время стихийных бедствий) сохраняло свою жизнеспособность [370, с.368], давая товарную продукцию (главным образом излишки скота на меновые дворы Иртышской линии)» [370, с. 368-369].

Земледелие было на примитивном уровне «парцеллярное земледелие …с посевами проса на небольших клочках земли не могло ослабить тяготения к привычному скотоводческому хозяйству. По мере расширившегося общения с русским населением усиливалось его влияние на казахское хозяйство: земледелием и устройством оседлого жилья начали заниматься представители феодальной знати, а в первой половине XIX в., и рядовые скотоводы» [370, с.368- 369]

Г.Х. Дахшлейгер в докладе «Оседание и традиционные социальные институты бывших кочевников (на примере казахского народа)» раскрывая причины перехода к оседлому ведению хозяйства кочевников [9], писал, что «опыт истории показал историческую закономерность перехода от экстенсивного скотоводческого хозяйства и кочевого или полукочевого образа жизни к интенсивному типу хозяйства и оседлости» [9, с.1]. Он считал, что переход к оседлости проходил в зависимости от социальных условий по-разному. По мнению Г.Х. Дахшлейгера, в дореволюционный период было «насильственное вытеснение кочевников и полукочевников с освоенных ими пастбищ территорий при сохранении частной собственности на средства производства и углублении имущественного неравенства, юридической и фактической национальной дискриминации» [9, с.1].

В 1984 году была опубликована монография по скотоводческому хозяйству казахов Н.Э. Масанова [192], где на большом источниковедческом материале автор показал трансформационные процессы в рыночных условиях казахского общества.

Н.Е. Бекмаханова, Ф.Н. Базанова и Н.В. Алексеенко, опираясь на статистические данные, показали трансформационные процессы не только в скотоводческом хозяйстве, но и в структуре населения Казахстана [373; 374; 375].

В монографии Б.С. Сулейменова и В.Я. Басина «Казахстан в составе России в XVIII – начале XIX века» по проблеме трансформации хозяйства касается фрагментарно [143]. Исследователи затрагивая непосредственно последствия реформ первой половины XIX века отмечали, что они проходили по-разному, например, в Младшем жузе без осложнений [143, с.122]. В Среднем жузе по «Уставу о сибирских киргизах» был «ряд указаний относительно развития земледелия и оседлости», правительство содействовало оседанию кочевников официально, они «юридически регламентировали отвод земель и порядок использования» тем самым властями поощрялось земледелие в степи [143, с.121]. Предоставлялись льготы коренному населению переходившим к оседлости в виде помощи в выдаче сельскохозяйственных орудий, а также «урожай не облагался налогом» [143, с. 121]. По мнению исследователей, земельная политика царских властей «должна была способствовать приобщению кочевников к более передовой форме сельскохозяйственного производства» [143, с.121-122].

Как и большинство советских ученых, Б.С. Сулейменов, В.Я. Басин считали, что с помощью перемен в системе управления степи власти укрепляли свои позиции в регионе [143, с.123].

На кочевое хозяйство большое влияние оказывало переселение крестьян из разных окраин Российской империи после отмены в 1861 году крепостного права. Правительству царской России нужно было стратегически правильное решение, для того чтобы устроить крестьян и отвлечь их от насущных проблем. Администрация с 60-х гг. XIX в. начала стихийные переселения русских крестьян из центра Российской империи в Сибирь и Казахстан [143, с.136].

Земельная политика Российской империи во второй половине XIX века «была направлена на разрешение аграрного кризиса в европейской России» [143, с. 141]. Все законодательные акты, введенные и разработанные правительством в Казахстане, «отражали интересы развивающегося российского капитализма» [143, с.141].

Рассматривая развитие хозяйства казахов в период царской власти, можно проследить особенности зарождения земледелия в чисто кочевых и полукочевых регионах. Несмотря на усиление политики в направлении к оседанию, в Казахстане старались сохранить традиционное хозяйство. Среди коренного населения земледелие не приветствовалось, относились к нему с пренебрежением. Практически все исследователи пишут, что в скотоводство

капитализм проникал медленными темпами и не привел к ощутимым последствиям [143, с.146].

Переселенческая политика, по мнению Б.С. Сулейменова и В.Я. Басина, способствовало переходу к оседлости и ускорило рост производительности [143, с. 158], что касается отрицательных последствий переселения крестьян исследователи видели в обострении аграрного вопроса, что в результате привело к «обезземеливанию и разорению» [143, с.158].

По нашему мнению, оседание кочевников происходило не добровольным путем, а в связи с ухудшением социально-экономического положения, сокращения пастбищных маршрутов, переселения крестьян, и земельная теснота привела к кризису ведения кочевого скотоводства. Однако хотелось бы отметить, что на классический номадизм в Казахстане царская политика повлияла, но не так разрушительно, как политика Советской власти, особенно коллективизация, которая уничтожила традиционное скотоводство и на жизнеобеспечение казахов.

Т.Ж. Шоинбаев в статье «Важное событие в истории Казахстана (к 250-летию присоединения Казахстана к России)» вскользь показывает влияние России на хозяйство казахов, акцентируя внимание на добровольном присоединении и его прогрессивном значении. Т.Ж. Шоинбаев отмечает, что с середины XIX века в Казахстане развиваются товарно-денежные отношения, которые способствовали распаду кочевого хозяйства «постепенно приспосабливается к требованиям рынка и приобретает черты товарного хозяйства» [144, с. 5].

Он отмечает, что в переходный период с конца XIX и начала XX вв. «…колониальный гнет усиливался», правительство насильно отбирало наиболее лучшие пастбищные земли в результате «происходит ряд восстаний против феодально-байского и колониального гнета» [144, с. 12].

Г.Ф. Дахшлейгер в статье «Некоторые проблемы историографии кочевниковедения и оседания кочевников и полукочевников в СССР» раскрывает отношение запада к кочевым народам, а также показывает роль советской историографии в исследовании номадов [10], отмечая закономерность разрушения традиционного кочевого скотоводства и жизнедеятельности казахского общества «все более изживали себя» [10, с.54].

Несмотря на приспособленность традиционного скотоводства к природно-климатическим условиям «аридной зоны, при всем накопленном опыте ведения пастбищного хозяйства, оно приходило в упадок», - по свидетельству автора. Г.Ф. Дахшлейгер видел причины упадка в примитивности орудий производства, приемов содержания скота и в отсутствии прочной кормовой базы, что закрывало «путь расширенному воспроизводству стада, повышению породности, продуктивности, увеличению товарности скотоводства» [10, с. 54]. Кочевой образ жизни и экстенсивное хозяйство «сдерживали социально-культурный прогресс многих народностей земного шара» [10, с. 54]

Период дореволюционного Казахстана охарактеризован как «насильственное вытеснение кочевников и полукочевников с освоенных ими пастбищных территорий при сохранении частной собственности на средства производства и углублении имущественного неравенства, юридической и фактической национальной дискриминации» [10, с. 54].

Проанализировав исследования советских ученых по проблеме трансформации традиционного хозяйства казахов, можно сделать следующие выводы: во-первых – изменения коснулись видового состава скота; во-вторых - сокращения поголовья скота (вследствие территориально-административных реформ и переселенческой политики); в третьих – проникновение сенокошения как одного из методов приспособления кочевника для выживания в условиях колонизации степи (строительство в приграничных с Россией казахских землях военных укреплений и влияние русских крестьян); в четвертых - частичный переход к земледелию казахов как меры выживания номадов в сложившихся условиях; в пятых - преувеличение массовости перехода к оседлости среди казахов дореволюционных и советских исследователей. Массовость перехода кочевников-казахов в дореволюционный период характеризуется советскими исследователями с насильственной коллективизацией в Казахстане в 1920-1930-х гг., чтобы показать седентаризацию казахов еще в период царя и отвлечь от насильственной коллективизации в советский период.

Историография относительно седентаризации кочевого хозяйства освещалась в двух хронологических рамках, то есть в царский период и в период 20-30 – х гг. XX века. Дореволюционный период исследователи показали трансформационные процессы с точки зрения колонизации Казахстана и отрицательных последствий для казахов-кочевников. Позже после установления марксистской идеологии в работах стали характеризовать изменения в положительном ключе и цивилизаторской роли империи. 20-30-е годы освещали политику седентаризации казахов, с двух позиций одни, считали, что нужно сохранить скотоводство в Казахстане и перейти постепенно эволюционным путем к оседлости, другие считали прогрессом оседание кочевников и дальнейшим строительством социализма в стране. Поссибилисткие тенденции преобладали в советской историографии, связано было в первую очередь с идеологическим воздействием.

3.3 Последствия перехода казахов к полуоседлости в трудах современных исследователей

После вхождения Казахстана в состав Российской империи власти практически не вмешивались в жизнедеятельность казахов, но с конца XVIII века административные чиновники начинают разрабатывать направление своей политики по внутреннему переустройству структуры политической власти, так и административно-территориального деления региона. В 20-е годы XIX века в Казахстане была отменена ханская власть, а со второй половины XIX века продолжали адаптировать территорию Казахстана для эффективной колониальной политики царской России. В 1869 году был окончательно

завоеван и присоединен юг Казахстана и регион был объявлен собственностью Российской короны.

Огромные просторы и бескрайние степи Казахстана, а также рассеяность на всей территории казахов были основной причиной, по которой регион поделили на административные округа. Административно-территориальное деление было разработано по аналогии с Российской империей, но адаптированны к местным условиям. С отменой ханской власти царское правительство устранило практически государственное управление в Казахской степи и независимость казахов. Однако правительство понимало, что полностью избавится от султанов-чингизидов не возможно и ставило их управляющими административными единицами.

Как было отмечено ранее, интересы России по отношению к Казахстану были стратегическими. Последствия присоединения отразилось на всех сферах жизни кочевого населения Казахстана, особую роль в трансформации экстенсивного ведения хозяйства повлияли реформы царской администрации, проводимые в регионе. Основной целью правительства России была колонизация Казахстана и как можно ускорено модернизировать кочевых-казахов под воздействием внутренних изменений на основе законодательных актов, переселенческой политикой и привести к оседлости местное население.

В исследованиях существует несколько точек зрений по поводу влияния колонизации на кочевое хозяйство казахов: одни считают, что никаких значимых изменений не произошло, по мнению других ученых, трансформация была в крупных масштабах, которая отразилась негативно.

Известный казахстанский исследователь Ж.Б. Абылхожин в своей монографии «Традиционная структура Казахстана» писал о кочевом образе жизни: «Еще древние насельники степи выработали до удивления четкие принципы организации производства, научились гибко и оперативно реагировать на схоластичность природной среды, умели смягчать идущие отсюда возмущения посредством продуманной утилизации, рассредоточенных во времени и пространстве ресурсов. В совершенстве владели они методами генетического улучшения скота и целого управления концентрацией и структурой стада, обнаруживали глубокие познания в области фенологии и этнологии животных. Все эти знания транслировались из поколения в поколение, обретая в каждом из них новые и новые импульсы к своему саморазвитию и совершенству. И этот момент служил одним из источников динамизма скотоводческой культуры» [376, с. 200-201]. В исследовании есть очень нужные и важные замечания о взаимодействии кочевого общества с природой «… представляло благоприятные предпосылки для развития тенденции к сохранению динамического равновесия естественно природных и социально-экономических факторов» [376, с. 201]. Ж.Б. Абылхожин оценил в своей работе кочевническую структуру и хозяйствование как «цивилизацию с эффективным социальным механизмом адаптации и развитыми культурными традициями» [376, с. 200]. Он считал, что трансформационные процессы скотоводства казахов в советский период, возможно было пройти естественным

путем без жертв. По свидетельству ученого, зачатки трансформационных процессов в Казахстане были заложены во второй половине XIX-начале XX вв. Если в советской историографии, было принято предвзятое отношение к кочевникам и их жизнедеятельности, оценивая его как отсталое и примитивное, то с приобретением независимости Казахстана отношение к истокам истории и скотоводству изменилось. Для научного мира открылись возможности исследовать кочевничество не по шаблону, и использовать архивные материалы, находившиеся в зарубежных хранилищах анализировать западных ученых, открыто и без страха репрессий.

В 1990-е гг. - начале 2000 гг. основной причиной трансформационных процессов в хозяйстве кочевых казахов, по утверждению казахстанских ученых С.М. Машимбаева [377], К.М. Алдабергенова [378], Б.М. Абдрахмановой [379], А.К. Рахимбековой [380], А.М. Барсукбаевой [381] и других, причина крылась во внешнем факторе воздействия: политике Российской империи, административно-территориальных реформах, налоговом обложении и строительством железной дороги.

Казахстан для Российской империи играл, в первую очередь, экономическую и стратегическую роль, так в регионе начали проникать торгово-рыночные отношения с коренным населением. Исследователь З.Е. Кабульдинов писал относительно ярмарочной торговли в степи для развития товарного хозяйства казахов. Как отмечал автор, для торговых отношений Казахская степь привлекала к себе удобным расположением, что способствовало развитию рыночных отношений [382].

К.Р. Несипбаева на основе анализа англо-американской историографии, основную причину изменений в скотоводческом хозяйстве казахов западные исследователи видели в воздействии мероприятий в степи царской администрацией и проникновением в степь капиталистических торгово-экономических отношений. Русская колонизация в англо-американской историографии по-разному трактуется влияние царской России на традиционное хозяйство казахов, К.Р. Несипбаева отмечает, одним из укоренившихся взглядов в исследованиях заключалась в трактовке «…цивилизаторской миссии русских», которая привнесла прогресс и благосостояние в Казахскую степь [46, с.230]. Хотя автор замечает тенденцию изменений взглядов о «цивилизаторской» миссии русских «… относительно кочевого хозяйства до и после колониальный период» [46, с. 230].

Процесс седентаризации казахов англо-американские ученые трактуют неоднозначно и рассматривают ее с различных позиций [46, с. 235]. Одни ученые придерживаются взгляда о радикальном способе адаптации, т.е. насильственной [46, с. 236]. Другие исследователи считали «…процесс оседания кочевников детерминировался закономерным и последним актом в развитии кочевничества… при воздействиях царского правительства» [46, с. 238].

В работе автор раскрывает особенность земледелия у казахов южного Казахстана [46, с. 243-254]. По утверждению К.Р. Несипбаевой, в англо-

американской историографии существует точка зрения, что среди кочевого населения происходил процесс уменьшения кочевых хозяйств и увеличение земледельческих. Однако автор не согласна с такой точкой зрения ученых и в качестве доказательства приводит материалы Всеобщей переписи населения 1897 года, согласно переписи скотоводческое хозяйство являлось преобладающим видом деятельности казахов [46, с. 243]. Ошибочность выводов англо-американских ученых можно считать тот факт, что они опирались на русскую дореволюционную историографию, в которой необъективно описывали кочевые народы.

Переход к оседлости кочевников, по мнению зарубежных исследователей, связан с переходом кочевников к земледелию. В опровержение такого мнения в западной историографической мысли К.Р. Несипбаева заключает, что земледельческое хозяйство в аридной зоне Казахстана «…не могло стать самодостаточной экономической базой …и функционировало только как вспомогательная отрасль хозяйства» [46, с. 244]. Западные ученые завышали роль царской администрации в развитии сельского хозяйства Центральной Азии [46, с. 246].

По заключению К.Р. Несипбаевой, в западно-американской историографии «… степень изучения кочевого хозяйства и земледелия в этом регионе не адекватна», проанализировав труды она подчеркнула тот факт, что изучение традиционного хозяйства казахов до и после царского завоевания Казахстана «достаточно широко представлено» [46, с.246]. В англо-американской историографии господствует мысль, что обедневшие номады были вынуждены переходить к земледелию для выживания, заключает автор [46, с. 246-247]. Цивилизаторскую роль России в седентаризации кочевников в Казахстане встречается «…во всех английских и американских исследованиях» [46, с. 254].

А.М. Хазанов, касаясь трансформации скотоводства в новое время, утверждал, что кочевое скотоводство не могло оставаться в законсервированном виде и соответственно выжить. По мнению ученого, колониальная экспансия Казахстана Российской империей проявляется с сокращения маршрутов кочевания, что со временем приводит к оседанию кочевников. Для казахов-кочевников XIX век не был благоприятным из-за массового падежа скота. В этот же период были отобраны пастбищные земли, что в результате привело к кризису скотоводства. Власти России были заинтересованы в торговле с кочевниками для большей своей выгоды. Следовательно, скот не пополнялся у кочевников, что приводило к разорению коренного населения [55; 383, с.77]. По утверждению А.М. Хазанова после распада СССР история кочевников вновь стала заложником необъективного и идеологизированного подхода с большим налетом национализма, что характерно как для России, Монголии, Китая, так и для молодых независимых государств Центральной Азии [55, с. 476; 383, с. 77].

Трансформация, по мнению А.М. Хазанова, происходила под давлением колониальной державы. Исследователь не поддерживает взгляды

положительной оценки и прогрессивности перехода кочевников к оседлости. Причину развития в регионе кочевого скотоводства связывает с несколькими факторами – природно-климатическим, политическим, социальным и другими. Оседание кочевников вело к масштабным бедствиям во всех сферах жизни населения [55].

Другая американская исследовательница М.Б. Олкотт в исследовании «Казахи» относительно изменений в кочевом хозяйстве видела причину впоследствии земельных реформ царской России, тем самым власти ускорили процесс трансформации скотоводства. К началу XX века в традиционном хозяйстве казахов, по утверждению М.Б. Олкотт, произошел упадок скотоводства, причина была в нехватке пастбищных территорий и корма в Казахстане [168, p. 54]. В работе М.Б. Олкотт сравнивает пастбищные угодья средневекового Казахстана и приходит к выводу, что казахи занимались земледелием для прокорма оставшегося скота и приумножения поголовья [168, p. 53].

М.Б. Олкотт затронула в работе также развитие оседлого хозяйства в Казахстане. По свидетельству автора, российские власти при разработке земельных реформ 60-х годов XIX века преследовали цель перевести кочевников не только к оседлости, но и ведению комбинированного хозяйства для удобства управления кочевым населением [168, p. 54]. Земледелие в Казахстане находилось на примитивном уровне, - считает М.Б. Олкотт, это было связано, в первую очередь, с примитивной техникой орудий обработки, выбором выращиваемых зерновых культур [168, p. 55].

Российский ученый А.Ю. Быков в своих работах, посвященных модернизации казахского общества в дореволюционный период, раскрывает направление политики царских властей, которая по мнению ученого была направлена на седентаризацию казахов [302, 354]. В монографии А.Ю. Быкова «Истоки модернизации Казахстана» раскрывается проблема присоединения Казахстана к России и стратегические цели преследовали власти по отношению к кочевому казахскому обществу [302]. Эволюцию российского политического курса в Казахстане за время колонизации он характеризует так: «Проблема оседания казахов в российской политике предстает элементом колониального воздействия, способствовавшего подчинению колонизуемых территорий и включению автохтонного населения в имперскую стратификацию. Вопросы, связанные с седентаризацией, в той или иной степени начали обсуждаться российскими властями с момента юридического присоединения Казахстана к Российской империи. В то же время отнюдь не эти проблемы были первоначально самыми актуальными. Их актуализация происходила постепенно и непоследовательно» [302, с. 21]. Основной упор в работе акцентируется на модернизации традиционного общества казахов всех спектров жизнедеятельности под воздействие политики властей. Весь период Казахстана в составе Российской империи А.Ю. Быков делит на этапы седентаризации, опираясь на реформы, проводимые в Казахстане с 30-х гг.

XVIII в. – по 1917 год властями. Более подробно можно рассмотреть этапы в работе.

Первая половина XVIII века политический курс стимулирования «оседания» кочевников по свидетельству А.Ю. Быкова, «…был выражен достаточно слабо» [302, с. 29], так как территория Казахстана для русской администрации рассматривалась как земли для «транзитной торговли» с среднеазиатскими ханствами, Китаем и Индией [302, с.29].

Мероприятия правительства по ограничению кочевых маршрутов кочевников со стороны властей по мнению А.Ю. Быкова не была связана с оседанием казахов или изменением нравов и обычаев, однако из-за таких действий «усилился кризис кочевого способа производства», «…в итоге привели к аграрной перенаселенности» [302, с. 34].

Барымта в казахской степи, по мнению А.Ю. Быкова стала причиной рассмотрения в администрации альтернативу кочевого скотоводства в регионе, т.е. трансформационных процессов в образе жизни кочевников [302, с. 36].

В 40-50-х гг. XVIII в. царское правительство начало предпринимать меры для комплексного изменения нравов, обычаев и хозяйственной деятельности казахов-кочевников, рассматривая переход к оседлости и земледелию, которое произойдет в результате «…трансформации менталитета кочевников», через строительство городов, крепостей и развития торгово-рыночных отношений [302, с. 36].

До 1760-х гг. политика России, так и ее действия по седентаризации казахов, по свидетельству А.Ю. Быкова, не приносили результатов [302, с. 38].

На следующем этапе седентаризации в Казахстане, начало которой А.Ю. Быков относит 60-е гг. XVIII в России, все население империи поделили по социальному статусу на земледельцев и кочевников. Направление политического курса Российской империи зависело от внутренних и внешних факторов (исчезновение Джунгарского ханства, геополитические интересы Цинской империи по отношению к Центральной Азии и французская революция) которые автор именует кластерами [302, с.39]. А.Ю. Быков этот этап именует периодом «просвещённого абсолютизма» России, к нему он относит ряд принятых правительством общероссийских реформ, которые затрагивали и кочевников. Согласно автору, реформы влияли активно на казахское общество в связи с тем, что оно трансформировалось в «…российское общество» [302, с.39].

Геополитический курс Российской империи в Казахстане все более усиливается, правительство ставит главной целью оседание кочевников и освобождение территорий для переселенцев [302, с.44]. Перевод кочевников к оседлости основывался в угрозе «… создания военно-политического союза между подвластными России кочевниками и Турцией» [302, с. 44]. Седентаризацию власти предполагали «… проводить насильственными методами, а контроль над исполнением возлагался на российские регулярные войска» [302, с.44]. Но проект не удался из-за восстаний на территории Младшего жуза.

До 1760-х гг. правительство России оседание казахов рассматривало как вспомогательный и неперспективный инструмент [302, с.69].

Кризис скотоводческого хозяйства, по мнению А.Ю. Быкова, пришел из-за мероприятий царских властей: строительства новых линий без учета кочевых пастбищных маршрутов и изъятия значительных земель [302, с. 69].

Для проведения политики оседания кочевников-казахов власти считали нужным расширить культурные контакты с земледельческими народами и ограничить контакты с кочевыми народами [302, с. 70].

По мнению А.Ю. Быкова, с 60-х гг. XVIII в. в связи с политикой «просвещенного абсолютизма» за основу были взяты проекты И.И. Веймарна и Д.В. Волкова, положившие начало реальной седентаризации, но восстание под предводительством Е. Пугачева и крестьянская война послужилт поводом для отказа от реформ и перехода к «мягкому курсу» О.А. Игельстрома. «Мягкий курс» заключался в постепенном уравнении «правоположения казахов (инородцев) и иных социальных групп империи» [302, с. 70].

А.Ю. Быков показал последствия трансформационных процессов в скотоводческом хозяйстве Казахстана и казахском обществе в целом на рубеже XIX-XX вв. Все мероприятия, проводившие правительством для седентаризации кочевников-казахов в XVIII-начале XIX в., «…не приносили быстрых желаемых результатов» [302, с.95]. Можно согласиться с автором, что основные изменения были отмечены только со второй половины XIX века, а до этого существовали только незначительные попытки.

В соответствии с реформами 20-х гг. XIX века «…в сибирском ведомстве была создана система льгот с целью постепенного перевода казахов в «оседлое гражданское состояние» и предпринимались попытки «приобучать» их сенокошению, домообзаводству, ремеслам и особенно земледелию» [302, с. 175]. Оренбургские же власти не поддерживали седентаризацию среди казахов: «…запрещали казахам заниматься земледелием, полагая, что это нанесет серьезный урон экспорту российского хлеба в степь и в результате ослабит экономическую зависимость казахов от России» [302, с.175].

Изъятия земель в степи в пользу земледелия власти считали более выгодным хозяйством и причиной перехода «для части казахского населения» к оседлости, - по утверждению А.Ю. Быкова [302, с. 176]. К оседлости в конце XVIII – первой половине XIX в. переходили «целыми родами», считает А.Ю. Быков [302, с. 176]. Мы не можем согласиться с таким взглядом автора, о переходе к оседлости по дореволюционным источникам происходило с середины XIX в.-начале XX в. и не равномерно в зависимости от природно-географического расположения населения.

Переходный период от кочевого хозяйства к оседлости шел постепенно за счет сокращения численности и видового состава скота в хозяйстве [302, с.198].

А.Ю. Быков, считает переход казахов-кочевников к оседлости на рубеже XIX-XX вв. происходил из-за естественного и искусственного прироста населения в Казахстане [302, с.202].

По утверждению А.Ю. Быкова пока в степи доминировало скотоводство, оседло-земледельческая культура не могла развиваться [302, с. 205]. Однако, по мнению автора трансформация казахского хозяйства была связана не с политическими мероприятиями царизма, а «по ... причине невозможности функционирования кочевого способа производства» и ростом численности земледельцев и оседлых казахов [302, с. 205].

На развитие земледелия в Казахстане повлияли природно-климатические и почвенные особенности, в случае если земледелие заимствовалось у народов Средней Азии оно больше специализировалось на бахчеводстве, если у русских переселенцев развивалось зерновое хозяйство [302, с. 206].

Для Казахстана наиболее приемлемым было богарное (не поливное – А.И.) земледелие, так как этот тип земледелия лучше сочетать с полукочевым скотоводством [302, с. 207].

А.Ю. Быковым была отмечена модернизация самосознания казахов в заимствовании «земледельческой» психологии, теперь казахи к земледелию уже не относились с пренебрежением как раньше, а стало обыденным явлением в степной части Казахстана, однако, на юге Казахстана земледелие до 1917 года было занятием беднейших слоев населения [302, с.207]. С развитием земледелия и промыслов происходит рост оседлости среди казахов [302, с. 208]. Постепенно происходило сокращение структуры стада, приспособленного к кочеванию, особенно четко проявлялось в начале XX в. и по этой причине А.Ю. Быков, как и многие исследователи отмечает, «препятствовало возвращению казахов в кочевое состояние» [302, с. 208].

К началу XX века зарождался казахский капитал. Большая часть казахов осела в деревнях. В результате проникновения капитала в деревню происходит трансформация традиционных обычаев, одним из которых является обычай взаимопомощи и другое [302, с. 209].

А.Ю. Быков видел трансформационные процессы, происходившие в казахском обществе не только «в хозяйстве, но и в быту» [302, 210].

Пастбища казахов-кочевников теперь не были в общинной собственности. У населения появляется «понятие личной собственности», «чужой земли», «государственной» и соседской общины [302, с. 210].

А.Ю. Быков, анализируя модернизацию кочевого общества в период присоединения Казахстана к России, отразилась по мнению автора в разрушении кочевых и общинных устоев в обществе, а также навыков ведения хозяйства. В результате изменений сформировалась национальное самосознание в процессе интеграции казахов в единое государство и русской политике и других причин. навыки ведения хозяйства [302, с. 212]. Считаем преувеличенным мнение А.Ю. Быкова, об утрате казахов родовых устоев. У казахов сохранились многие традиционные устои и особенно родовые, даже в современном казахстанском обществе в интернет-контенте (социальных сетях) существуют сайты с щежире племен казахов.

По свидетельству А.Ю. Быкова, на рубеже XIX -XX вв. «с переходом к интенсивным по сравнению с кочевым скотоводством формам хозяйственной

деятельности утрачивалось большинство каналов трансляции традиции. Следствием упадка интегрального традиционализма стал кризис идентичности, отразившийся на бытовом уровне, в экономике, возникшей политической сфере и духовной культуре казахов» [302, с. 215].

По мнению А.Ю. Быкова «одним из показателей трансформации…» является изменение рациона питания казахов, что отразиться на развитии земледелия. Сенокошение облегчит потери в результате падежа скота от бескормицы в период джутов [302, с. 218, 221].

Однако в работе отмечен факт, что ментальность сохраняла традиционные черты отражением по свидетельству тому служит «…стремление обедневших казахов, при улучшении благосостояния вновь заняться кочеванием» [302, с. 233].

Трансформация традиционной хозяйственной деятельности казахов и переход к оседлым формам ведения, по мнению А.Ю. Быкова, были связаны с повышением роли земледелия и закрепить на законном основании за собой территорию [302, с. 233].

А.Ю. Быковым были выделены «жесткий» (И.И. Неплюева) и «мягкий» (О.А. Игельстрома) курс политики, для перевода кочевников к оседлости [302, с. 258].

В монографии был сделан вывод, что «в результате политики седентаризации к началу XX в. более половины казахского населения постоянно занималось земледелием, а для более трети его – оно стало основным способом ведения хозяйственной деятельности и почти 90% казахского населения имели стационарные постройки, эксплуатация которых занимала от четверти до года ежегодно.

Таким образом, процессы трансформации казахского кочевого общества были объективны и неизбежны, но и характер, темпы и формы во многом стимулировались политикой России» [302, с. 262].

В докторской диссертации А.Ю. Быкова помимо проблемы оседания кочевников-казахов, он касается трансформации кочевой идентичности, социальной структуры в условиях колониальной политики Российской империи [384].

А.К. Рахимбекова в своей работе отмечала, что все действия властей в комплексе оказали воздействие на хозяйство казахов, в первую очередь, автор выделяет внедрение налогообложения: после введения «Уставов» каждое хозяйство по истечении 5 лет облагалось налогами. Однако на местах встречались факты, когда чиновники злоупотребляли поборами в свою пользу. Помимо налогообложения, с казахского населения собирались воинскую повинность, которая проявлялась в угоне скота, «захватом пленных и заложников, убийством невинных людей, разорением казахских кочевий» [355, с.63].

Изъятие у кочевников земель (пастбищных угодий – А.И.) для разных нужд царской администрации, например, под строительство коммуникационных сооружений, заводов, городов и т.п. «резко сокращало и

уменьшало возможности самовоспроизведения традиционного хозяйства» [385, с. 64].

Во второй половине XIX века, как известно, было внедрено «Временное положение» 1868 г., по которому все земли, были отнесены к государственной собственности, и предоставлялись в бессрочное пользование. Во Временном положении российским правительством были внесены поправки в выделении земель «…под рудники и прииски, так земля, предназначенная для летней кочевки, приравнивалась к казенной, и предприниматели платили арендную плату казне» [385, с. 64].

А.К. Рахимбекова не исключала и другое положение 1891 года разработанное для изъятия пастбищных угодий казахов, по которому русские власти изымали земли наиболее важные для казахов «…отбирались обжитые площади нередко массивами в 10 тысяч десятин, готовые пашни, ирригационные сооружения, сносились зимовки, мечети и др.» [385, с. 65].

А.К. Рахимбекова, описывая традиционное хозяйство казахов, понимала, к какой дестабилизации приводила политика царской России. Но, несмотря на разрушающие методы властей, они «не привели к исчезновению кочевого скотоводства, не заменили другой формой хозяйствования» [385, с. 70]. Кочевое скотоводческое хозяйство «… обладало устойчивостью и исключительной живучестью, продолжая играть доминирующую роль в хозяйстве казахов и в начале XX века» - пишет автор [385, с. 70].

Хотя процесс трансформации традиционного скотоводческого хозяйства был запущен под воздействием России, что в итоге «постепенно» привело к упадку - заключает А.К. Рахимбекова [385, с. 70].

А.К. Рахимбекова видела прямое воздействие на упадок скотоводства в политике царских властей разработанными и внедренными реформами в Казахстане. Исследователь придерживается геодетерминистских взглядов по поводу проведения реформ в пользу трансформационных процессов в Казахстане. Для проведения трансформационных реформ в регионе с кочевым ведением хозяйства А.К. Рахимбекова считает нужно было подходить эволюционными методами, так как «создание нового механизма функционирования общественного производства - это длительный процесс хозяйственной эволюции и его не заменить какими-то скороспелыми юридическими актами» [385, с. 71].

Мы полностью поддерживаем взгляды ученых по поводу эволюционных методов трансформации традиционного уклада и экономики региона, которые способствует постепенной эволюции и менее болезненным преобразованиям во всех сферы жизни кочевого общества под воздействием торгово-рыночных отношений. А. Рахимбекова в диссертации о предпосылках упадка традиционного хозяйства казахов в результате создания «…аппарата государственно-административного управления, установление жесткой фискальной системы», в Казахстане происходило «массовое отчуждение земельных массивов, перманентное сокращение пастбищных пространств, открытый грабеж казахов» отразились на скотоводческом хозяйстве [385, с. 59].

Поэтому автор считает закономерным трансформационные процессы в традиционном хозяйстве казахов связывает с экономическими и политическими мероприятиями русской администрации в Казахстане [385, с. 59].

Ж.О. Артыкбаев «Казахское общество: традиции и инновации», раскрывая сущность и последствия колонизации Казахстана в результате проводимых реформ в XIX веке административное вмешательство Российской империи требует более углубленного исследования. Земельный вопрос был актуальным и очень болезненным для казахов всегда, отмечает Ж.О. Артыкбаев. В своей работе он показал, как правительство с начала XIX века раздавало земли, что, конечно, же отразилось на коренном кочевом казахском населении, «такая «щедрость» правительства тяжело обходилась казахским общинам, она продолжала конфликты и недовольства, что, в конце концов, вынудило власти заняться сбором и изучением поземельных отношений казахов» [303, с.164].

Законодательные акты, принятые в царское время, преследовали цель всеми методами и мерами прикрепить кочевников к земле для захвата пастбищных территорий и выдаче русским крестьянам, в более эффективной налоговой политики и т.п. По Уставу частная собственность на землю выдавалась в том случае если будут заниматься хлебопашеством, т.е. земледелием. Ж.О. Артыкбаев писал, что встречались зажиточные скотоводы, обещая властям заняться хлебопашеством «с помощью властей отнимали понравившиеся угодья своих соседей» [303, с. 164]. В результате на отобранных угодьях богатые скотоводы строили хозпостройки и этим хлебопашество ограничивалось. Когда заходил вопрос о территориальных спорах «наличие земледелия становится серьезным аргументом...» [303, с.164].

В Казахстане со второй половины XIX в. происходит «сужение пастбищ, строгое определение границ», что приводило к тяжелым последствиям, массовому падежу скота (джутам) в виде нехватки пастбищных угодий, что по мнению автора приводило к оседанию коренного населения [303, с. 169]. Происходило обнищание середняков кочевников, а «усиливающаяся бедность стала одной из причин развития арендных отношений хозяйства…» - замечает Ж.О. Артыкбаев [303, с. 169-170].

Изменения, происходившие в хозяйстве казахов, проявлялись в проникновении элементов полуоседлости и сенокошения в Прииртышье. Тип хозяйственной деятельности казахов, Ж.О. Артыкбаева, определяет «не переход к земледелию, не строительство жилищ, а опыт сенокошения и заготовка сена на зиму являются основным критерием…» [303, с. 172].

Сенокошение способствовало, по мнению Ж.О. Артыкбаева «укрупнению казахских общин» и «оказало сильное влияние на характер землепользования, дефицит сенокосных мест – шабар породил различные комбинации этих отношений…» [303, с.173]. Опираясь на мнение Ж.О. Артыкбаева, трансформационные процессы были запущены во второй половине XIX века под воздействием сокращения пастбищных угодий казахи вынуждены были

перейти к элементам оседлости и сенокошению, эти тенденции повлияли на трансформацию скотоводческого хозяйства.

М.К. Койгельдиев в своей работе писал о насильственном изъятии более 45 млн. гектар земель в пользу государства, что составляло 16% наиболее плодородных пастбищ [386, с. 50]. Правительство, отбирая земли, не учитывало мнения местного населения, это привело к урону не только животноводства, но и всей структуры края.

В начале XX века наблюдается строительство зимовок, что является важным шагом перехода к полуоседлости. Развитие заготовки сена, стойловое содержание скота на зиму-один из признаков трансформации хозяйства. Однако, несмотря на это, многие исследователи придерживаются единого мнения, что казахи в основе своей занимались скотоводством, а земледелие было вспомогательным видом хозяйства.

Однако влияние извне не оставило без изменений традиционное кочевое хозяйство (сокращение пастбищ и маршрутов кочевания), в результате и кочевникам ничего не оставалось как приспосабливаться к новым условиям. Переход к полуоседлости и оседлости происходили в степи очень медленными темпами. Кочевники переходили к полуоседлости вынужденно для выживания.

Современные исследователи, описывая политику России, по-разному характеризовали ее, но в основе своей они были негативными. Одним из известных исследователей дореволюционного периода М.К. Козыбаев, опубликовал статью «История России есть история, которая колонизуется». В ней он доказывал, что царская Россия была колониальной державой. М.К. Козыбаев писал, что «…колониализм не имеет человеческого лица, … оно олицетворяет национальный гнет, грабеж природных богатств… Колониализм, неоколониализм как зло подлежат осуждению» [387]. По утверждению автора, царская администрация под прикрытием строительства русских крепостей захватила пограничные казахские кочевья и в принципе ничего полезного Казахстан не получил.

Российские современные исследователи, такие как Г.М. Дергульян, С. Лурье, И. Дамешек [387-390] и другие определяли политику России как стратегический интерес сохранения своих границ в безопасности. И.Л. Дамешек характеризуя политику Российской империи, писала «Главная задача … заключалась в консолидации имперского пространства» [390].

Интересна работа Н.Н. Сороки «Крестьянские переселения и их влияние на экономику казахского кочевого аула Степного края второй половины XIX – начала XX вв.». На основе исследования миграционных процессов в Казахской степи автор пришел к заключению о положительном воздействии на хозяйственное освоение региона, результатом таких выводов послужила политизированность работы [391]. Н.Н. Сорока утверждает, что переселение крестьян привело к упадку традиционного хозяйства казахов, но также способствовало «… появлению новых форм хозяйственной деятельности и способствовало выходу скотоводства из кризисного состояния» [391, с.18]. В работе отмечен факт заимствования у русских крестьян практики сенокошения

[391, с. 22]. Земледелие на рубеже XIX - начала XX вв., по утверждению исследователя, «перестало представляться второстепенным занятием» в хозяйстве казахов. Однако сложно согласиться с таким утверждением автора и считаем, что вплоть до насильственной коллективизации в 20-30-е гг. XX века кочевое скотоводство оставалось основным и преобладающим видом хозяйственной деятельности казахов, а земледелие носило вспомогательный характер в экономике. По утверждению Н.Н. Сороки, администрация царской России была заинтересована в интеграции коренного население Казахской степи в «общеимперское экономическое пространство» в результате переселения крестьян в Казахстан [391, с. 21]. Основная цель правительства аграрный вопрос, нехватка земель в европейской части Российской империи для бывших уже крепостных крестьян, а также сырьевая направленность Казахстана об интеграции не было и речи. По утверждению Н.Н. Сороки казахов «устраивало» зарождавшееся земледелие, которое можно было сочетать с полукочевым хозяйством [391, с.23], не соответствует реальности. Конфискации пастбищных угодий «и вытеснение казахов в иные климатические полосы со скудной растительностью и отсутствием водоисточников» привело к кризису производства [391, с.23]. В целом работа Н.Н. Сороки показывает мероприятия царской администрации с положительной стороны и ее переселенческую политику.

К.А. Жиренчин - правовед, специализирующийся на истории права, рассматривал Казахстан в период царизма, затронул структуру политической организации казахов, социально-экономическое развитие, административно-территориальное устройство. На основе детального изучения архивных материалов исследователь рассмотрел административно-территориальные реформы, проведенные царской Россией в Казахстане. К.А. Жиренчин писал об изменениях направления политики царских властей со второй половины XIX века в колониальную сторону. Объявив земли Казахстана государственной собственностью, царские власти продолжили более активную колонизацию земель [392, с.82].

Анализируя реформы 80-х годов XIX века, К.А. Жиренчин дает оценку последствий новшеств на кочевое общество казахов. По его мнению реформы способствовали развитию капиталистических отношений и разрушению старых феодально-патриархальных пережитков [392, с. 83]. Рассуждая о трансформации кочевого хозяйства и влиянии на нее реформ, исследователь видит их положительные последствия для Казахстана.

Некоторые исследователи отмечают изменения в численности видового состава животных проявлявшиеся в росте численности мелкого рогатого скота, крупного рогатого скота и уменьшения численности лошадей, верблюдов. К. Кусаинов [393, с.12] и Ф. Мийманбаева [394] связывают сокращение поголовья скота с сокращением пастбищных территорий, нарушением радиуса кочевания и проникновением торговых отношений.

М.Ж. Абдиров в одной из своих работ, относительно изменений в скотоводстве казахов, трансформационные последствия видит в строительстве

укреплений и казачьих станиц, которые привели к стеснению казахов в пастбищных угодьях [395, с.209]. Автор приводит отрывок из комиссии Щербина, относительно альтернативы переселения русских крестьян-земледельцев в казахскую степь, где кочевники под натиском переселенцев не выдержат конкуренции [395, с. 214]. Тем самым М.Ж. Абдиров хотел показать отношение царских властей к скотоводству и под натиском переселенцев модернизировать традиционное хозяйство казахов.

В монографии М.Ж. Абдирова и З. Актамбердиевой «Семиреченское казачье войско» основным вопросом в деле военно-казачьей колонизации Жетысу был аграрный вопрос и мероприятия по хозяйственно-экономическому освоению региона. Эти мероприятия начались сразу же по мере военного и политического утверждения в крае власти царизма [396, с. 107], что конечно же не могло не отразиться на традиционном укладе хозяйства коренного населения и вызывало непримиримые противоречия между казахами и казаками.

Исследователи в выводах своей работы отмечают, что «Царское самодержавие поставило перед собой стратегическую цель: разрушить полностью экономическую жизнь казахов» [396, с. 159]. За этой стратегической целью стояли важные политические и экономические интересы России.

Г.С. Султангалиева на основе сравнительного анализа мероприятий российского правительства показала трансформационные процессы в хозяйствовании башкир, татар и казахов [397, с.70-102; 398, С.183-187.; 399, с. 32-36]. Г.С. Султангалиевой был рассмотрен земельный вопрос кочевых народов (башкир и казахов), прослежен процесс правительственных мер по поощрению земледелия и оседлости. По утверждению автора, принятые «законодательные акты и распоряжения второй половины XVIII - начала XX вв. свидетельствуют о проводимой им тогда политике поощрения перехода казахов к оседлости» [397, с. 72; 398, с.184]. В более позднее время «с середины 30-х гг. XIX в. правительство стало проводить политику торможения оседания казахов», чтобы увеличить продажу хлеба в степь [397, с.72; 398, 184]. Вмешательство в хозяйственную жизнь кочевников, а именно предоставление во второй половине XIX в. различных льгот казахам при переходе к оседлости, по мнению Г.С. Султанагалиевой, было связано напрямую с политическими целями властей [397, с.76; 398, с.184]. После завершения присоединения Казахстана к России переход кочевников к оседлости начал приобретать большое значение в связи с тем, что он давал возможность заселить регион русскими переселенцами [397, с.76; 398с. 185-186]. В результате реформ 60-х гг. XIX в. «была создана правовая основа для колонизации казахских земель» [397, с.76]. С введением новых форм землевладения и землепользования «среди обедневших казахских родов» казахи стали оседать и заниматься земледелием [397, с.77]. Кочевники к земледелию относились с пренебрежением, оно «воспринималось как результат социального падения, бедности», при благоприятной обстановке они старались вернуться к традиционному хозяйству [398, с.186]. Для кочевников земля имело опосредованное значение, нежели скот, который был главным богатством [398,

с.186]. Земледелие развивалось в приграничных землях под воздействием русских, башкир и татар, особенной активности оно достигло в период 70 - 80-х гг. XIX века, а к концу XIX в. происходит рост земледельцев среди казахов [397, с.77]. Все реформы, принятые русским правительством с середины XIX - начала XX в. привели к массовому обезземеливанию и разорению кочевников, в результате чего казахи вынуждены были искать подспорье в земледелии, в случае неудач они стали наниматься в работники (отходничество), занимались сенокошением, жатвой хлеба в основном в хозяйствах, близких по языку и вере [397, с.78, с.91]. В заключение Г.С. Султанагалиева пишет, что в XIX веке переход к оседлости среди казахов «не имел больших масштабов», что перевод кочевников к оседлости «завершился только в 30-х годах XX в.» [398, с.186].

З.Т. Садвокасова, раскрывая суть колониальной политики царизма, видела в захвате земель казахов, тем самым власти оставляли население без пастбищных угодий, что приводило к росту нищих [400, с. 230]. Тяжелое положение коренного населения стало причиной прямого влияния реформ царизма. Кочевое скотоводство имело натуральный характер ведения хозяйства, которое было приспособлено потребностям населения. Однако со второй половины XIX века под влиянием политики царской России было положено начало трансформационным процессам в традиционном хозяйстве.

М.Ж. Абдиров считает, что царская власть использовала казаков как военную силу для продвижения более активной политики - завоевания земель и закрепления влияния России. В начале политика властей по отношению к казахам со стороны администрации более или менее мирной, впоследствии стала усиливаться в сторону ужесточения [395].

На основе материалов XVIII - первой половины XIX вв. развитие скотоводческого хозяйства зависело от двух факторов: первое природных, и второе от политических [401]. На основе анализа источников, описывающих экономику региона в XVIII – первой половине XIX веков, с предыдущим периодом кочевое скотоводческое хозяйство было напрямую зависимым от природно-климатических условий и политических факторов.

Хозяйство степи в XVIII – первой половине XIX вв. развивалось на основе торгово-рыночных отношений, т.е. направленность скотоводческого хозяйства напрямую зависела от спроса на рынке с развитой экономикой Российской империи. Внешними признаками трансформационных процессов проявлялся в земельных отношениях кочевых общин, и нарастающем процесс оседания [401].

В статьях «Культурно-исторические инновации в традиционной системе скотоводческого поселения казахов середины XIX века» и «Традиционная система скотоводческого поселения казахов (в историческом развитии)» С.Е. Ажигали проследил генезис поселений кочевников и затронул проблему трансформации в хозяйстве казахов [402, с. 133-152; 298, с. 143-190]. С.Е. Ажигали считает середину XIX в. периодом историко-культурного «перелома», именно в это время, по его мнению, происходят значительные изменения в

структуре кочевого хозяйства, которые повлияли на казахов-кочевников, перешедших к полукочевому типу скотоводства [402, с.133; 403, с.67].

С середины XIX в. у кочевников-казахов появились осенние стойбища с полустационарными и стационарными поселениями, на которых «…развивалось сенокошение и отчасти земледелие» [298, с. 171]. Модернизация жилища казахов - один из признаков трансформационных процессов в кочевом обществе под воздействием царской России, хотя, по мнению автора, «… формы стационарных поселений у скотоводов Казахстана развивались издревле» [298, с. 172].

Главной предпосылкой появления оседлых поселений у кочевников, по мнению С.Е. Ажигали, был «…фактор общеполитической стабильности, который последовательно утверждался с середины XVIII в. и под воздействием которого складывалась устойчивая пастбищно-кочевая система» [298, с. 172]. Для упорядочивания земель в Казахстане власти предпринимают административно-территориальные реформы в Среднем и Младшем жузах. В первой половине XIX в. земли были «распределены между казахскими родами, подразделениями и общинами», - отмечает С.Е. Ажигали [298, с. 172]. Имелись случаи, когда пастбищные угодья некоторых районов «определялись отдельными указами» [298, с. 172]. Здесь, скорее всего, идет речь о приграничных территориях и землях для строительства крепостей.

Российские власти не были заинтересованы в выдаче земельных участков в частную собственность, однако выдача в некоторых случаях «…способствовала обустройству верхушкой казахского общества капитальных усадеб, ставок и т.д. …», - заключает С.Е. Ажигали [298, с. 172-173]. Это было связано с тем, что властям было выгодно прикрепить кочевников к земле для более эффективного сбора налогов с населения и управления им.

Исследователь связывает рост стационарных поселений середины XIX века «… с внутренними процессами развития казахского общества» и появлением (нового социального слоя – А.И.) жатаков и егинши [298, с. 173; 402, с.137]. С.Е. Ажигали считает, что в этот период произошел прирост «жатаков, егинши», которые были не востребованы в традиционном скотоводческом хозяйстве [298, с. 173; 402, с.137], они характеризуются как бывшие скотоводы, лишившиеся скота и перешедшие в полуоседлых «…а затем и оседлых жителей», которые занимались «сенокошением, земледелием, охраной угодий и зимовок» [298, с. 173; 402, с.137]. Прирост населения и поголовья скота приводил к сокращению пастбищных земель и повышал роль зимних пастбищ в хозяйствах, на которых строились стационарные стойбища для закрепления территории за собой, - отмечает С.Е. Ажигали [298, с. 173; 402, с.137-138]. Под воздействием внешних и внутренних факторов в казахском традиционном обществе выделяется новая социальная структура – егинши и жатаки, которая начала активно заниматься оседлым хозяйством, чтобы выжить при сложившихся условиях в стране.

Появление стационарных поселений С.Е. Ажигали связывает с сенокошением [298, с. 173; 402, с.137]. Сенокошение во второй половине XIX

века давало возможность полустойлового содержания части скота в зимнее время, что послужило началом становления оседлости [298, с. 173; 402, с.137].

Со второй половины XIX в. происходят культурно-исторические последствия: строительство стационарных зимовок и распространение полуоседлого хозяйства [402, с. 148]. Такое положение было характерно не на всей территории Казахстана, так, стационарные поселения существовали до XIX века в маргинальной зоне Южного Казахстана, «а также своеобразной культурно-экологической нише Жетысу», что свидетельствуют данные археологов и этнографов [403, с.68]. Для большинства казахов-скотоводов «до середины XIX века основой зимнего жилья» была юрта «в совокупности с переносными разборными загонами» [403, с. 68]. Видимые изменения в традиционном хозяйстве казахов происходят «в связи с началом перехода к полуоседлости» [404].

Как утверждает автор, процесс трансформационных процессов «в культурно-историческом масштабе…был вполне закономерным, позитивным», достаточно плавным, не разрушающим «устоев скотоводческого хозяйства и традиционно-бытовой культуры» [298, с.148; 403, с.70]. Начало XX в. характеризуется резким переходом от полукочевого к оседлому хозяйству, насильственный перевод населения к оседлости в 20-30-е гг. XX в. привели к негативным последствиям, к кризису «традиционных (исторических) основ культуры, национального языка, менталитета, физическим жертвам» [298, с.149; 403, с.71].

Японский ученый У. Томохико кратко описал положение казахов в дореволюционный период, он оценивает этап царского самодержавия как переходный, так как именно тогда земледельческое хозяйство начало проникать в среду приграничных кочевников и далее в глубь где возникали оседлые поселения казахов и кыргызов. Однако масштабной оседлости среди кочевого населения не наблюдалось [405, с.194].

Царское правительство поощряло оседлость среди кочевников, но в отношении кочевых народов действий по этому поводу не предпринимало. [405, с.195]. В столыпинский период власти активизировала свои действия по осуществлению перевода кочевников к оседлости «только на основе прошений самих кочевников» [405, с.195].

Многие дореволюционные исследователи считают, что царские власти изымали наиболее плодородные пастбища у автохтонного населения на «законных» основаниях и даже земли «…где земледелие невозможно было без искусственного орошения», - пишет А. Рахимбекова [406, с. 124]. После заселения переселенцев в степь нарушились традиционные кочевые маршруты, так как поселки русских переселенцев находились на путях перекочевок.

Власти России своими методами в реализации политики в Казахстане разрушали традиционный уклад казахов и препятствовали сохранению кочевого хозяйства [406, с. 124-125].

К. Кусаинулы, раскрывая процесс развития и становления Туркестанского края в период колонизаторской политики России, уделил

проблеме трансформационных процессов целую главу под названием: «Последствия завоевания Казахстана царской Россией» [407, с.55-104].

На рубеже XIX-XX вв. в южном регионе Казахстана, а именно Туркестанский регион (Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях) до 1905 года был закрыт для переселения крестьян, отмечал К. Кусаинулы [407, с.60].

В начале XX века царское правительство открыло путь для переселения крестьян из внутренней России в Туркестанский край, преследуя цель успокоить и отвлечь от революционных проблем население [407, с.61]. В Туркестанском крае были выделены для переселенцев два района Семиреченский и Сыр-Дарьинский [407, с.61-62].

Правительству Российской империи нужно было как можно быстрее заселить крестьян и выдать им пахотные земли. При переселении русских крестьян в Туркестанский край властями было организовано межведомственное совещание по землеустройству казахов во главе с тайным советником Лыкошиным, по которому пришли к следующему заключению: «переселенческое движение есть процесс стихийный, не поддающийся ни административным, ни законодательным запретам и приостановить нельзя» [407, с.65]. Власти не утруждали себя статистическими и агрономическими обследованиями для установления норм при изъятии пастбищных угодий для кочевого и полукочевого населения [407, с. 65-66]. Изъятию подлежали практически все пастбищные земли кочевников-казахов, кроме пастбища с зимними жилищами, «…колодцами, искусственными насаждениями, кладбища, караванные и скотопрогонные дороги, необходимые как для передвижения переселенцев, так и для государственных официальных целей» [407, с. 66-67].

Из сведений, данных К. Кусаинулы, мы видим бесцеремонность, необдуманность царских властей в проводимой переселенческой политике в Туркестанском регионе и так и во всех частях Казахстана. Последствием таких мероприятий стала вынужденная трансформация традиционного скотоводческого хозяйства и других сфер жизни коренного населения.

В регионе процветало взяточничество, земли, изъятые у казахов раздавались произвольно, «передавались не безземельным переселенцам, а захватывались в значительной части кулацкими элементами, которые имели возможность подкупить переселенческих чиновников» [407, с.73]. Столь непродуманная и агрессивная политика царских властей для казахов, веками ведших кочевое скотоводство, получили большой психологический удар, казахи стали массово откочевывать «в пределы Китая», заключает К. Кусаинулы [407, с.91]. Казахам пришлось в знак протеста откочевать со своей исконной Родины в зарубежные страны, где и по сей день живут.

Среди захватчиков земель были люди, которые не собирались заниматься обработкой земли, а использовали землю путем сдачи в аренду превращая земли «в бесплодную пустыню» [407, с.93].

Кризис переселенческой политики, по свидетельству автора, настал в 1910-1914 гг., и ухудшился в годы мировой войны [407, с.96]. Последствием колониальной политики в Туркестанском крае была вынужденная миграция 300

тысяч казахов, «четверть коренного населения Казахстана» в Западный Китай так как, «аулы были уничтожены, земли проданы царским колонизаторам-казакам, крестьянам, офицерам запаса и мещанам…» [407, с.97].

В заключение К. Кусаинулы делает небольшой вывод, что с ликвидацией Казахского ханства в регионе наступила «трагическая эпоха» когда власти начали насаждать искусственно, чтобы переустроить быт кочевников и перевести к оседлости, не учитывая мнения коренного населения, опираясь на сугубо личные убеждения властей [407, с.106].

Следующим исследователем, который затронул проблему оседания казахов на примере Западного Казахстана, был Д.Я. Фризен [408-412]. Как и все ученые, он показывает три основных фактора, повлиявших на трансформацию традиционного хозяйства казахов: 1. экономический (рост торговли, капиталистические отношения); 2. переселенческая политика России (прирост оседлого населения, изъятия пастбищ и расширение земледелия); 3. адаптация части коренного населения к сложившимся условиям, и определенная выгода некоторым хозяйствам. Д.Я. Фризен констатирует факт постепенного формирования смешанных форм скотоводческо-земледельческих хозяйств в регионе [411, с.201; 410, с. 54-56; 408, с.12]. Политические, социально-экономические факторы повлияли на процесс постепенного перехода к оседлости части казахского населения [410, с.54]. По утверждению исследователя, процесс перехода к оседлости был длительным, так как кочевничество было довольно устойчивым к внешним воздействиям; казахи, если и «переходили к оседлости, и то небольшими группами» [411, с.197]. По причине земельных изъятий кочевой образ жизни был ограничен в пастбищных угодьях, что приводило «к кризису кочевничества и соответственно к оседанию» [410, с.56], а также истощению и опустыниванию земель [408, с. 12].

В начале XX в. в результате роста переселения русских крестьян в степь происходит «деформация традиционной хозяйственной структуры» [408, с.11]. Несмотря на сложившиеся обстоятельства традиционный уклад преобладал в регионе; из-за аграрных реформ казахам, чтобы закрепить за собой землю, пришлось вынужденно переходить к оседлости [408, с.13-14, с.16-17].

По мнению известного казахстанского номадолога Н.Э. Масанова, присоединение Казахстана к России не повлияло на кочевой образ жизни. Курс царской России был направлен сначала на сохранение скотоводства в регионе, а со второй половины XIX века на оседание казахов. По свидетельству Н.Э. Масанова, мероприятия по «добровольному оседанию», не связаны с мнимым дореволюционным оседанием номадов [52, с. 516]. До 30-х гг. XX в. «не приходится всерьез говорить» о стихийном оседании казахов [52, с. 516]. Н.Э. Масанов отрицает массовость перехода кочевников к оседлости в царский период, если и встречались оседлые кочевники, то только на окраинах в маргинальных зонах [52, с. 516]

Как и многие исследователи, Н.Э. Масанов считает, что внедрение «государственно-административной системы управления» в степи давало

Российским властям возможность облагать налогом кочевое население [52, с. 520].

Поземельная политика царской России второй половины XIX - начала XX вв. основывалась на государственной собственности. Широкомасштабные изъятия наиболее плодородных пастбищных территорий на рубеже XIX - начала XX вв. связано со столыпинскими реформами, для расселения русских переселенцев, казачества, уйгур, дунган и др. [52, с. 523]. Изъятию подлежали наиболее плодородные для земледельческого ведения хозяйства земли в Северном, Восточном и Юго-Восточном Казахстане, в итоге была отобрана пятая «часть всех сельскохозяйственных угодий в Казахстане» [52, с. 523-524].

Н.Э. Масанов, касаясь трансформационных процессов хозяйства казахов вследствие изъятий и аренды земель царской властью, считал, что изъятия лишали казахов возможностью заниматься не только скотоводством, но и лишали предпосылок для развития земледелия в казахской среде [52, с. 524].

Опираясь на природно-климатические факторы Казахстана, так и отсутствие материальных, и социально-экономических стимулов, по мнению Н.Э. Масанова, вследствие изъятий плодородных пастбищных угодий в казахской степи было проблематично утверждать о занятии среди казахов земледелием, «и тем более тотальном оседании кочевников-скотоводов» [52, с. 524-525].

Со стороны царской администрации придерживались политики не вмешательства на систему внутреннего землепользования кочевников «… которое понималось как признание общинно-родового землевладения и норм обычного права при регулировании и регламентации межличностных отношений» [52, с. 525]. Но, несмотря на невмешательство в традиционном землепользовании казахов со стороны властей, они старались прикрепить кочевые общины к их «…территориально-административным звеньям» [52, с. 526]. Прикрепить кочевников к административно-территориальным границам не всегда было возможным, пишет Н.Э. Масанов так как выпас определялся в основном экологическими обстоятельствами, «…а не территориально-административными границами» [52, с. 526].

Основная цель властей перевести казахов к массовой оседлости и тем самым облегчить колонизацию Казахстана [52, с. 527]. Перевод к оседлости казахов в XVIII-XIX вв. не дал результатов, вследствие этого власти пересмотрели свою политику и новый курс по изъятию пастбищных угодий, а также массовое переселение русского крестьянства из европейской части Российской империи на рубеже XIX-XX вв. положив этим начало нового курса [52, с. 527-528].

Несмотря на изъятие земель, трансформации скотоводческого хозяйства не было, по свидетельству Н.Э. Масанова казахи по-прежнему занимались традиционным хозяйством, которое играло ключевую роль в их образе жизни [52, с. 530, 534]. Опираясь на экологическую концепцию, ученый делает следующий вывод, что сохранность кочевого скотоводческого хозяйства связана «…прежде всего, неизменностью морфологии и физиологии основных

средств производства – скота, а также земли, (подчеркнуто – А.И.) растительного покрова, водных и почвенных ресурсов и т.д. Тем более невозможно коренное преобразование материально-технической базы кочевого скотоводческого хозяйств в условиях аграрного доиндустриального общества, даже в рамках крупного централизованного государства» [52, с. 530-531].

Н.Э. Масанов считал, что методы ведения хозяйства с XX века на территории Казахстана привело к негативным экологическим последствиям [52, с. 531]. Кочевое скотоводческое хозяйство «Экологически детерминированная стратегия природопользования номадов вплоть до наших дней не имеет разумной альтернативы в освоении аридной зоны и, будучи максимально сбалансированной формой взаимодействия естественно-природных и социально-экономических факторов, не наносит ущерба окружающей среде. Вследствие этого кочевой способ производства и в составе Российского государства вплоть до 30-х гг. XX в. сохранил в полной мере все свои основные параметры функционирования и не претерпел сколько-нибудь значительных изменений в XVIII – начале XX в.», - отмечает Н.Э. Масанов [52, с. -531-532].

Им, верно было отмечено, что поземельная политика царизма в Казахстане была направлена на оседание кочевников [405, с. 261], но несмотря на это исследователь констатирует, «… что кочевой способ производства, … не претерпел каких-либо качественно значимых изменений в составе Российского государства» [52, с.534].

Г.У. Орынбаева в своих трудах затронула проблемы, связанные с изменениями в хозяйстве казахов аридных зон [414-416]. В работах были отмечены тенденция существования в аридных хонах Казахстана чисто кочевого скотоводческого хозяйства и появление в результате определенных факторов полукочевого скотоводства, для которого характерны кочевание в теплое время года, меньшая протяженность маршрута и перекочевок, появление не традиционного для скотоводства в стаде КРС, сочетание земледелия с скотоводством, сенокошение, наличие стационарного жилья и загонов для скота. Преобладание в хозяйстве земледелия или скотоводства зависело не только от природно-климатических условий, «но и социально-политических факторов» [414, с.342].

По мнению Г.У. Орынбаевой, трансформация была напрямую связана с курсом российской колониальной администрации в регионе, имела как негативные, так и позитивные последствия, особенно отрицательно отразилась аграрная политика – изъятие пастбищ, переселение крестьян что привело к сокращению маршрутов кочевания [414, с.342-343].

Г.У. Орынбаевой были отмечены следующие изменения в традиционном хозяйстве аридных зон Казахстана во второй половине XIX – начале XX вв.: сокращение ведения кочевого скотоводства в регионе, все большее распространение полукочевого хозяйства и полуоседлости с отгонно-стойловым содержанием скота [414, с.350]. На рубеже XIX - XX вв. под воздействием внутренних и внешних факторов широко распространяются сенокошение и земледелие, выводы автора основаны «сугубо на источниках»

исследуемого периода. Автором были выделены специфические особенности кочевого и полукочевого скотоводческого хозяйства второй половины XIX – начала XX вв., которые сложились в основном из-за сокращения территорий кочевания, а именно складывание полукочевого типа хозяйства. Причины, вследствие которых возникли некоторые особые черты полукочевого скотоводческого хозяйства, Г.У. Орынбаева видит в сокращении пастбищных территорий, в том, что происходит «укорачивание длины и площади кочевок», большее распространение КРС в видовом составе скота, «заготовка сена на зиму и др.», а также уменьшается численность скота и переход к земледелию [414, с.350; 416, с.122]. Но несмотря на эти изменения, в Адаевском, Казалинском, Перовском и др. уездах существовало кочевое скотоводство из-за природно-климатических особенностей [414, с.350; 416, с.122].

Г.У. Орынбаева выделяет два этапа, когда «происходит перелом в хозяйственном и жизненном укладе» казахов: первый этап начинается с 30-х гг. XIX в., тогда начинает распространяться сенокошение, земледелие и сокращение маршрутов кочевий; второй этап - «эпоха культурно-исторического перелома» с 80-х гг. XIX века и до конца 20-х гг. XX века [416, с.119].

С. Акимбеков в монографии «Казахстан в Российской империи», рассмотрел процессы модернизации в традиционном кочевом обществе в период с начала XVIII до революции 1917 года [417]. На рубеже XIX-XX вв. при сохранении «… традиционного образа жизни и общем отказе от модернизации земля в Казахской степи становилась легкодоступной для ее изъятия в интересах русских крестьян - переселенцев», - пишет автор [417, с. 408-409]. В 1906 году, по свидетельству С. Акимбекова, казахи находились в переходном этапе к оседлости [417, с. 425]. Процесс оседания, по утверждению исследователя шел неравномерно, земледелие в хозяйстве казахов не имело в Казахстане приоритетное положение, но являлось дополнением к доходам коренного населения [417, с. 425-426]. По утверждению исследователя, «…появление европейцев в Азии, очевидно, вело к модернизации традиционного образа жизни» [417, с. 500-501].

В совместной статье Н. Алимбая и Г.У. Орынбаевой «Традиционный казахский аул в трудах российских ученых (конец XIX-начало XX вв.)» на основе анализа историографии авторы приходят к заключению, что автохтонное население подвергалось трансформации, но несмотря на это казахи жили «в системе прежних кочевых родовых общин, сумев адаптировать … реформы под свою жизнь» [418, с.339]. Изменения коснулись и культуры питания казахов, постепенно в степи стали сеять хлеб, возросла роль земледелия, сенокошения и промыслов [418, с.339].

Н. Алимбай и Г.У. Орынбаева, ссылаясь на «Материалы по киргизскому землепользованию», вкратце проследили процессы адаптации и трансформации казахов на рубеже XIX-XX вв. Так, авторами были рассмотрены Омский, Атбасарский, Кустанайский, Каркаралинский, Чимкентский, Аулиеатинский, Казалинский уезды [418, с.341-344]. Трансформация хозяйства и жизнедеятельности казахов каждого уезда имела свои особенности,

отразившиеся на уровне развития земледелия в том или ином уезде, разнообразии в типах хозяйств (оседлое, полуоседлое, кочевое), т.е. в появлении смешанного типа хозяйств, изменений в видовом составе скота (стали содержать КРС), размера стада, по владению и пользованию землей (личной, общинной) [418, с.341-344]. При кочевом скотоводческом хозяйстве население меньше занималось земледелием, промыслами и различными заработками, строительством стационарных жилищ для зимовки [418, с.341-344]. Целесообразно поделить уезды на две группы: «чисто» кочевые скотоводческие (к ним относились Омский, Атбасарский, Кустанайский, Каркаралинский уезды), и хозяйства смешанного типа в Чимкентском, Аулиеатинском, Казалинском, где наиболее наглядно прослеживаются значительные трансформационные процессы [418, с.341-344].

Таким образом, на основе анализа современной историографии можно сделать выводы, что в историографии большинством исследователей трансформационные процессы в скотоводстве казахов характеризовались в основе своей с негативной точки зрения. Реформы, проводимые российской администрацией в Казахстане, несли в себе основную цель как можно быстрее колонизовать регион с большей пользой для Российской империи. Все проводимые мероприятия были разработаны в разные периоды, результатами которых должны были стать: 1) перевод казахов к оседлости, 2) решить земельный голод в европейской части России, 3) ввести всеобщий налог для пополнения казны, 4) сохранить безопасность границ российской империи и т.д. По сравнению с насильственной советской коллективизацией в Казахстане 30-х гг. XX в., царские мероприятия были относительно мирными. Проблема трансформации скотоводства XVIII- начала XX вв. в Казахстане актуальна, на основе современных подходов применяемых учеными нужно исследовать без предвзятости и идеологического давления. По нашему мнению, в наш хронологический период Российскими властями были заложены основы для внедрения в Казахстане земледелия и оседлости, хотя процесс трансформации не так ярко проявлялся в начальный период, а со второй половины XIX века тенденция достигло активной фазы вплоть до 1917 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационном исследовании был проведен анализ теоретико – методологической проблематики в научных исследованиях традиционного хозяйства казахов XVIII – начала XX вв. Историографический характер работы предполагает, что источниковую базу работы составляют, прежде всего, научные изыскания отечественных авторов. Но использование системного подхода как одной из методологических основ диссертации предполагает, что традиционное хозяйство казахов XVIII – начала XX вв. является подсистемным элементом в иерархической системе номадизма как такового вообще и кочевничества аридных зон Евразии, что в свою очередь, обусловливает наличие общих черт для региональных подсистем номадизма и общей теоретико – методологической проблематики в их изучении, что объясняет широкое привлечение докторантом трудов советских и зарубежных ученых.

При изучении традиционного хозяйства казахов возникает ряд теоретико-методологических и конкретно-научных проблем, решение которых представляется достаточно спорным, носящих дискуссионный характер вплоть до настоящего времени. Предметом нашего исследования стали спорные проблемы казахского кочевого скотоводства дореволюционного периода, а именно, вопросы о типе хозяйства казахов, соотношении в нем скотоводства и земледелия, трансформации скотоводства, вопросы собственности.

Кроме того, отказ от формационного подхода актуализировал вопрос о методологических основах этнографического изучения, что, естественно, побудило нас обратить внимание на сложившиеся ранее на Западе методологические подходы.

На основе проведенного проблемно-хронологического анализа теоретико – методологической проблем, связанных с традиционным хозяйством казахов, докторант пришел к следующим выводам.

Прежде всего, обращает внимание недостаточная разработанность научно-понятийного, категориального аппарата, выраженного в терминах, имеющих одно единственное значение. Спорным продолжает оставаться и определение самого понятия «кочевничество». Разброс мнений относительно этого понятия широк: от представления о кочевничестве как бродячем образе жизни до определения его как особой формы хозяйственной деятельности, при которой кочевой образ жизни является ее следствием.

Особый интерес вызывает определение понятия «традиционное хозяйство». Большая часть ученых, определяющих кочевничество через присущий ему тип хозяйственной деятельности, характеризуют «традиционное хозяйство» как особый вид производящей экономики, при которой преобладающим занятием является экстенсивное кочевое скотоводство. Другие авторы не приемлют представления традиционного хозяйства как некоего набора хозяйственных традиций, представляя его как «целостную систему взаимодействия и взаимодополнения различных видов производственной деятельности, но жизнедеятельность, которой детерминировалась ведущей отраслью хозяйства – кочевым скотоводством» [52, с.295; 185, с.43, 55].

Совершенно иной подход предлагает Н. Алимбай, который также против «хоздетерминистского» представления о номадизме, который он считает особым типом социальности [193, с.19, 26].

В советской историографии выделяются два подхода классификации типологии: 1) по характеру содержания скота и способу выпаса (Л.М. Зальцман и др.), позднее сторонниками данной типологии были внесены свои вариативные особенности; 2) в разделении скотоводческих хозяйств по образу жизни на кочевые, полукочевые / полуоседлые и оседлые, здесь также не имелось абсолютного единства взглядов. В 80-е гг. XX в. Г.Е. Марковым была инициирована дискуссия, чтобы создать общепринятую классификацию типологии скотоводства на страницах журнала «Советская этнография» не привела к единомыслию (В.М. Шамиладзе, Г.Н. Симаков, Б.В. Андрианов). После окончания дискуссии Г.Е. Марковым была сделана попытка создать новую классификацию с учетом всех замечаний, высказанных в период дискуссии, а именно иерархическую систему, основанную на общих критериях классификации, которые могут быть применены к скотоводческим хозяйствам разных стран, не встретила поддержки.

Исследователи в научных изысканиях относительно унифицирования дефиниций и типологии скотоводства, считают вопрос давно назревшим. При разработке данной теоретической проблемы нужно учитывать следующие аспекты: маршруты кочевий, региональный, природно-климатические условия, видовой состав скота, его численность и др.

Таким образом, разработка типологии скотоводческого хозяйства в научной литературе до сих пор остается дискуссионной проблемой, хотя отечественные исследователи традиционно единодушно разделяют классификацию в которой представлено три типа скотоводства: кочевой, полукочевой (полуоседлый) и оседлый.

В историографии относительно собственности у кочевников существуют множество взглядов в зависимости от периода изучения:

1) в дореволюционной литературе исследователи выделяют общинно-родовую собственность на скот, точка зрения относительно земельной собственности у кочевников большинство ученых единогласно отмечают ее отсутствие (т.е. в общинно-аульном распоряжении);

2) советскими учеными на основе феодальной концепции стали выделять собственность на землю и скот. Согласно данной концепции в условиях кочевого хозяйства существовала своеобразная форма присвоения земли (пастбища), в виде феодального права распоряжения пастбищами, которое по существу являлось правом собственности на землю хана, султанов и других феодалов. При дальнейшей разработке феодального развития кочевников среди ученых возник спор, который не привел к единому мнению.

3) современные ученые конца XX - начала XXI вв. выделили три составляющих, на которых базировалось традиционное скотоводство: водные источники, пастбища (земля) и скот, которые вызвали неоднозначную дискуссию в среде обществоведов. Большинство ученых придерживается

мнения, что скот находился в частной семейной собственности, а пастбища - в общинной собственности, где действовал принцип первозахвата. Третий вид - водные ресурсы были доступны всему роду, кочующему на пастбищах. Исследователи приходят к выводу, что до начала присоединения Казахстана к России земля не была законодательно закреплена в собственность.

Основываясь на анализе историографии наиболее логично выделить общинную собственность на пастбища, и частно-семейную (родовую, племенную) собственность на скот.

Относительно трансформации в традиционном хозяйстве казахов, в историографии существует несколько теоретико-концептуальных подходов: поссибилистский, геодетерминистский, эволюционный и цивилизационный.

Установление окончательной верховной власти царизма в Казахстане, изъятие земель, лучших пастбищных угодий, летовок и зимовок усугубляло положение полноценного кочевого хозяйства, нанося не только серьезный ущерб скотоводству края, но и всей традиционной системе жизнеобеспечения казахов, ставя его в узкие рамки нормального существования.

Царское правительство, вводя в казахской степи реформы, приводит к тому, что коренное население начинает приспосабливаться к новой системе управления, которое отразилось на социальной структуре казахского общества. В историографии были выделены изменения традиционного мышления номадов, пищи, и хозяйства. Постепенно в казахскую степь проникает: сенокошение, земледелие (переход казахов к полуоседлости и частичной оседлости), стационарное жилье и стойбища для скота. В историографии существует этапы перехода кочевников к земледелию, наиболее выраженным для трансформации хозяйства казахов исследователи единогласно считают период с середины XIX – начала XX вв., где окончательный переход к оседлости был в 1920-1930-е гг.

Трансформация хозяйства казахов проявилась в следующем:

►, во-первых, изменения коснулись видового состава скота (содержание скота было направлено на обеспечение спроса);

►во-вторых, сократилось поголовье скота (вследствие территориально-административных реформ и переселенческой политики);

►в-третьих, появление сенокошения стало одним из методов приспособления кочевника и его выживания в условиях колонизации степи (строительство в приграничных с Россией казахских землях военных укреплений и влияние русских крестьян);

►в-четвертых, частичный переход казахов к земледелию также стал мерой выживания номадов в сложившихся условиях;

►в-пятых, в преувеличении дореволюционными и советскими исследователями массовости перехода к оседлости среди казахов.

Таким образом, традиционная структура казахов постепенно претерпевает изменения, складывавшиеся веками методы ведения кочевого скотоводства, приспособленные к природно-климатическим условиям Казахстана, трансформируются, что отчетливо прослеживается в

исследованиях. Царское правительство, вводя в казахской степи реформы, приводит к тому, что коренное население начинает приспосабливаться к новой системе управления, которое отразилось на социальной структуре казахского общества. Отчуждение казахов от своих земель в пользу государства, строительство военных линий, дефицит зимних пастбищ, зачатки развития рыночных отношений в степи постепенно рушат устоявшиеся традиционные устои казахов.

Иными словами, установление окончательной верховной власти царизма в Казахстане, изъятие земель, лучших пастбищных угодий, летовок и зимовок усугубляло положение полноценного кочевого хозяйства, нанося не только серьезный ущерб скотоводству края, но и всей традиционной системе жизнеобеспечения казахов, ставя его в узкие рамки нормального существования.

Мнение советских исследователей о массовости перехода кочевников в дореволюционный период, по нашему мнению, было связано с насильственной коллективизацией в Казахстане в 1920-1930-х гг., чтобы показать, что кочевники перешли к оседлости еще в царский период и никакой насильственной коллективизации не было.

Большинство современных исследователей трансформационные процессы в скотоводстве казахов характеризуют в основе своей с негативной точки зрения. Мероприятия, проводимые российской администрацией в Казахстане, имели своей основной целью, как можно быстрее колонизовать регион с большей пользой для Российской империи. Все проводимые реформы были разработаны в разные периоды, результатами которых должны были стать: 1) перевод казахов к оседлости, 2) решение земельного голода в европейской части России, 3) введение всеобщего налога для пополнения казны, 4) сохранение безопасности границ Российской империи. По сравнению с насильственной советской коллективизацией в Казахстане в 30-е гг. XX в. царские мероприятия были относительно мирными.

Проблема трансформации скотоводства в XVIII - начале XX вв. в Казахстане остается актуальной. В настоящее время ученым нужно исследовать проблему модернизации традиционного хозяйства казахов на основе современных методологических подходов, применяемых без предвзятости и идеологического давления. По мнению автора диссертационного исследования, российскими властями были заложены основы для внедрения в Казахстане земледелия и оседлости, хотя процесс трансформации не так ярко проявлялся в начальный период, а со второй половины XIX в. тенденция достигла активной фазы вплоть до 1917 г.

Таким образом, теоретико-методологические вопросы традиционного хозяйства казахов XVIII- начала XX вв. требуют дальнейшего специального углубленного объективного исследования каждой проблемы в новых исторических условиях, условиях отсутствия идеологического диктата конечно, опираясь на интеллектуальный опыт предыдущих поколений исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Акинер Ш. Формирование казахского самопознания. От племени к национальному государству. – Алматы: Ғылым, 1998. – 136 с.

2 Таиров А. Материалы и исследования по культурному наследию Том VIII. Ранние кочевники Жайык-Иртышского междуречья в VIII–VI вв. до н. э. – Астана: Қазақ ғылыми-зерттеу мәдениет институтының баспа тобы, 2017. – 392 с.

3 Иманбекова А.А. К проблеме традиционной хозяйственной деятельности казахов // Вестник КазНУ (серия историческая) издательство: «Қазақ университеті», 2013 г. - № 4 (71). - С. 125-131.

4 Марков Г.Е. Кочевники Азии. - М.: Изд. Московского университета, 1976. - 319 с.

5 Марков Г.Е. Теоретические проблемы номадизма в советской этнографической литературе // Историография этнографического изучения народов СССР и зарубежных стран. - М.: МГУ, 1989. - С. 54 -75.;

6 Марков Г.Е. Из истории изучения номадизма в Отечественной литературе: Вопросы теории // Восток. - 1998.- №6.-С.109-123.

7 Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. - Алма-Ата: Наука КазССР, 1966. - 322 с.; Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. - Астана: Алтын кітап, 2007. – 551 с.

8 Дахшлейгер Г.Ф. Историография Советского Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1969. – 210 с.

9 Дахшлейгер Г.Ф. Оседание и традиционные социальные институты бывших кочевников (на примере казахского народа) // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Чикаго, сентябрь, 1973 год, доклады советской делегации. М.: Наука, 1973. -Т.1.

10 Дахшлейгер Г.Ф. Некоторые проблемы историографии кочевниковедения и оседания кочевников и полукочевников в СССР // Вопросы истории Казахстана. – Алма-Ата, 1983. - С. 48-56.

11 Дулатова Д.И. Историография дореволюционного Казахстана (1861-1917 гг.). – Алма-Ата: Наука, 1984. - 272 с.

12 Кожкенов С.А. Роль научных дискуссий в 20-30-х гг. в становлении исторической науки в Казахстане: автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Алматы, 1993. -26с.

13 Мансурова Ж.Ю. Хозяйство Младшего и Среднего жузов во второй половине XVIII – начало XIX в.: дисс. кан. ист. наук. - М., 1984. – 269 с.

14 Абилев А.К. Русская историография истории Казахстана XVIII - начала XX вв. Караганда, 1988. – с.86; Косанбаев С.К. История становления и развития этнографии Казахстана (XVIII – XX вв.) – Алматы, 2005. – с. 168; Рахимбекова Б.К. Проблемы истории Казахстана второй половины XIX-начала XX вв. в современной историографии (1985- 2000): автореф. канд. ист. наук 2001.

15 Алимбаев Н., Аргынбаев Х. Историко-этнографические проблемы дореволюционного Казахстана в историографии конца 30-50-х гг. // Вопросы историографии и источниковедения Казахстана: (дореволюционный период). – Алма-Ата: Наука, 1988. – С.87-133.
16 Алимбаев Н. Изучение истории Казахстана (историческая литература 20-х-середины 30-х гг.) // Историческая наука Советского Казахстана (1917-1960 гг.): Очерки становления и развития. – Алма-Ата: Гылым, 1990. – С.61-92.
17 Цинман М.З. Методологические проблемы типологии отношений собственности у кочевников. Научно-аналитический обзор. – Алма-Ата: Гылым, 1992. – 100 с.
18 Оразбаева А.И. Философия истории кочевого общества // Вопросы истории, историографии и этнологии Казахстана (Сборник молодых ученых). – Алматы, 1993. - Вып.5. – С. 43-45.
19 Оразбаева А.И. Кочевая культура и принцип «историзма» // Эволюция государственности Казахстана. (Материалы международной конференции, г. Алматы 3-5 апреля 1996 г.) – Алматы, 1996. – С.95-98.
20 Оразбаева А.И. Қазақстан тарихы және өркениеттілік теориясы // историческая наука в XXI веке. Материалы Бекмахановских чтений. 24-25 мая 2001 г. Ч.1. – Алматы, 2001. – С.21-26.
21 Оразбаева А.И. Из истории изучения теории цивилизаций // Вестник КазГУ: серия востоковедения. – 2003. - №2. – С.24-35.
22 Оразбаева А.И. Ұлттық өркениетнаманың кейбір мәселелері // Евразийство и Казахстан. Труды Международного Евразийского форума: Гумилевские чтения. Т.1. – Астана: ЕНУ, 2003. – С.144-148.
23 Оразбаева А.И. Категория «цивилизация» как историко-методологическая проблема // Вестник высшей школы. – 2003. - №3. – С.157-171.
24 Оразбаева А.И. Категория «цивилизация» как метод сравнительного анализа общественных систем // Поиск. – 2004. - №1. – С.139-146.
25 9. Оразбаева А.И. Цивилизация кочевников евразийских степей // Шыгыс. – 2004. - №1. – С.65-76.
26 Оразбаева А.И. Анализ цивилизационной характеристики традиционного казахского общества // Вестник КазНУ им.аль-Фараби: серия историческая. – Алматы, 2004. - №1 (32). – С. 3-8.
27 Оразбаева А.И. Некоторые проблемы теории цивилизации в казахстанской науке // Казахская цивилизация Университет Кайнар. - №1 (12). – 2004. – С.9-18.
28 Оразбаева А.И. Формационные и цивилизационные теории в изучении кочевых обществ // Вестник ЕГИ. – 2004. - №3.- С.12-19.
29 Оразбаева А.И. Значение степного механизма исторической преемственности в сложении социальной структуры традиционного казахского общества // Вестник КазНУ им.аль-Фараби: серия историческая. – Алматы, 2004. - №4 (35). – С.171-178.
30 Оразбаева А.И. Соотношение «формационного» и «цивилизационного» измерений исторического процесса // Материалы Международной

конференции «Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы». – Алматы: Дайк-Пресс, 2004. – С.238 – 257.
31 Оразбаева А.И. Теоретические вопросы цивилизационных основ казахской государственности // Казахская цивилизация Университет Кайнар. - №3 (19). – 2005. – С.27-36.
32 Оразбаева А.И. Цивилизация кочевников евразийских степей. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 310 с.
33 Оразбаева А.И. Формула государственности казахов. – М.: PRESS-BOOK.ru, 2017. – 316 с.
34 Ешмуратов А.К. История изучения института собственности в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX вв.): автореф. кан. ист. наук. - А., 2002. – 32 с.
35 Ешмуратов А.К. Дореволюционная историография феномена собственности в структуре кочевого хозяйства (вторая половина XIX и начало XX века) // Вестник КазГУ. Серия историческая. - Алматы, 1999. - № 11. - С. 13-22.
36 Ешмуратов А.К. Концепция доминанта собственности на землю (в советской историографии) // Вестник КазГУ. Серия историческая. - Алматы, 1999. -№ 15. - С. 21-27.
37 Ешмуратов А.К. Феодальная концепция собственности на скот в обществе казахов кочевников в советской историографии // Современные тенденции социогуманитарного знания: научно-образовательные аспекты: Материалы республиканской научно-теоретической конференции. – Караганда: КарГУ. - 2000. – С.394-401.
38 Ешмуратов А.К. Историография проблемы земельной собственности в казахском обществе второй половины XIX - начала XX вв. - Павлодар, 2003. – 104 с.
39 Раисов Д. Традиционное хозяйство казахов в исследованиях Х.А. Аргынбаева // Материалы республиканской научно-практической конференции «V Оразбаевские чтения», «Отечественная археология и этнология: исследования, открытия и интерпретации» 26-27 апреля 2013 г. – Алматы, 2013. – С.474-478.
40 Орынбаева Г.У. Историография изучения взглядов С.Е. Толыбекова на общественно-экономический строй кочевого общества казахов // Актуальные проблемы исторической науки Казахстана: Материалы международной научно-практической конференции (29-30 мая 2009) / Под ред. К.М. Байпакова. – Алматы, 2009. – С. 296-301.
41 Орынбаева Г.У. Общественно-педагогическая деятельность и научно-историческое наследие С.Е. Толыбекова: автореф... к.и.н.- Астана, 2010. – 25 с.
42 Есмагамбетов К.Л. Действительность и фальсификация: Англо-американская историография о Казахстане / К.Л. Есмагамбетов. - Алма-Ата: Казахстан, 1984. - 184 с.
43 Есмагамбетов К.Л. Что писали о нас на Западе? – Алма-Ата: Санат, 1992. - 150 с.

44 Есмагамбетов К.Л. Зарубежная историография истории Казахстана (с древнейших времен до начала 90-х гг. XX века): автореф. док.ист.наук. – А., 2000. – 49 с.; Есмагамбетов К.Л. Зарубежная историография истории Казахстана (с древнейших времен до начала 90-х гг. XX века): дис… док. ист. наук. Алматы, 1999. - 294 с.
45 Ерофеева И.В. Европейское Просвещение XVIII в. и становление научной историографии Казахстана (середина XVIII – первая половина XIX в.) // Вопросы историографии и источниковедения Казахстана: (дореволюционный период). – Алма-Ата: Наука, 1988. – С.50-86.
46 Несипбаева К.Р. Современная англо-американская историография русской экспансии и колонизации Центральной Азии и Казахстана: Дис… док. ист. наук. - Алматы, 1998. - 295 с.
47 Лурье С.В. Историческая этнология. – М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2004. – 624 с.
48 Лаумулин М.Т. История Казахстана и Центральной Азии в мировой ориенталистике (к 550-летию Казахского ханства). - Астана: КИСИ, Ч.II, 2015. - 592 с.
49 Лаумулин М.Т. История Казахстана и Центральной Азии в мировой ориенталистике (к 550-летию Казахского ханства). - Астана: КИСИ. - Ч.III, 2016. - 264 с.
50 Лаумулин М.Т., БейсембаевТ.К. Зарубежные исследователи Средней Азии и Казахстана (библиографический указатель). Алматы, 1994; Лаумулин М.Т. История Казахстана конца XIX -начала XX вв. в зарубежной историографии // Известия АН РК. Серия общественных наук. - 1992. - № 4. - С. 34-44.
51 Таштемханова Р.М. История изучения Казахстана в Германии (вторая половина XIXв.-1991 г.): Автореферат дис.д-ра ист.наук. - Алматы, 2005. – 54 с.
52 Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества. – издание 2-е, дополненное. – Алматы: Print-S, 2011. – 740 с.
53 Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). - Владивосток: Дальнаука, 1992. - 240 с.
54 Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 416 с.
55 Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Изд.3-е доп. – Алматы: Дайк - Пресс, 2002. -604 с.
56 Васютин С.А. Социальная организация кочевников Евразии в отечественной археологии: Автореф. дис. … канд. ист. наук. - Барнаул, 1998. - 23 с.
57 Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные исследования). – Барнаул: Изд. Алтайский университет, 2009. – 400 с.
58 Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч.1. - СПб., 1773.- 657 с.

59 Полное собрание ученых путешествий по России, т.7. Известия академика Фалька И.П. О Киргизской и Зюнгарской степи. - СПб.- 223 с.
60 Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов так же их житейских обрядов, веры, обыкновений, жилищ, одежды и прочих достопамятностей. О народах татарского племени. Переведено с немецкого. Печатано в СПб., 1776. - Ч. 2. –188 с.
61 Рычков Н.П. Топография Оренбургской губернии. – СПб., 1762 .- Ч.1.- 331 с.
62 Гавердовский Я.П. Обозрение Киргиз-кайсацкой степи (часть 2-я) или Описание страны и народа киргиз-кайсацкого. // История Казахстана в русских источниках XVII-XX веков. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. – Алматы: Дайк – Пресс, 2007. - Том 5. – 620 с.
63 Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей (под общей редакцией академика М.К. Козыбаева). – Алматы: Санат, 1996. – 656 с.; Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. - Ч.3.-1832.- 304 с.
64 Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника/ В.В. Радлов. – М.: Наука, 1989. –749 с.
65 Ерофеева И.В. Экономические связи Казахстана с Россией в русской историографии XVIII-первой половины XIX в. // Вопросы историографии Казахстана. Сборник Академии наук КазССР ИИАЭ им. Ч. Валиханова. – Алма-Ата. - С. 205-256.
66 Потанин Г.Н. Исследования и материалы // История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков. – Алматы: Дайк-Пресс, Т. 6. - 2006. – 600 с.
67 Щербина Ф.А. Материалы по киргизкому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. – Т.1-13; Щербина Ф.А. Киргизская народность в местах крестьянских переселений // На Сибирские темы / Под ред. М.Н. Соболева. - СПб., 1905. - С. 174.
68 Шкапский О.А. Переселенцы-Самовольцы и аграрный вопрос в Семиреченской области (Отчет чиновника по сельскохозяйственной и оброчной частям при Сыр-Дарьинском Областном Правлении О.А. Шкапского по командировки осенью 1904 г. в Семиреченскую область). – СПб.: Издание Переселенческого Управления, 1906. – 198 с.
69 Ажигали С.Е. О значении российских источников для казахской этнографии (из предисловия к изданию об обычаях и традициях казахов) // Лавровский сборник: материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008–2009 гг. – СПб., 2009. –№7-9. - С. 188–193.
70 Валиханов Ч.Ч. О кочевках киргиз // Соч.: 5 т.- Алма-Ата: Гл.ред.Каз. Сов.энцик., 1984.- т.4. – С. 105-109.
71 Бабаджанов Х. М.-С. Сочинения (Сборник статей, 1861-1871 гг.) / Составитель проф. Н.П. Ивлев. – Алматы: Санат, 1996. – 144 с.
72 Даулбаев Б.Д. Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области, с 1830 по 1880 год // Записки Оренбургского отдела

императорского Русского географического общества. – Оренбург: Типография Б. Бреслина, 1881. – Выпуск 4. – С. 98-117.
73 Чорманов М. Зимовки, или зимние кочевки киргизов// Семипалатинские областные ведомости. – 1871. - №37; Чорманов М. О скотоводстве у киргиз Западной Сибири// Сельское хозяйство и лесоводство. – 1883. - №1; Чорманов М. Заметка о киргизах Павлодарского уезда// Записки Западно-Сибирского отдела РГО, кн.32. – 1906.
74 Шорманов М. Казахские народные обычаи. 2-е изд. доп. – Астана: Алтын кітап, 2007. - т.4. – 128 с.
75 Букейханов А.Н. Киргизы // Избранное. – Алматы, 1995. – С.66-78.
76 Букейханов А.Н. Овцеводство в Степном крае// Избранное. – Алматы, 1995. - С.153-191.
77 Букейханов А.Н. Казахи: историко-этнографические труды. 2-е изд. Доп. - Астана: Алтын кітап, 2007. - Т.14. - 303 с.
78 Байтурсынов А.Н. Шаруашылық өзгерісі // Қазақ газеті. – Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1998.- Б.244-264
79 Дулатов М. Көшіп жүру керек деушілердің пікірі // Айқап. – Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1995.- Б.84-85
80 Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. – М., 1991. – 573 с.
81 Шпенглер О. Закат Европы. –Т.1. Образ и действительность. –М.-СПб., 1923. – 445 с.
82 Тойнби А.Дж. Постижение истории. – М.: Прогресс, 1991. – 736с.
83 Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. - М., 1977. – 359 с.
84 Кушнер П. Манапство в горной Киргизии // Рев. Восток. – 1927.- №2. – С. 150-182.
85 Рыскулов Т.Р. Современный Казахстан // Новый восток. – 1926. - №12. – С. 105 -120; Рыскулов Т.Р. Казакстан. – М.-Л.: Госиздат, 1927. - с. 96; Рыскулов Т.Р. О казахском колониальном ауле // Большевик Казахстана. – 1935. - №4; Рыскулов Т.Р. Против извращения истории казахского народа // Большевик Казахстана. – 1936. - №1-2; Рыскулов Т.Р. Против извращений истории казахского народа и характера Октября в Казакстане // Революция и национальности. – 1936. - №6.
86 Лекеров А. О работе тов. Тогжанова «Казахский колониальный аул» // Большевик Казахстана. – 1934. - №4.
87 Федоров Е. Краткий очерк образования и развития казаков как нации и Казахстана как национальной автономной советской республики // Весь Казахстан. Справочная книга. 1931 г. – Алма-Ата: главная контора краевых период. изд. Казахстана, - 420 с.
88 Федоров Е. Против оппортунистической ревизии политики партии в ауле// Народное хозяйство Казахстана. – 1931. - №-10-11; Федоров Е. О конкретном содержании формулы: от капиталистических отношений к социализму, минуя капитализм в Казахстане // Большевик Казахстана. – 1933. - №1 -2.

89 Полочанский Е. За новый аул-кыстау. – М.: Изд. Каз. Представительства 1927. – 38 с.
90 Соколовский В. Казахский аул. - Ташкент, 1926. – 49 с.
91 Чулошников А.П. Очерки по истории казак-киргизского народа. – Оренбург, 1924. - Ч.1. - 292 с.
92 Чулошников А.П. К истории феодальных отношений в XVII-XVIII вв. // Известия АН СССР отделение общественных наук. М., - Л.: АНСССР, 1936. - №3. - С.497 – 529.
93 Тогжанов Г. О казахском ауле. - Кызылорда, 1926. – 70 с.; Тогжанов Г. Буржуазные и мелкобуржуазные «теории» об ауле. // Народное хозяйство Казахстана – 1931. - № 5; Тогжанов Г. Еще раз о буржуазно-националистической концепции тов. Рыскулова и др. // Большевик Казахстана. -1935. - № 6.
94 Тогжанов Т. Казахский колониальный аул. – 2-е издание, дополненное. – Астана: Алматы кітап, 2007. - Т.40. – 227 с.; Тогжанов Г. Казахский колониальный аул. - М., 1934.
95 Бернштам А. Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии // Советская этнография 1934. - №6. - С.86-115.
96 Толстов С.П. Очерки первоначального ислама // Советская этнография. - 1932. - №2. – С.24-81.
97 Асфендияров С.Д. История Казахстана (с древнейших времен). – Алма-Ата – М., Т.I., 1935. – с. 259; Асфендияров С.Д. История Казахстана (с древнейших времен). 2-е издание/ Под редакцией А.С. Такенова: Учебное пособие. – Алма-ата: Қазақ университеті, 1993. – 304 с.
98 Погорельский П.В., Батраков В.С. Экономика кочевого аула Киргизстана. По материалам экспедиционного обследования Средне-Азиатского Государственного университета, собранным и разработанным под руководством П.В. Погорельского. - М.: Изд. Совнаркома КАССР, 1930. - 383 с.
99 Толстов С.П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. – ОГИЗ Государственное социально-экономическое издательство. - М.-Л., Вып. 103. – 1934. - с.165-199.
100 Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. - М. - Л., 1934. - 224 с.
101 Кшибеков Д. Кочевое общество: генезис, развитие, упадок. – Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1984. – 238 с.
102 Крадин Н.Н. Новые интерпретации исторического процесса // Вестник ДВО РАН.- 2003.- №4. – С. 72-81.
103 Толыбеков С.Е. Общественно-экономический строй казахов в XVII - XIX вв.- Алма-Ата: Казгосиздат, 1959. – 448 с.
104 Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII-начале XX века. Политико-экономический анализ. – Алма-Ата: АН КазССР, 1971. – 636 с.

105 Шахматов В.Ф. Казахская пастбищно-кочевая община. – Алма-Ата, 1964. – 207 с.
106 Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX века. – Алма-Ата: АН КазССР, 1958. - 294 с.
107 Зиманов С.З. Политический строй конца XVIII и первой половины XIX в. - Алма-Ата, 1960. - 296 с.; Зиманов С.З. Политический строй Казахстана первой половины XIX века и Букеевское ханство. – Алматы: Арыс, 2009. – 496 с.
108 Еренов А.Е. К вопросам права феодальной собственности в дореволюционном Казахстане // Вестник АН КазССР. -1953.-№ 5.-С. 35-48.
109 Еренов А.Е. Очерки по истории феодально-земельных отношений у казахов. – Алма-Ата, 1961. – 357 с.
110 Кармышева Б.Х. Типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана (конец XIX – начало XX в.) // Советская этнография. - 1969. - №3. - с. 44-49
111 Кармышева Б.Х. Рецензия В.М. Шамиладзе. Хозяйственно – культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Историко-этнографическое исследование. // Советская этнография. - №3. – 1982. - С. 166-170.
112 Абрамзон С. М. Формы родо-племенной организации у кочевников Средней Азии // Родовое общество. Этнографические материалы и исследования. - М.: АН СССР, 1951. - С. 132-156.
113 Абрамзон С.М. Программа для сбора материалов по теме «Животноводство» к Историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана // Региональное совещание по вопросам подготовки Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстан. Методические материалы. – М., 1967. - С. 43-65.
114 Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Л: Наука, 1971. – 402 с.
115 Абрамзон С.М. Влияние перехода к оседлому образу жизни на преобразование социального строя, семейно-бытового уклада и культуры прежних кочевников (на примере казахов и кригизов) // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Труды Института этнографии. – Л., 1973. - Т.98. - С. 236-258.
116 Абрамзон С.М. Категории семейно-групповой, семейной и индивидуальной собственности у кочевников (казахи, киргизы, алтайцы, тувинцы, монголы). - IX МКАЭН. - М.: Наука, 1973. - 20 с.
117 Шамиладзе В.М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Историко-этнографическое исследование. – Тбили: Мецниереба, 1979. – 348 с.
118 Шамиладзе В.М. О некоторых вопросах классификации и терминологии скотоводства Кавказа // Советская этнография. – 1982. - №3. - С. 70-76.
119 Мкртумян Ю.И. Формы скотоводства у армян (вторая половина XIX— начало XX в.) // Советская этнография. – 1968. - №4. – С.14-29.

120 Мкртумян Ю.И. К изучению форм скотоводства у народов Закавказья // Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX – XX вв. (Материалы к Кавказскому историко-этнографическому атласу). - М., 1971. - Вып.1. - С.116-135.
121 Мкртумян Ю.И. О скотоводческой терминологии в специальной научной литературе // Всесоюз. науч. сессия, посвящ. итогам этнографических исследований 1970 г.: Тез. докл. - Тбилиси, 1971; Мкртумян Ю.И. Картографирование элементов скотоводческой культуры народов Кавказа // Советская этнография. – 1972. - №2. - С. 61-67.
122 Мкртумян Ю.И., Арутюнов С.А. К проблеме типологической классификации хозяйственно-культурных компонентов // Всесоюз. сессия, посвящ. итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976–1977 гг.: Тез. докл. - Ереван, 1978.
123 Вайнштейн С.И. Проблемы формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии // Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований 1970 г. Тезисы докладов. (Секция этнографии, фольклора и антропологии). – Тбилиси, 1971. - С.47-50.
124 Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. – М.: Наука, 1972. – 313 с.
125 Вайнштейн С. И. Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии. - IX МКАЭН - М.: Наука, 1973. -13 с.
126 Вайнштейн С.И. Историческая этнография в свете исторической науки // Советская этнография. – 1987. - №4. – С.77-82.
127 Вайнштейн С. И. Кочевничество // Материальная культура. Свод этнографических понятий и терминов. - М.: Наука, 1989. - С. 72-76.
128 Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. - М., 1991. – 296 с.
129 Тынышпаев М. История казахского народа. – Алма-Ата: Казак университеты, 1993. – 224 с.; Тынышпаев М. Отзыв о труде А.П. Чулошникова по истории казак-киргизского народа. – Кызыл-Орда: Тип.Казгосиздат, 1926. – 15 с.
130 Швецов, СП. Природа и быт Казахстана // Казахское хозяйство в его естественноисторических и бытовых условиях / под ред. С.П. Швецова. - Л.: Народный Комиссариат земледелия Казахской АССР, 1926. - С.93-105.
131 Мацкевич Н.Н. Сравнительная длина кочевок казахского населения бывшей Семипалатинской губернии // Записки Семипалатиского отдела Общественного изучения Казахстана. – 1929. – Т.1.- Вып.18. – с. 1-33
132 Сириус М.Г. К вопросу о более рациональном направлении сельского хозяйства в Северном Казахстане // Народное хозяйство Казахстана. - 1928.- №6-7.- С.15-36
133 Челинцев А.Н. Перспективы развития сельского хозяйства Казахстана// Народное хозяйство Казахстана. - 1928. - №4-5. - С1-39.

134 Турсунбаев А.Б. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма – Ата, 1950. - 102 с.
135 Турсунбаев А.Б. Казахский аул в трех революциях. - Алма-Ата: Казахстан, 1950. – 483с.
136 Турсунбаев А.Б. Великий перелом в сельском хозяйстве Семиречья. – Алма-Ата: АН КазССР, 1950. - 180 с.
137 Турсунбаев А.Б Переход к оседлости кочевников и полукочевников Средней Азии и Казахстана// Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. – Труды Института этнографии. Т. 98. – Л.: Наука, 1973. – С. 223-234.
138 Прогрессивные изменения в хозяйстве казахов под влиянием русских переселенцев в период со второй половины XIX и до начала XX вв. // В кн. Аргынбаев Х.А. Историко-культурные связи русского и казахского народов. 2-е изд.доп. –Астана: Алтын кітап, 2007. – Т.10. - 242 с.
139 Макаров И.Ф. Казахское земледелие в конце XIX – начале XX века (По материалам экспедиционных обследований 1867-1913 гг.) // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. - М.: АНСССР, 1959. - Сб. III. - с. 392-445
140 Асылбеков М.Х. Развитие сети железных дорог Казахстана в конце XIX – начале XX в.// Казахстан в канун Октября. - А.-А.: Наука, 1968. - С.178-213.
141 Тажибаев Е.Е. Изменения в хозяйстве казахов в 20-60-х годах XIX века (на материалах Младшего и Среднего жузов): Автореф. … канд.ист.наук. - Алма-Ата, 1969. - 49 с.
142 Сундетов С.А. О генезисе капитализма в сельском хозяйстве Казахстана. Алма-Ата, 1970. - 128 с.
143 Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России в XVIII – начале XIX века. - Алма-Ата: Наука КазССР, 1981. – 247 с.
144 Шоинбаев Т.Ж. Важное событие в истории Казахстана (к 250-летию присоединения Казахстана к России // Социально-экономические и исторические предпосылки и прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. - Алма-Ата, 1981. - С. 3-15.
145 Толстов С.П. К вопросу о периодизации первобытной истории // Советская этнография. - 1946. - №1. - С.25-30
146 Золотарев А.М. К вопросу о происхождении эскимосов// Антропологический журнал. – 1937. - №1. – С. 47-56; Золотарев А.М. Новые данные о тунгусах и ламутах XVIII века// Историк-марксист. – 1938. - №2 (066). – С. 63-68.
147 Левин М.Г. К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии // КСИЭ АН СССР, Вып. 2. - 1947. - С.84-86.
148 Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (К постановке вопроса) // Советская этнография. – 1955. - №4. – С. 3-17.

149 Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. - М., 1958.- 359 с.
150 Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культуры. – М.: Мысль, 1971. – 256 с.
151 Жданко Т.А. Проблема полуоседлого населения истории в Средней Азии и Казахстана // Советская этнография. – 1961. - №2. – С.53-61.
152 Жданко Т. А. Номадизм в Средней Азии и Казахстане // История, археология и этнография Средней Азии. К 60-летию С.П. Толстова. - М., 1968.- С. 274-281.
153 Руденко С.И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. Географическое общество СССР. Материалы по этнографии. - Л., 1961. – Вып.I. - С.2-15.
154 Чеснов Я.В. О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов // Советская этнография. – 1970. - № 6. - С. 15-26.
155 Чеснов Я.В. О принципах типологии традиционно-бытовой культуры // Проблемы типологии в этнографии.- М., Наука, 1979.- С. 189-203.
156 Арутюнов С.А., Хазанов А. М. Археологические культуры и хозяйственно-культурные типы: проблема соотношения // Проблемы типологии в этнографии. – М., 1979. – С. 140-147.
157 Марков Г.Е. Проблема сравнительной археологической и этнографической типологии культуры // Проблемы типологии в этнографии. – М., 1979. – С. 147-158.
158 Андрианов Б.В. Неоседлое население мира и опыт его картографирования // Проблемы этнической географии и картографии. – М., 1978. - С.119-140.
159 Андрианов Б.В. Неоседлое население мира: историко-этнографическое исследование. – М.: Наука, 1985. – 285 с.
160 Мелконян Э.Л. Проблемы сравнительного метода в историческом знании. – Ереван, 1981. –128 с.
161 Калиновская К.П., Марков Г.Е. Скотоводы Азии и Африки. Проблемы исторической типологии и периодизации // Вестник Московского университета. Серия 8. История. - 1983. - №5. – С.59-72.
162 Османов М.-З.О. О формах и типах скотоводства (По материалам Дагестана. 19в.) // Советская этнография. - 1984. - №6.- С. 77-88.
163 Османов М.-З.О. К определению формы скотоводства у народов высокогорного Дагестана в 18-19вв. // Советская этнография. - 1986. - №4. – С. 37-46.
164 Османов М.-З.О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX – начале XX в. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 297 с.
165 Османов М.-З. О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана (с древнейших времен до начала XX века). - Махачкала, 1996. – 316 с.
166 Капо-Рей Р. Французская Сахара. Перевод с франц. – М.: Георграфгиз, 1958. – 496 с.

167 Бёш Г. География мирового хозяйства. – М.: Прогресс, 1966. -277 с.
168 Olcott M.B. Kazakhs.1-st ed.-Stanford: Hoover Institution Press.-1987.-388 p.; Олкотт М.Б. Казахи // Из истории казахов. Составитель Е. Кошкаров. – Алматы: Жалын, 1997. – С.303-336.
169 Olcott M. B. Central Asia's New States. - Washington, 1996. - 202 p.
170 Olcott M. B. The Settlement of the Kazakh Nomads // Newsletter of the Commission on Nomadic Peoples. - 1981. - № 8. - Pp. 12-23.
171 Martin V. Nomadic Land Claims in the Colonized Kazakh Steppes // Mutteilungen des SFB 586, «Differenz und Integration» 2. Halle/ S., 2002. P.65-74.
172 Martin V. Law and Custom in the Steppe: The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century. – Richmond, 2001. – 264 p.; Мартин В. Закон и обычаи в степи: казахи Среднего жуза и российский колониализм // История Казахстана в западных источниках. – Т.12. - Алматы, 2009. – 264с.
173 Sabol S. Russian Colonization and the Genesis of Kazak National Consciousness. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003. – 233 p.
174 Rottier P. The Kazakness of sedentarization: promoting progress as tradition in response to the land problem// Central Asian Survey (March, 2003) 22(1), 67–81.
175 Rottier P. Creating the Kazak Nation: The Intelligentsia's Quest for Acceptance in the Russian Empire, 1905-1920 // A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Ph.D. (History) At the University of Wisconsin 2005. - 370 p.
176 Киндлер Р. Сталинские кочевники: власть и голод в Казахстане / Перевод Л.Ю. Пантиной. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 382 с.
177 Wendelken R. W. Russian Immigration and Its Effect on the Kazakh Steppes (1552–1965) // Fell-Bialkoff A. The Role of Migration in the History of the Eurasian Steppe. Sedentary Civilization vs. «Barbarian» Nomads. Basingstoke, 2000. P. 71–97.
178 Hungtinton S. The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order. - New York, 1996.-368 p.; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций
179 Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М.: Наука, 1987. – 438 с.
180 Крюков М.В. О принципах типологического исследования явлений культуры. // Советская этнография. – 1983. - № 5. - С.3-13.
181 Бромлей Ю.В. Важная задача современной этнографии // Советская этнография. - 1983. - С. 69-72.
182 Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. - М., 1983.- 418 с.
183 Марков Г.Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология // Советская этнография. - 1981. - №4. - С. 83-94.
184 «Казахстан» Национальная энциклопедия, т.5/ Гл.ред. Б. Аяган. – Алматы: Главная редакция «Қазақ энциклопедиясы», 2006 – 560 с.

185 Курышов А.М. Трансформация системы традиционного хозяйства коренных народов Прибайкалья на рубеже XIX-XX столетии. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2011. – 212 с.
186 Семенов Ю.И. О материнском роде и оседлости в позднем палеолите // Советская Этнография. – 1973. - №4. - С. 52-65.
187 Большая Советская Энциклопедия. - М., 1953. - Т.13. - С. 170-171.
188 Марков Г.Е. Кочевничество // Советская Историческая Энциклопедия. Т. 7. – М., 1965, С.1017-1019.
189 Марков Г.Е. Кочевничество // Большая Советская Энциклопедия. Изд. 3., Т.13. - М., 1973. - с. 298-299
190 Хазанов А.М. Социальная история скифов: основные проблемы развития древних кочевников Евразийских степей. – М., 1975.- 343 с.
191 Плетнева С. А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. - М.: Наука, 1982. -188 с.
192 Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII-XIX вв. - Алма-Ата: Наука, 1984. -176 с.
193 Алимбаев Н., Муканов М.С., Аргынбаев Х. Традиционная культура жизнеобеспечения казахов. Очерки теории и истории. – Алматы: Гылым, 1998. –234 с.
194 Этнология / Под ред. Миськовой Е.В., Мехедова Н.Л., Пименова В.В.– М.: Академический проект; Издательство «Культура», 2005. – 624 с.
195 Токарев С.А. История зарубежной этнографии. - М., 1978. – 352 с.
196 Богораз-Тан В.Г. Распространение культуры на земле. Основы этногеографии. – М.-Л.: ГИЗ, 1928. – 311с.
197 Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию 1558 -1560 // История Казахстана в западных источниках. – Т.8. – Первые английские путешественники в Казахской степи. - Алматы, 2006. – 312с.
198 Иностранцев К. Хунну и гунну. – Л., 1926. – 156 с.
199 Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. – Л., 1940. – 604 с.
200 Раппопорт Х. Философия истории в ее главнейших течениях. – СПб., 1899. – 180с.
201 Эпиграф к работе, А.А. Игнатенко Ибн-Хальдун. – М., 1980.-160 с.
202 Монтескье Ш. Избранные произведения. Под редакцией М.П. Баскина – М.: Гос.изд.политической литературы, 1955. – 799 с.
203 Вольтер Ф.М. Философские сочинения. – М.: Наука, 1988. – 752 с.
204 Иманбекова А.А. К вопросу изучения кочевой цивилизации // Международная научно-практическая конференция «6 Оразбаевские чтения» по теме: Проблема преемственности культур в археологии и этнологии приуроченной к 80-летию КАЗНУ им.аль-Фараби», 2014 г. Апрель. – Алматы, 2014. – С.359-361.
205 Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества / Пер. с англ. Под ред.М.А. Абрамова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 392 с.

206 Тюрго А.Р. Избранные философские произведения. – М.: Госсоциздат, 1937. – 189 с.
207 Кондорсэ Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. – 265 с.
208 Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М.1977. – 703с.
209 Гегель Г.В.Ф. Сочинения. – М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. – Т.VIII. – 470 с.
210 Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. - Т.2., М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство. – 476 с.
211 Спенсер Г. Основные начала. – СПб., 1897. – 467с.
212 Тэйлор Э. Первобытная культура. – М.: Госсоциздат, 1939. – 561 с.
213 Морган Л. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. – Л., 1935. - Т.1.– 340 с.
214 Бюхер К. Возникновение народного хозяйства. – Вып. 1. - СПб., 1907. - 195с.
215 Ратцель Ф. Земля и жизнь: сравнительное землеведение. - СПб., 1906. - Т.2. – 737 с.
216 Семенов Ю.И. Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). – М.: Современные тетради, 2003. – 776 с.
217 Дергачев В.А. Геополитика. Русская геополитическая энциклопедия. 2010// http://dergachev.ru/Russian-encyclopaedia/15/76.html интернет-издание Русской геополитической энциклопедии.
218 Боас Ф. Ум первобытного человека. – М.-Л., 1926. – 153с.
219 Кребер А.Л. Избранное: природа культуры. – М., 2004 – 1008с.
220 Тойнби А.Дж. Исследование истории: Возникновение рост и распад цивилизаций. – М.: АСТ: Астрель, 2012. – 670 с.
221 Эйзенштадт Ш.Н. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М., 1999. – 416 с.
222 Аверкиева Ю.П. История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979. – 287с.
223 Карнейро Р. Процесс или стадия: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства // Альтернативные пути к цивилизации. - М., 2000. - 368с.
224 Груссе Р. Империя степей. Аттила, Чингисхан, Тамерлан. – История Казахстана в западных источниках. – Т.1. Часть 1- Алматы, 2005. – 286с.
225 Златкин И. Оуэн Латтимор как историк Востока //Против колониализма. – М., 1969. – 171 с.; Lattimore O. Inner Asian frontiers of China. - New York: American Geographical Society, Oxford University Press, 1940. - 585 p.
226 Барфилд Т.Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.) / Пер.с англ. Д.В. Рухлядева, Б.В. Кузнецова. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2009. – 488 с.

227 Krader L. Ecology of Central Asian Pastoralism //Southwestern Journal of Anthropology. - 11 (4). - 1955, p. 301-326.
228 Kendirbayeva G. «We are children of Alash…» The Kazakh intelligentsia at the beginning of the 20th century in search of national identity and prospects of the cultural survival of the Kazakh people// Central Asian Survey (1999). - 18(1). - P. 5-36.
229 Кларк Дж.Г.Д. Доисторическая Европа. Экономический очерк. - М.: Изд-во иностр.лит., 1953.- 332 с.
230 Зальцман Л.М. Системы ведения животноводства и их особенности в разных зонах СССР // Советская зоотехния. – 1952. - №12. – С.
231 Зальцман Л.М. Вопросы размещения и специализации сельского хозяйства СССР / Л.М. Зальцман, К.П. Оболенский, С.Г. Колеснева и др. / под ред. Л.М. Зальцмана. М.: Экономиздат, 1962. - 638 с.
232 Першиц А.И. Хозяйственный быт кочевников саудовской Аравии // Советская этнография. – 1952 №1 – С. 104-112.
233 Першиц А.И. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX первой трети XX в.: (Историко-этнографические очерки). М.: АН СССР, 1961. - 224 с.
234 Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. М.: АН СССР, 1957. – 176 с.
235 Калоев Б.А. Программа сбора материалов по земледелию и скотоводству для Кавказского историко-этнографического атласа. – М., 1968. – 36 с.
236 Мкртумян Ю.И. Картографирование элементов скотоводческой культуры народов Кавказа // Советская этнография. – 1972. - №2. - С.61-67.
237 Симаков Г.Н. Опыт типологизации скотоводческого хозяйства у киргизов (конец XIX – начало XX в.) // Советская этнография. – 1978. - №6. – С. 14-27.
238 Курылев В.П. Опыт типологии скотоводческого хозяйства казахов // Проблемы типологии в этнографии. – М., 1979. – С.166-173.
239 Кадырбаев М.К. Скотоводство: историко-археологический очерк // Хозяйство казахов на рубеже XIX-XX вв. - Алма-Ата, 1980. – С. 31-93.
240 Семенов Ю.И. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества // Советская этнография. - 1982. - №.2. - С.48-59.
241 Симаков Г.Н. О принципах типологизации скотоводческого хозяйства у народов Средней Азии и Казахстана в конце XIX- начале XX века// СЭ. - №4. – 1982. - С. 67-76.
242 Андрианов Б.В. Некоторые замечания о дефинициях и терминологии скотоводческого хозяйства // Советская этнография. – 1982. - №4. – С. 76-80.
243 Марков Г.Е. Проблемы дефиниций и терминологии скотоводческого хозяйства (ответ оппонентам) // Советская этнография. – 1982. - №4. - С.80-87.
244 Марков Г.Е. О терминах и понятиях в этнографии // Советская этнография. – 1983. - №5. – С. 73-77.

245 Калиновская К.П. Скотоводы Восточной Африки в XIX-XX вв.: (Хозяйственно-социальная организация). – М.: Наука. - 1989.- 252 с.
246 Калиновская К.П. Очерки этнологии Восточной Африки. – М., 1995. – 359 с.
247 Калиновская К.П. Рецензия на Османова М.-З. О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX – начале XX в. - М.,1990. // Советская этнография. – 1993 - №1.
248 Оразов А. Этнографические очерки хозяйства туркмен Ахала в XIX - начале XX в. – Ашхабад: Ылым, *1985*. - 155 с.
249 Плетнёва С. А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV-XIII века). – М.: Ломоносов, 2017. – 233с.
250 Курылев В.П. Скот, земля, община у кочевых и полукочевых казахов (вторая половина XIX-начала XX века) - СПб., 1998. - 296 с.
251 Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа. – М., 1993.
252 Мартынов А.И. История древнего мира. Скифо-сибирской мир – евразийская цивилизация. – М., 2018. – 209 с.
253 Герн фон В.К. Характер и нравы казахов. 2-е изд. доп. - Астана: Алтын кітап, 2007, Т.18. - 140 с.
254 Броневский С.Б. О казахах Средней Орды. 2-е изд. доп. – Астана: Алтын кітап, 2007, Т.5- 168 с.
255 Седельников Т. Борьба за землю в казахской степи. 2 изд. доп. Астана: Алтын кітап, 2007. - Т.31.- 177 с.
256 Гинс Г. Современное водное хозяйство Туркестана и необходимость водного закона// Вопросы колонизации – 1910. - №6. – С. 46-103.
257 Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. – СПб., 1910. – 66 с.
258 Румянцев П.П. Социальное строение киргизского народа в прошлом и настоящем // Вопросы колонизации. – 1905. - №5. - С .79-137.
259 Хворостанский П. Эволюция киргизского хозяйства в Тургайской области// Вопросы колонизации. – 1915.-№18. - С.159-206.
260 Красовский М.И. Образ жизни казахов степных округов. 2-е изд.доп. – Астана: Алтын кітап, 2007. - Т.12. - 287 с.
261 Кауфман А.А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. – М.: Тип-я т-ва И.Д. Сытина, 1908. – 456 с.
262 Кауфман А.А. К вопросу о русской колонизации Уральской области. Отчет чл. Учёной комиссии М.З. и Г.И. А.А. Кауфмана по командировке летом 1903 г. - Ч.1. - СПб: тип. В.О. Киршбаума, 1903. -78 с.
263 Остафьев В. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // Записки Западно-Сибирского отдела русского географического общества. – Омск: Тип. Окружного штаба, 1895. – Кн.18. - Вып. 2. – С. 1-61.
264 Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Т. I. Акмолинская область. Кокчетавский уезд. Воронеж, 1898; Т. II. Акмолинская область. Атбасарский уезд. Воронеж, 1902; Т. III. Акмолинская

область. Акмолинский уезд. Ч.1. Поаульные таблицы. СПб., 1907; Ч. 2. Чернигов, 1909; Т. IV. Семипалатинская область. Павлодарский уезд. Воронеж, 1903; Т. V. Тургайская область. Кустанайский уезд. Воронеж, 1903; Т.VI. Семипалатинская область. Каркаралинский уезд. СПб., 1905; Т. VII. Тургайская область. Актюбинский уезд. Воронеж, 1903; Т. VIII. Семипалатинская область. Зайсанский уезд. СПб., 1909; Т. IX. Семипалатинская область. Усть-Каменогорский уезд. СПб., 1905; Т. X. Семипалатинскя область. Семипалатинский уезд. СПб., 1909; Т. XI. Акмолинская область. Омский уезд. Омск, 1902; Т. XII. Акмолинская область. Петропавловский уезд. Чернигов, 1908; Т. XIII. Сводка материалов по киргизскому землепользованию. СПб.. 1906.

265 Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область. Акмолинский уезд. – Т.III. – Воронеж, 1898. – II- V – 186 – 85 – 435с.

266 Десницкий С.Е. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения в разных состояниях общежительства // Русская философия второй половины XVIII века. Хрестоматия. – Свердловск: изд-во Уральского университета, 1990. – с. 59-73

267 Гродеков Н.И. Этнография казахов и кыргызов Сырдарьинской области. 2-е изд. доп. – Астана: Алтын кітап, 2007. - Т.23 - 380 с.

268 История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Краткий курс / под редакцией комиссии ЦК ВКП (б). – М.: Полиграфкнига, 1938 г., 353с.2.2

269 Иманбекова А.А. К проблеме исследования земельной собственности кочевников в советской историографии// Материалы международной научно-методической конференции «VIII Оразбаевские чтения» по теме «Археология, этнология и музеология в системе современного высшего образования», приуроченной к 25-летию независимости Республики Казахстан 1-2 апреля 2016 г. – Алматы, 2016. – С. 357-362.

270 Козьмин Н.Н. К вопросу о турецко-моногольском феодализме. – Иркутск: ОГИЗ, 1934. – 150 с.

271 История Казахстана (история Казахской ССР с древнейших времен до наших дней издание 1943) – 3-е изд.; переработанная - Алматы, 2011. – 670 с.

272 Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20 – 40 – х гг. XIX в. - Алма- Ата: Казак университеты, 1992. - 400 с.

273 Вяткин М. Батыр Срым. – Алматы: Санат, 1998. – 344 с.

274 Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России. – Алма-Ата: АН КазССР, 1948. - 256 с.

275 Толыбеков С.Е. О некоторых вопросах экономики дореволюционного кочевого аула // Вестник АН КазССР. – 1951. - №8 (77). - С. 66-90.

276 Шахматов В.Ф. К вопросу о сложении и специфике патриархально-феодальных отношений в Казахстане // Вестник АН КазССР. - 1951. - №7. - С. 57-42.
277 Иманбекова А.А. К проблеме изучения теории «кочевого феодализма» в советской историографии начала 20-х и до 60-х годов 20 века // Сборник публикаций материалов 34-ой Международной посвященной проблемам общественных наук. - Москва: Центр гуманитарных исследований «Социум», 2015. – С. 11-17.
278 Шахматов В.Ф. О формах феодальной эксплуатации в Казахстане // ВАН КазССР. – 1951. - №11(80). - С. 93-108.
279 Юшков С. В. К вопросу о феодальной собственности в досоветском Казахстане // Вестник АН КазССР. – 1951. - № 9. - С. 59-69.
280 Жеребятьев Ф. К вопросу об особенностях феодальных отношений в дореволюционном Казахстане // Вестник АН КазССР, 1951, №10(79), с. 59-63
281 Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. - Ташкент, 1955. - 588 с.
282 Потапов Л.П. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана // Вопросы истории. - 1954. - №6. - с. 73-89; Потапов Л.П. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана // Материалы научной сессии по истории народов Средней Азии и Казахстана. - Ташкент, 1954. - С.1-38.
283 Шахматов В.Ф. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Казахстана // Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. - Ташкент, 1955. - С. 50-59.
284 Толыбеков С.Е. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Казахстана. Содокладчик // Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. - Ташкент, 1955. - С. 60-68.
285 Толыбеков С.Е. О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов // Вопросы истории. - №1. – 1955. - С. 75-83.
286 Иманбекова А.А. Традиционное хозяйство казахов в исследованиях казахстанского ученого-экономиста С.Е. Толыбекова // Вестник КазНУ, серия историческая. – Алматы, 2014. - №4(75). - С. 8-16.
287 Толыбеков С.Е. Кочевое скотоводство и оседлое земледелие как различные сферы материального производства // Вестник АН КазССР. - №8(125). – 1955. - С. 36-46.
288 Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII-начале XIX в.- М.: АН СССР, - 1960. - 456 с.
289 Залкинд М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. - М., 1970. - 354 с.

290 Аргынбаев Х.А. Историко-культурные связи русского и казахского народов. 2-е изд. доп. – Астана: Алтын кітап, 2007. - Т.10 – 242 с.
291 Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867-1917 гг. / Под ред. Проф. С.М. Дубровского. – Алма-Ата: Наука, 1965. – 345 с.
292 Марков Г.Е. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии // Советская этнография. – М.: Наука, №6, 1970, С.74-89.
293 Вяткин М.П. Социально-экономическое развитие Средней Азии (Историографический очерк. 1865—1965 гг.). Фрунзе: Илим, 1974. - *264* с.
294 Алимбаев Н. О механизме реализации отношений собственности в кочевом обществе // Маргулановские чтения. 1990 (Сборник материалов конференции) Часть I. – М., 1992, С. 9-17.
295 Imanbekova A., Toleubayev A., Kalysh A., Dautbekova M. Theoretical problems of land ownership of the nomadic Kazakhs // Analele Universitӑ Ńii din Craiova: Editura Universitaria Craiova, 2016. - №1 (29). - Pp. 103-114.
296 Иманбекова А.А. К вопросу изучения земельной собственности в современных исследованиях конца XX- начала XXI века // Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы историко-культурного наследия Казахстана: прошлое, настоящее и будущее», 6 мая 2016 г. – Алматы, 2016. - Часть II. - С. 209-212.
297 Масанов Н.Э., Ж.Б. Абылхожин, И.В. Ерофеева, А.Н. Алексеенко, Г.С. Баратова История Казахстана: народы и культуры. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 608 с.
298 Ажигали С.Е. Традиционная система скотоводческого поселения казахов (в историческом развитии) // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума. Том 5, Новосибирск: «Наука» Сибирское предприятие РАН, 2002, с. 143-190.
299 Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. - 752 с.
300 Трепавлов В.В. Тюркские народы Средневековой Евразии. Избранные труды. – Казань: ООО «Фолиант», 2011. – 252 с.
301 Барфилд Т. Кочевое скотоводство во Внутренней Азии // Кочевая альтернатива социальной эволюции. – Т.6. – М.: Институт Африки РАН, 2002. – С. 43-61.
302 Быков А.Ю. Истоки модернизации Казахстана (Проблема седентаризации в российской политике XVIII - начала XX вв.). Барнаул: АзБука, 2003. - с.168
303 Артыкбаев Ж.О. Казахское общество: традиции и инновации. – Астана: Парасат Әлемі, 2003. -290 с.
304 Артыкбаев Ж.О. Кочевники Евразии (в калейдоскопе веков и тысячелетий). - СПб.: Мажор, 2005. – 320 с.
305 Малтусынов С.Н. Аграрный вопрос в Казахстане и Государственная дума России 1906-1917 гг. (Социокультурный подход). – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – 332 с.

306 Каняшин Ю.Н. Кочевые сообщества пустынь и степей казахского Турана в XIX веке. – Алматы: ТОО «Институт Азиатских исследований», 2018. - 200 с.
307 Большой словарь иностранных слов. – М.: ООО «Дом Славянской книги», 2012. – 992 с.
308 Мейер Л. Казахская степь Оренбургского ведомства. 2-е изд. доп. – Астана: Алтын кітап, 2007. - Т. 17. - 193 с.
309 Трегубов А.Л. Переселенческое дело в Семипалатинской и Семиреченской областях. – СПб, 1910. - 78 с.
310 Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Степной край. Составитель В.А. Тресвятский. – Пг., 1917. – Вып.1. - 135 с.
311 Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношениях. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1892. – 720 с.
312 Головачев П.М. Сибирь: природа, люди, жизнь. – М.: Изд-во Ю.И. Базановой, 1902. – 288 с.
313 Третьяков А.И. Рассуждение о причине изобилия и медлительного обогащения государства // Русская философия второй половины XVIII века. Хрестоматия. – Свердловск: изд-во Уральского университета, 1990. - С.76-82.
314 Островский В. Киргиз – земледелец. 1897, №70. 25 сентября. С. 287 // Туркестанские ведомости – этнографические рассказы. 2-е изд. Доп. - Астана: Алтын кітап, 2007. - Т. 44. – 299 с.
315 Мәрсеков Р. Ата қонысынан айырылған қазақ жайы. // Қазақ газеті. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1998.- 54б.
316 Бекимов А. Қазақ халқы жайынан. // Айқап. - Алматы, 1995.- 94 б.
317 Жанталин А. Күнелтуіміз турасында. // Айқап. - Алматы, 1995.- Б.98-100.
318 Сералин М. Отырықшы болған қазақтар туралы // Айқап. - Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1995. - Б. 415-419.
319 Сулейменов К. Отырықшы болу турасында // Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1995. - Б.366-369.
320 Жалпақов М. Қазақтардың отырықшы туралы // Айқап. - Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1995. – Б. 173-175.
321 Бартольд В.В. Памяти В.В. Радлова. 1837-1918// Известия Русского географического общества, 1919. – Т.54. – Вып.1. – С. 164-189.
322 Бабаджанов М.-С. Х. Сочинения: (сборник статей 1861-1871 гг.) / сост. Н.П. Ивлев. – Алматы: Санат, 1996. – 144 с.
323 Даулбаев Б.Д. Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области, с 1830 по 1880 год // Записки Оренбургского отдела императорского Русского географического общества. – Оренбург: Типография Б. Бреслина, 1881. – Выпуск 4. – С. 98-117.
324 Айкап. - Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1995. – 368 б.
325 Қазақ газеті. – Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1998.- 560 б.
326 Аничков И. Упадок народного хозяйства в киргизских степях// Русская мысль. – 1902. - №5. – С.50-73.

327 Чермак Л. Киргизское хозяйство в Степном крае // Район железной дороги Петропавловск-Спасский завод в экономическом отношении. – СПб.: Тип.Ц.Крайз, 1912. – 314 с.
328 Клеменц Д. Заметки о кочевом быте// Сибирские вопросы. – 1908. - №49-52. – с. 18-57.
329 Полферов Я. Сибирь и ее возможности // Вопросы колонизации. – 1914. - №15. – с. 1-19.
330 Шмидт Ю. Очерк киргизской степи к югу от Арало-Иртышского водораздела в Акмолинском округу// Записки ЗСО РГО. Книжка XVIII. – Омск: Тип.Окруж.Штаба, 1894.-С.1-149.
331 Коншин Н. От Павлодара до Каркаралинска (путевые заметки)// Памятная книжка Семипалатинской области на 1901. – Разд.IV. – С. 1-25.
332 Здравосмыслов Н. Природные условия Атбасарского уезда и виды на колонизацию южной его части// Вопросы колонизации. – 1910. - №7. – С.223-235
333 Гидрогеологическое описание южной части Акмолинской области. Составитель А.А.Козырев.- СПб.: Тов-во Р.Голика и А.Вильборга, 1911. – 640 с.
334 Рожанец М. Природные условия северо-западной части Каркаралиснкого уезда и юго-западной части Павлодарского уезда Семипалатискрй области и значение этого района для колонизации// Вопросы колонизации.-1914.-№6.-С.136-152.
335 Валь К.О. К истории экономических отношений у киргиз// Научное обозрение – 1901. - №1,2.
336 Щербина Ф.А. Материалы по киргизскому землепользованию Акмолинской области, 1. Кокчетавский уезд, т.1. – Воронеж, 1898.
337 Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область. Акмолинский уезд. –Т.3. -Ч.2. –Чернигов: «МзиГИ. Департамент гос. земельных имуществ», 1909. -153-29 с.
338 Материалы по киргизскому землепользованию собранные и разработанные Статистической Партией Тургайско-Уральского Переселенческого района. Уральский уезд. – Оренбург: Изд-во переселенческой организации Тургайско-уральского района, 1909. –Т.1. - 416 с.
339 Галузо П. Г. Туркестан – колония (Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 г.). - М., 1929. –162 с.
340 Галузо П.Г. Земледелие казахского и киргизского крестьянства Семиречья во второй половине XIX в.// Ученые записки КазГУ. Т. LIV. Серия историческая. Вопросы истории Казахстана. - Алма-Ата, 1965. Вып. 12.
341 Рязанов А. Ф. 40 лет борьбы за национальную независимость казахского народа (1797 – 1838): Очерки по истории национального движения Казахстана. В 2-х частях. - Кзыл-Орда: Казгосиздата, 1928. - 300 с.

342 Фёдоров Е. К истории Казахстана конца XIX и начала XX вв. Временные положения об управлении в степных областях 1868 г.// Большевик Казахстана. - Алма – Ата, 1939.
343 Ярошевич Н.К. Организация крестьянского хозяйства Средней Азии: популярный очерк. – Ташкент, 1926. – 106 с.
344 Куфтин Б.А Киргиз-казаки. Культура и быт. – М.: Центральный музей народоведения, 1926. - 48 с.
345 Ермеков А.А. Организация школ среди казахского населения // Народное хозяйство Казахстана. - 1926.- № 1-2.- С. 6-25.
346 Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. - Л.: АН СССР, 1927. - 411 с.
347 Батраков В. Вопросы оседания кочевых и полукочевых хозяйств в республиках Средней Азии // Коммунистический Восток. - 1932. - №4-5.- С. 58-70
348 Есаулов П. Проблема оседания скотоводов-кочевников // Бюллетень Института экономических исследований при Госплане ТССР. – 1932. - №1.- С. 118-141.
349 Косоков И. Об оседании кочевого и полукочевого населения Советского Востока// Революция и национальности. 1932. - №5.- С. 49-59.
350 Погорельский П. Экономика кочевого аула Киргизии // На аграрном фронте. – 1929. - №11-12.- С. 157-171.
351 Погорельский П.В. Оседание кочевников и развитие животноводства // Труды экспедиции по изучению земельных фондов Казахской ССР. - Алма-Ата: АН КАЗССР, 1949. - Вып.8. – 147 с.
352 Погорельский П. К вопросу о теории и практике оседания кочевников // Революционный Восток. – 1934. – №5. – С. 182-197.
353 Погорельский П. Социальный строй кочевого хозяйства (К вопросу об особенностях социалистической реконструкции кочевых районов) //На аграрном фронте. – 1934. - №2-3.- С. 87-101.
354 Погорельский П.В. Введение. Оседание кочевых и полукочевых хозяйств // Сахаров М.Г. Оседание кочевых и полукочевых хозяйств Киргизии / М.Г. Сахаров. – М.: Изд. Центрального бюро краеведения, 1934. - С. 7-14
355 Тынышпаев М. Великие бедствия и великие победы казахов (Актабан шубырынды). – Алматы: Жалын, 1992. - 152 с.
356 Сахаров М.Г. Оседание кочевых и полукочевых хозяйств Киргизии. – М.: Изд. Центрального бюро краеведения, 1934. – 227 с.
357 Голощекин Ф. Пути социалистического наступления и оседания казахского населения // Народное хозяйство Казахстана. – 1930. - №7-8. – С. 11-15.
358 Зверяков И.А. От кочевания к социализму. – Алма-Ата, - М., 1932. -138с.
359 Ваганов О. А. Царизм и казахское байство // Вопросы истории. - 1947. - № 5; Ваганов О. А. Земельная политика правительства в Казахстане // Исторические записки. - М., 1956. – Т.31. –С.61-87.

360 Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР. С древнейших времен до 1987 года. Л.: ОГИЗ, 1941. - Т.1 – 367 с.
361 Жданко Т.А. Международное значение исторического опыта перехода на оседлость кочевников в Средней Азии и Казахстане // Советская этнография. – 1967. - №4. - С.3-24.
362 Федорович Б.А. Природные условия аридных зон СССР и пути развития в них животноводства // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Труды Института этнографии. – Л.: Наука, 1973. - Т.98. - С. 207-222.
363 Грайворонский В.В. Проблема перехода кочевников на оседлость в советской и монгольской литературе // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (Вопросы истории и экономики) / Отв. ред. И.С. Казакевич. – М.: Наука, 1970. – С.13-24.
364 Грайворонский В.В. От кочевого образа жизни: на опыте МНР. – М.: Наука, 1979. – 179 с.
365 Дахшлейгер Г.Ф. Маршрутом социального прогресса. – Алма-Ата: Казахстан, 1978. – 160 с.
366 Ковальченко И.Д. К истории скотоводства в Евразийской России в первой половине XIX века// Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. - М.: Наука, 1960. – С.175-190.
367 Карнаухова Е.С. Размещение сельского хозяйства России в период капитализма (1860-1914 гг.). – М.: Изд-во АНСССР, 1951. - 214 с.
368 Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. – М.: Изд-во АН КазССР, 1957. – 325 с.
369 Бекмаханов Е.Б. Джатаки (вторая половина XIX в.) // Вестник АН КазССР. -1949.-№8.- С.60-66.
370 Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI-первой половине XIX вв. – М.: Наука, 1976. - 371 с.
371 Сулейменов Б. Аграрный вопрос в Казахстане в последней трети XIX-начала XX веков (1867-1907 гг.). – А.-А.: Изд-во АН КазССР, - 1963. - 413 с.
372 Дахшлейгер Г.Ф. Турксиб – первенец социалистической индустриализации. – Алма-Ата: Наука, 1965. – 182 с.
373 Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в.-1917 г.). – М.: Наука, 1986. - 244 с.
374 Базанова Ф.Н. Формирование национальной структуры населения Акмолинской области (на материалах крестьянского переселения) // Социально-политическая история Приишимья (Тезисы выступлений на конференции). Отв.ред. Н.В. Алексеенко. – Целиноград: Изд-во обкома компартии Казахстана, 1990. - С.10-14.
375 Алексеенко Н.В. Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение состав 1870-1914 гг.). – Алма-Ата: Наука, 1981. – 112 с.
376 Абылхожин Ж.Б. Традиционная структура Казахстана: социально-экономические аспекты функционирования и трансформации. 1920-1930. - Алматы: Гылым, 1991. – 240 с.

377 Машимбаев С.М. Патшалық Ресейдің отарлық саясаты. - Алматы: Санат, 1994.- 135 б.
378 Алдабергенов К.М. Патшалы Ресейдің Қазақстандағы отарлау саясатының тарихынан. – Павлодар: ПГУ, 2003. - 199 б.
379 Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. – Астана: Полиграфия, 1998. -136 с.
380 Рахимбекова А.К. Роль имперского фактора в трансформации казахского общества (XIX-начало XX вв.): автореф. … канд.ист.наук: 07.00.02. -А., 2004.-30 с.
381 Барсукбаева А.М. Колониальная политика царизма в казахских землях в XIX-XX вв. (на материалах Северо-Восточного Казахстана): автореф. … канд. ист. наук: 07.00.02. - А., 2005.-30 с.
382 Кабульдинов З.Е. Состояние торговли у казахов Омского уезда Омского уезда Акмолинской области// Вестник Павлодарского университета. Серия гуманитарных наук. - 2004.-№2.- С.9-17.
383 Иманбекова А.А. Проблемы номадизма в исследованиях А.М. Хазанова // Вестник КазНПУ им. Абая, издательство: Изд-во КазНПУ им. Абая, 2014. - № 1(40). – С. 75-78.
384 Быков А.Ю. Российская правительственная политика в степных областях и трансформация традиционного казахского общества (1731-1917 гг.): диссер… док. ист. наук. - СПб., 2005. – 484 с.
385 Рахимбекова А.К. Роль имперского фактора в трансформации казахского общества (XIX-начало XX вв.): Дис., к.и.н.- Алматы, 2004, с. 170
386 Койгельдиев М. К. Алаш козгалысы - Алматы: Санат, 1995. - 368 с.
387 Козыбаев М.К. История России есть история страны, которая колонизуется // Столичное обозрение. 1998, 8 мая
388 Дергульян Г.М. Была ли Российская империя колониальной? // Международная жизнь 1991, №2. – с.78-88
389 Лурье С.В. От древнего Рима до России XX века: преемственность имперской традиции // Общественные науки и современность, 1997. - №4. – С.78-93
390 Дамешек И.Л. Роль этнического и природно-географического факторов в окраинной политике Российской империи // Азиатская Россия: люди и структуры империи: Сб. науч. ст. - Омск, 2005. - С.155-162.
391 Сорока Н.Н. Крестьянские переселения и их влияние на экономику казахского кочевого аула Степного края второй половины XIX – начала XX вв.: автореф…канд. ист. наук. – Омск, 2009. - 26 с.
392 Жиренчин К.А. Политическое развитие Казахстана в XIX-начале XX веке. – Алматы: «Жети жаргы», 1996. – 352 с.
393 Кусаинов К. Тургай: на рубеже двух столетий. – Алматы, 1994.
394 Мийманбаева Ф. Социально-экономические отношения в киргизских и казахских хозяйствах Семиречья в начале XX в. (по материалам комиссии П. Румянцева): Автореф…канд.ист.наук.- Фрунзе 1989.- 23 с.

395 Абдиров М.Ж. Завоевание Казахстана царской Россией и борьба казахского народа за независимость. (Из истории военно-казачьей колонизации края в конце XVI-начала XX вв.). - Астана. «Елорда» 2000. - 304с.
396 Абдиров М., Актамбердиева З. Семиреченское казачье войско. Из истории военно-казачьей колонизации Жетысу 1867-1917 гг. – Алматы: 2011. -362с.
397 Султангалиева Г.С. Западный Казахстана в системе этнокультурных контактов (XVIII-начало XX вв.). – Уфа: РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ, 2002. – 262 с.
398 Султангалиева Г.С. Трансформация традиционной культуры хозяйствования кочевых народов на трансграничных территориях: сравнительный анализ политики Российской империи в первой половине XIX в. // Материалы Международной научно-теоретической конференции «Теоретико-методологические подходы и проблемы изучения традиционных цивилизаций Центральной Азии» г.Алматы, 12 ноября 2015 г. – Алматы: Қазақ университеті. – С.183-187.
399 Султангалиева Г.С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII-начало XX вв.): автореф.д.и.н. – Алматы, 2003. – 49 с.
400 Садвокасова З.Т. Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (II половина XIX- начало XX веков) - Алматы. Қазақ университеті. 2005. - 345с.
401 История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Том 3. – Алматы: «Атамұра», 2000. – 768 с.
402 Аджигалиев С.Е. Культурно-исторические инновации в традиционной системе скотоводческого поселения казахов середины XIX века (К вопросу о генезисе стационарных кыстау) // Культура кочевников на рубеже веков (XIX- XX, XX- XXI вв.): Проблемы генезиса и трансформации: Материалы международной конференции, Алматы, 5-7 июня 1995. – Алматы, 1995. – С.133-152.
403 Ажигали С.Е. Эпоха культурно-исторического перелома в казахской степи: середина XIX в. // Труды Центрального музея. – Алматы: Гылым, 2004. – С.67-71.
404 Ажигали, С. Е. Очерк культурного наследия Арало-Каспийского региона [Электронный ресурс] / С.Е. Ажигали // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. - 2014. - Т. 5. - Вып. 1. - Часть 2: Пространство и время Каспийского Диалога. — Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprovr_e-ast5-1-2.2014.11
405 Томохико У. Взгляды царских генералов на кочевников и их воинственность (По поводу неосуществленного плана о сформировании конной милиции в Туркестане) // Материалы Международной конференции «Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы». – Алматы: Дайк-Пресс, 2004. – С.195-209.

406 Рахимбекова А. Методы колонизации Казахтана: практика реализации официальной политики в казахском обществе // Ұлт тағылымы. – 2003. - №3. - С.119-125.
407 Кусаинулы К. История Туркестанского края в эпоху царизма (в документах). – Алматы: Қазақ университеті, 2005. – 162 с.
408 Фризен Д.Я. Аграрное развитие Западного Казахстана: автореф. дисс… к.и.н. – Уральск, 2009. – 31 с.
409 Фризен Д.Я. Крестьяне-переселенцы в западном Казахстане в XIX – нач. XX в. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 3 (13). – С.55-57.
410 Фризен Д.Я. К проблеме оседания кочевого и полукочевого населения Западного Казахстана в XIX в. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 4 (14). – С. 54-56.
411 Фризен Д.Я. Проблема формирования и развития скотоводческо-земледельческой формы хозяйства Западного Казахстана в XIX – начале XX века// Среднерусский вестник общественных наук. - №1.- 2013.- С.197-201.
412 Фризен Д.Я. Аграрный вопрос в жизни Западно - Казахстанского общества в XIX – начале XX вв.// Самарский научный вестник. - 2016. № 2 (15). – С.101-105.
413 Иманбекова А.А. К вопросу номадизма казахов в исследовании Н.Э. Масанова «Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества» // Международная научно-практическая конференция «Традиционная и современная этнология Казахстана» приуроченная к 80-летию КазНУ им. аль-Фараби и 60-летию А.Б. Калыша». – Алматы, 2014. - С. 254-262.
414 Орынбаева Г.У. К истории кочевого и полукочевого хозяйства аридных зон Казахстана во 2-й половине XIX - начале XX вв. // Материалы Международной научно-практической конференции «История Казахстана: инновационные концепции и периодизация как приоритет научного познания» г. Алматы, 18 апреля 2013. – Алматы, 2013. – С.342-351.
415 Орынбаева Г.У. Трансформация кочевого хозяйства казахов в конце XIX – начала XX вв. в трудах С.Е. Толыбекова // Республиканская научная конференция «Толе би и национальная история» (Алматы, 11 июня 2013 г.). – Алматы, 2013. – С. 198–201.
416 Орынбаева Г.У. К вопросу о кочевом хозяйстве казахов аридных зон в конце XIX - начале XX века // Материалы Международной научно-практической конференции «II Аргынбаевские чтения» (25 декабря 2014 г.). – Алматы: Қазақ университеті, 2014. – С. 118-122.
417 Акимбеков С. Казахстана в Российской империи. - Алматы: ТОО «Институт Азиатских исследований», 2018. – 562 с.
418 Алимбай Н., Орынбаев Г.У. Традиционный казахский аул в трудах российских ученых (конец XIX – начало XX вв.) // Bylye Gody. - 2019. - Vol. 51. - Is. 1. – С.337-347.